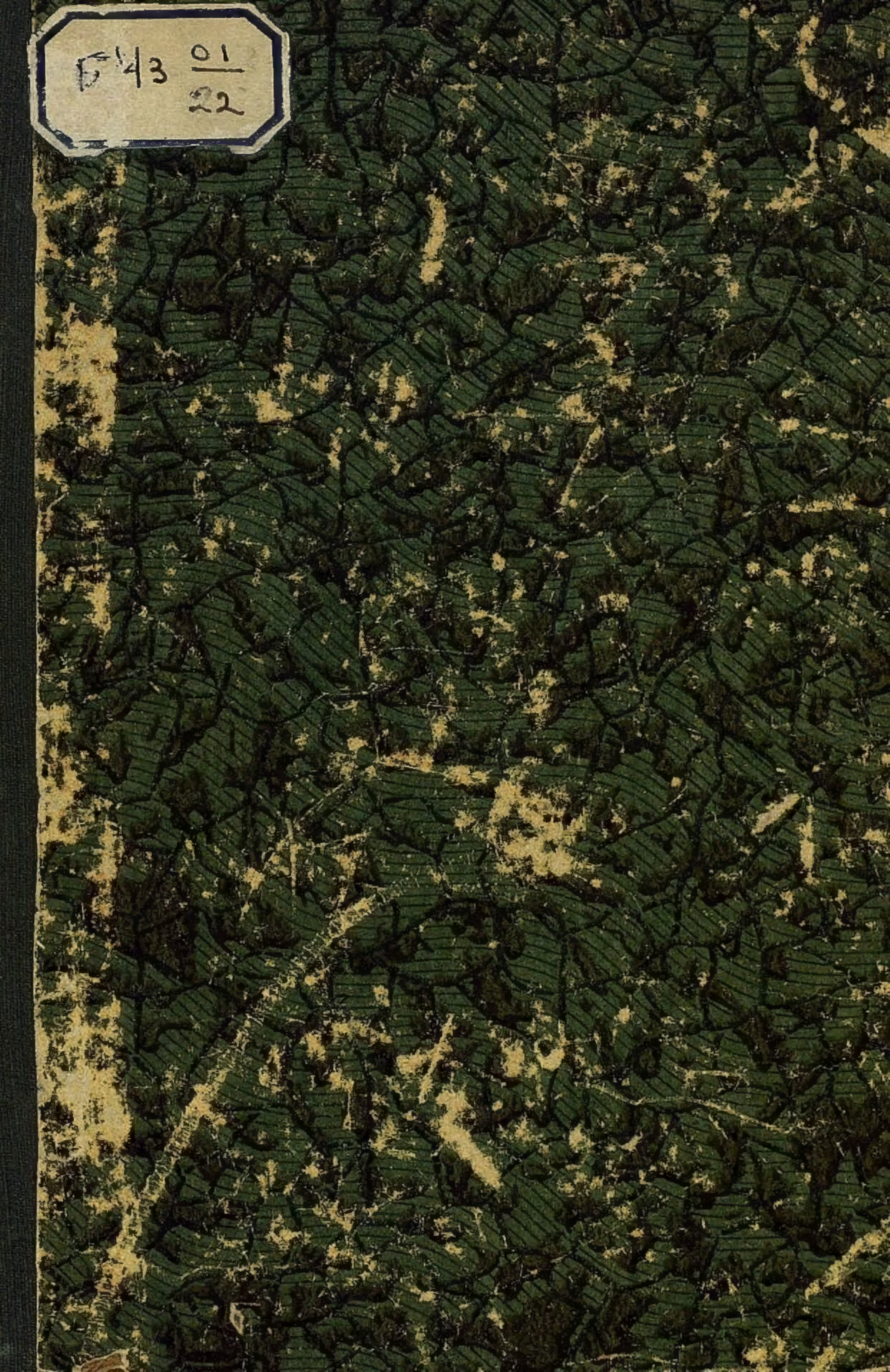

ЦЕНТРАРХИВ

«ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ»

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ М. Н. ПОКРОВСКОГО

Проф. А. Е. ПРЕСНЯКОВ

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА

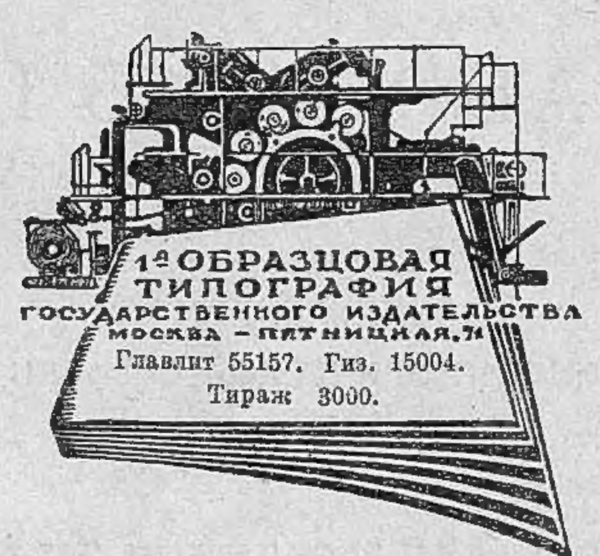
С ПРИЛОЖЕНИЕМ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ СПРАВКИ

Г. С. ГАБАЕВА

ГВАРДИЯ В ДЕКАБРЬСКИЕ ДНИ 1825 ГОДА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1926 ★ ЛЕНИНГРАД

1ª ОБРАЗЦОВАЯ
ТИПОГРАФИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА — ПЯТНИЦКАЯ, 71
Главлит 55157. Гиз. 15004.
Тираж 3000.

I.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЧВА ДЕКАБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ.

«В высочайшем манифесте о восшествии вашем на престол, как бы в утешение народа, сказано, что ваше царствование будет продолжением предыдущего. О, государь! ужели сокрыто от вас, что эта самая мысль страшила всех, и что одна токмо общая уверенность в непременной перемене порядка вещей говорила в пользу цесаревича». Так писал декабрист Штейнгель императору Николаю I в январе 1826 года из каземата Петропавловской крепости, вспоминая то впечатление, какое произвело заявление Николая в манифесте от 12 декабря 1825 года [1]), что его царствование будет «токмо продолжением» царствования Александра I, и что он намерен «следовать примеру» старшего брата. «Царствование его», пишет дальше Штейнгель об Александре, «если разуметь под словом сим правление, было во многих отношениях для России пагубно, под конец же тягостно для всех состояний, даже до последнего изнеможения».

Штейнгель высказал в этом письме суждение об итогах александровского царствования, на котором настаивали не одни декабристы в своих письмах и показаниях. Коренное изменение всей правительственной деятельности — и во внешней политике и в делах внутреннего управления, — как противоречащей интересам страны и всех ее общественных классов, было требованием самых различных общественных кругов в последние годы александровского царствования. Об этом свидетельствует богатый материал мемуаров и писем того времени, в которых так много отзывов о современных делах лиц, весьма далеких от деятельности и замыслов тайных обществ, людей, принадлежавших к правящей среде, к верхам придворного и административного аппарата, так же как и рядовых обывателей из дворянского и купеческого общества. Об этом сообщает — после 14 декабря

[1]) Опубликован 14-го, подписан 13-го, но задним числом.

1825 года — своему правительству французский посол Лаферронэ, хорошо осведомленный в настроениях петербургского общества и лично близкий к вел. кн. Николаю Павловичу. «Главная беда, — пишет он,—в том, что люди, самые благоразумные, те, кто с ужасом и отвращением взирали на совершавшиеся события, думают и громко говорят, что преобразования необходимы, что нужен свод законов, что следует видоизменить совершенно и основания и формы отправления правосудия; оградить крестьян от невыносимого произвола помещиков, что опасно пребывать в неподвижности и необходимо, хотя бы издали, но итти за веком и медленно готовиться к еще более решительным переменам».

Лаферронэ уловил, что правительство раздражало общественную массу не только своими действиями, но и своей бездеятельностью, тем, что не шло оно хоть сколько-нибудь, хоть медлительно и постепенно на мероприятия, назревшие в нуждах народно-хозяйственной и гражданской жизни. Правительство не пользовалось ни доверием ни уважением даже в кругах, которые были настроены вполне по-обывательски и весьма консервативно. Резкие проявления деспотизма и произвола во всех областях управления, разгул хищений и вымогательств, волокита и беспорядки в делопроизводстве — вскрывали бессилие власти справиться с задачами управления. А вместе с тем это правительство выступало властно и повелительно, резко противопоставляя свои интересы общественным стремлениям и потребностям. В обществе — и не только в среде декабристов — толковали, что происходит отделение «трона» от «народа». Такое «разделение» остро ощущалось в разных сторонах правительственной деятельности: и в финансово-экономической политике, в политике просвещения, и в постановке военного дела, и в отношениях международных.

«Выгоды казны совершенно несогласны с выгодами народа». Это заявление декабриста Каховского в письме к Николаю метко выразило общую мысль распространенной в разных кругах критики действий министерства финансов в их отношении к развитию экономических сил страны. Много настойчивых жалоб вызывал фискальный характер политики министерства в области таможенного, торгового и промыслового обложения; осуждалась система казенных монополий, и в борьбе казны с откупщиками общественные симпатии были на стороне откупщиков; резкую критику вызывали порядки казенных поставок, стеснительные для подрядчиков. Казна представлялась тяжелой соперницей частного предпринимательства в деле накопления капиталов. От правительства все настойчивее требовали служения интересам народившегося русского капитализма — и торгового, развертывавшего

свои обороты, и промышленного, еще не окрепшего, но уже действенного; требовали ограждения его от иностранной конкуренции, сильной в делах внешней торговли, проникавшей и на внутренний рынок. Бессилие руководителей государственного хозяйства справиться с депрессией денежного обращения, с резким падением курса, вызывало нарекания, как причина неустойчивости всех кредитных сделок и коммерческих расчетов, крупных убытков и банкротств. В этой критике всей финансовой политики власти сходились, в общем выводе, купечество и землевладельческое дворянство, втянутое рядом интересов в судьбы русской торговли и промышленности. Характерно притом, что в отзывах московского купеческого общества по вопросу о причинах упадка торговли и размера купеческих капиталов громче звучит голос промышленности фабричной, хлопочущей о прокровительственных и запретительных пошлинах, а в суждениях землевладельческого дворянства, особенно среднего по размеру поместий, чьи интересы более всего определили политико-экономические мнения декабристов, популярны идеи экономического либерализма и свободной торговли. Характерны и другие их разногласия: купечество требует регламентации торговли для устранения с своего пути конкурентов-крестьян и помещиков, осуждает усиленный вывоз русского сырья за границу и в этих пунктах не может, конечно, рассчитывать на поддержку землевладельческой среды. Но в общей критике финансовой и экономической политики правительства они сошлись и потянулись, каждая группа по-своему, к подчинению этой политики влиянию организованных общественных сил: купечество — в проектах об учреждении комитетов из фабрикантов и торгующего купечества для руководства развитием промышленности и внешней торговли, а передовые силы поместного дворянства — в ряде конституционных проектов, подчинявших всю государственную жизнь преобразованию на началах «народного представительства».

Новый лозунг, выдвинутый еще Сперанским в его проектах государственного преобразования: «торговля, промышленность, просвещение», ставил задачи народного просвещения в связь с очередными потребностями социально-экономической жизни России. Тяга к усвоению и распространению новых идей и новых сведений, к обновлению образования на экономической, политической и философской литературе, созданной заново буржуазной культурой Запада, захватила на время и правительственные верхи, оживило строившееся в России университетское преподавание и общественный интерес к проблемам просвещения. Политическая экономия — в духе экономического либерализма Адама Смита — и статистика, охватывавшая в тогдашней ее

постановке все стороны краеведения, политическая теория и публицистика — в духе буржуазного либерализма и конституционализма, — философия кантовского критицизма и английского утилитаризма — увлекают молодые поколения первой четверти XIX века. Интересы нового просвещения проникают и в купеческую среду, которая требует серьезной постановки коммерческого образования, чтобы поднять свой культурный уровень и техническую подготовку вровень с иностранными конкурентами. Крутой поворот правительственной политики с 1816 года на путь реакции с целью «основать народное воспитание на благочестии согласно с актом священного союза» и установить «постоянное и спасительное согласие между верою, ведением и властью» — повел к разгрому только что налаженного преподавания в высших учебных заведениях и к неистовому цензурному террору. Задачей стало пресечение всякого самостоятельного движения мысли и подавление той «промышленной образованности», как назвал один из декабристов новое направление интересов, которое вело к осмыслению назревавшей перестройки всех социально-экономических и государственно-политических отношений. И в этой области резко сказывалось все то же «разделение трона от народа». Вместо достижения поставленной цели — подчинять и «ввести в свои виды» подрастающие поколения — государственная власть только вконец подрывала реакционной политикой в области просвещения какое-либо влияние свое на «умоначертание» общества.

Более непосредственной опасностью для этой власти грозила утрата ею популярности в воинской среде. «Воинская сила есть верх и утверждение всех других сил государственных», — писал в свое время Сперанский в одной из записок, подводивших четкие итоги его беседам с Александром на политические темы: «и сие не только в отношении к внешней безопасности, но и в отношении к внутренней силе правительства; без воинской силы ни законы ни управление действовать не могут». А затяжной период боевой деятельности и воинских походов создал неизбежную трещину в этой главной опоре правительственной власти, в отношениях между ее самодержавным вождем, с одной, и боевым командным составом, а также солдатской массой, с другой стороны.

Гатчинские питомцы, Александр и Константин, были по-своему правы, когда находили, что война портит войска. Армия в походах теряла ту механическую выправку, которая достигалась беспощадно-жестокой дисциплиной, обезличивавшей солдата, подавлявшей и подрывавшей его силы, а командный состав воспитывала в армейской обо-

собленности от гражданского общества и в слепой покорности верховному вождю, «своему» государю военных. В годы войны эта армия почувствовала себя не пассивным орудием верховного командования, а силой, действующей на широкой арене крупных событий; походная жизнь разбила мертвящие рамки плац-парадной муштровки и при всех тяготах своих освобождала от каторги казарменного быта, поневоле сближала офицеров с солдатами в боевом товариществе, а долгое пребывание войск за границей расширяло их кругозор, знакомило с чужой культурой, иным складом понятий и отношений. Тяжелое впечатление произвело настойчивое стремление Александра, как только он прибыл к армии, еще в конце 1812 года в Вильне подтянуть войска в отношении мелочного соблюдения формы, производить смотры утомленным в походе воинским частям, вернуть их к утраченной «фронтомании». Такие приемы вызывали ропот, и Ермолову не были ни забыты, ни прощены слова, сказанные им в Париже младшим братьям Александра, что русские войска служат не государю, а отечеству и пришли в Париж защищать Россию, а не для парадов.

Недовольство воинских частей могло только усилиться по возвращении на родину, когда с переходом на мирное положение на них снова легла тяжелая муштровка, с «одиночным учением», мучительными упражнениями в «держании ноги» на весу при тихом ходе, «вытяжкой носков» и т. п. приемами шагистики, и снова пришлось свыкаться с постылой обстановкой казарменного полкового быта, пропитанного крепостническим духом, с грубым и жестоким обращением службистов-фронтовиков из унтер- и обер-офицеров; ведь солдатская служба «в течение 25 лет почти была каторгой», по отзыву офицера-декабриста. К возвращавшимся из заграничного похода приходилось начальству прикомандировывать офицеров, унтеров и ефрейторов особого подбора, чтобы заново «приучить полки к здешнему порядку», от которого они отвыкли.

А между тем опыт войны лишь углубил среди наиболее разумной части командного состава сознание не только бесполезности, но прямого вреда господствовавшей плац-парадной фронтомании и жестокой палочной дисциплины для воспитания войск и их боевой подготовки. Это всего ярче сказалось в быту того оккупационного корпуса, который был оставлен во Франции до осени 1818 года под начальством молодого генерала М. С. Воронцова. Воронцов сделал решительную попытку преобразовать армейский быт, систему обучения войск и обращения с солдатами; начал последовательную борьбу с «бесчеловечием» в военной службе, отменил жестокие наказания за дисциплинарные про-

ступки, не имевшие характера преступлений, преследовал произвольное битье солдат офицерами и их жестокое, крепостническое обращение с денщиками; принял меры к под'ему культурного уровня солдат обучением их по модной тогда «ланкастерской системе взаимного обучения», устроив в своем корпусе 4 училища; провел реформу военносудного дела, устраняя из него царивший начальственный произвол. Воронцов в производимых им опытах видел начало общей реформы русского армейского быта и представлял о его результатах в Петербурге, предлагая учреждение ланкастерских школ по всей армии [1]), реформу военного суда по началам, какие он изложил в особой записке [2]). А в результате — его корпус был по возвращении в Россию в 1818 году немедленно расформирован. Начинания его не получили, конечно, общего значения, но все-таки создали своего рода школу среди некоторых элементов командного состава, которым и удалось на время ввести в отдельных полках более культурные порядки.

Но отдельные усилия не меняли по существу общего армейского строя. А строй этот ложился особой тягостью на гвардию и вообще на войска петербургского гарнизона. В столице особое обилие постоянных караулов, смотров и плац-парадов выдвигало на первый план именно ту показную сторону службы, с которой связаны наиболее тяжкие ее стороны. К тому же она протекала на глазах у высших блюстителей фронтовой муштровки — имп. Александра и его братьев, Николая и Михаила, и отборного командного состава фронтовиков-службистов, среди которых был весьма значителен процент служилых немцев, сугубо далеких от человечного отношения к русскому солдату. С другой стороны, особым порядком комплектования гвардейских

---

[1]) При главной квартире Воронцова была издана книга «Краткая метода взаимного обучения для первоначальной школы российских солдат, приспособленная равно и для детей. Крепость Мобеж во Франции 1817 г.», — сокращенный перевод одной французской книжки.

[2]) «Замечания о производстве в корпусе военных судов». Воронцов имел некоторое основание рассчитывать, что вводимые новшества встретят сочувствие высших властей. Император Александр еще в 1804 году в приказе инспектору кавалерии указывал на нелепость суровых наказаний за мелкие проступки и промахи; в «Военном Журнале» за 1810 год, в статье «Еще и поныне» осуждались жестокость и тиранство за «учение», и то, что в войсках «поколачивают без содрогания», а в том же году военный министр Барклай-де-Толли осудил в особом циркуляре обоснование дисциплины и воинского порядка «на телесном и жестоком наказании». Но все эти выступления, слишком неопределенные и бессильные, не пошатнули системы «бесчеловечия», корни которой слишком глубоко вросли в самую почву самодержавно-крепостнического строя.

воинских частей, переводом в гвардию солдат из армейских полков, тех, которые там признаны были за лучших, обусловлен в общем относительно старший по возрасту их состав, при чем если часть этих служак выходила в унтера и ефрейторы путем сугубого усердия в фронтовом искусстве, на этом строила свою судьбу и становилась тяжелым орудием муштровки для прежних сотоварищей, то другая — и в их же среде и в рядовой солдатской массе — сносила удручающий и унижающий полковой режим с угрюмым и напряженным недовольством.

Струя свежего воздуха, ворвавшаяся в эту удушливую атмосферу полкового быта в период наполеоновских войн и особенно заграничных походов 1813—1814 годов, вызвала несомненное брожение в солдатской массе, грозившее стать политически опасным. Солдат стал более впечатлителен к унижению своего личного и корпоративного достоинства, чувствительнее к несправедливости, произволу и жестокой грубости; солдаты стали задумываться над своею участью и обсуждать ее. Участникам «освободительных» войн представилось несносной несправедливостью возвращение под барскую и офицерскую палку; трудами боевых походов казалось заработанным право на улучшение участи рядового воина и той закрепощенной массы, из которой он вышел. Ропот вызывала судьба отставных, выбывших из строя за частичной мобилизацией, их беспризорность и обреченность либо на нищенское скитальчество, либо на возврат в крепостную деревню чужаком, отвыкшим от крестьянского труда и от постылого крепостного быта. Но и помимо таких гражданских настроений, свое воинское общественное мнение сказалось в солдатской массе неожиданной популярностью Наполеона, которого солдаты в толках своих противопоставляют, как подлинного вождя, не одному только «Дизвитову» (так они прозвали Людовика XVIII — le dix-huit), чьим ничтожеством поддразнивали французов; проявление своего рода культа наполеоновской славы в русской военной среде сказывалось и в Петербурге по возвращении войск, тревожило и смущало насторожившееся начальство. Бдительность этого начальства направлялась все напряженнее на брожение, сказывавшееся не только в гвардейских полках, но и в полках южной армии. Подавить его пытались усиленным применением старых приемов — суровой дисциплинарной требовательностью, жестокой расправой за малейшие ее нарушения, а всего больше обезличивающим и отупляющим фронтовым учением, которое стремилось замуштровать воинские части до полной механичности всех строевых движений.

Однако для проведения в жизнь этой мертвящей системы надо было располагать надежным командным составом, вполне проникшимся видами начальства. А такой состав далеко не всегда был под рукой. В ряде полков офицерство — особенно молодое — оказалось заразившимся новыми либеральными и гуманными тенденциями, в духе мобежских начинаний Воронцова. С перепугу их считали «якобинцами», носителями «революционного» духа. И высшие власти принялись за перетасовку и чистку офицерского состава. Широкое развитие получил в армии тайный политический сыск, шпионство и провокация, охотно принимались и получали ход доносы, усиливалось «внутреннее наблюдение». Идут пересмотры личного состава офицерства, их перемещения и смещения, исключения из службы, перевод в глухие окраины. На верхи командования последовательно подбираются фронтовики-службисты в ущерб людям с боевыми заслугами, популярным в войсках и смеющим свое суждение иметь; лица, наиболее популярные и авторитетные в военной среде, отталкивались в оппозицию правительственной власти, и все это усиливало ропот и недовольство среди офицерства, к тому же выходившего в основной своей массе из того среднего и мелкого дворянства, которое было в эти годы настроено оппозиционно по ряду других причин — общественно-экономического и политического характера. Профессионально-корпоративные настроения военной среды сходились с настроениями общественной массы в недовольстве правительственной властью, направлением ее деятельности и личным составом ее наиболее влиятельных представителей.

Такая близкая, органическая связь брожения в воинских частях с оппозиционными настроениями более широких общественных кругов не была тайной для императорской власти. Всячески подавляя это брожение, власть остро ощущала расхождение с главной своей опорой. Армия была необходима, притом численно большая, в годы широкого размаха внешнего, европейского влияния России и значительной напряженности внутренних отношений в стране. Ее содержание поглощало огромную долю государственного дохода — до 45%, ложилось большой тягостью на финансы и без того расстроенные, и все-таки было обеспечено далеко недостаточно. Ропот войск усиливался плохим состоянием полкового хозяйства, обычной необходимостью затрачивать на улучшение своего содержания и на поддержку в исправности амуниции собственные средства их личного состава — солдатские заработки и офицерские доходы; ропот общественный — размером непроизводительных затрат, не обеспечивавших достаточный уровень технического оборудования сухопутной и морской военной силы. Совокупность всех

этих условий — экономических и политических — выдвинула план коренной реформы всей системы содержания войск с учреждением пресловутых военных поселений.

Мысль о них не была новинкой; знал ее и XVIII век; и при Александре первый опыт с ними был сделан еще в 1810 г. Но только с 1816 года устройство военных поселений развернуто в широкий план создания особого военно-земледельческого сословия с целью сократить расходы казны, облегчить рекрутчину, облегчить и содержание полков и их службу, которая впредь не должна отрывать солдата от семьи и привычного земледельческого труда. С 1816 года приступили к расселению воинских частей баталионами и эскадронами по волостям государственных крестьян с зачислением волостных крестьян в военные поселенцы ради комплектования войск подрастающими поколениями и содержания поселенных войск на самоснабжении от их земледельческого труда. Облегчения не получилось, так как казарменная каторга оказалась внесенной в быт поселений; военные поселенцы с 6 лет до 42-х обязаны соблюдать военную форму даже на полевых работах, весь их домашний и сельский быт подчинен строжайшей регламентации и связан усиленной военной муштровкой при все той же мелочной и жестокой дисциплинарной расправе командного состава. Военные поселения стали сразу ненавистны народной массе, их насаждение и распорядки встречены попытками сопротивления, которые подавлялись с безудержной жесткостью. Не получилось и экономии. На оборудование военных поселений пришлось затратить такие суммы, что, по мнению сведущих людей, на одни проценты с этого капитала можно было бы содержать такое же количество войск.

С другой стороны, все это дело вызвало раздражение и тревогу в дворянских общественных кругах. Тут в учреждении военных поселений видели прежде всего политическую цель и политическую опасность, притом двойную, обоюдоострую. В среде, отнюдь не оппозиционной, на верхах придворного общества толковали о том, что устройство военных поселений «создает в стране особое военное сословие», вооруженную силу в руках верховного вождя, «непосредственно признающую только его волю», силу, которая может стать орудием подавления всякого общественного движения к свободе. Так рассуждала о поселениях даже имп. Елизавета в письме к матери, а декабрист Сергей Трубецкой видит в них «особую касту, которая, не имея с народом почти ничего общего, может сделаться орудием его угнетения», составляя притом такую силу, «которой в государстве ничто противустоять не может». Граф С. Р. Воронцов называл по-

селенцев «новыми стрельцами», а секретарь императрицы Лонгинов, соглашаясь с ним, предвидит, что эта каста «уничтожит дворянство». В недоверии к дворянству, которое слишком долго распоряжалось престолом, видели об'яснение преданности Александра гатчинской военщине. «Он совсем не любит дворянства», пишет об Александре французский посол гр. Ноайль, «нелюбим последним и считает себя достаточно сильным со своей армией, чтобы действовать против всякого врага не только внешнего, но и внутреннего». Когда эта уверенность пошатнулась, Александр ухватился за идею военных поселений, как за попытку создать армию, независимую от дворянства и рекрутских наборов: так смотрят на дело новейшие исследователи вопроса [1]) Но императрица и Трубецкой видели также другую сторону дела: новая сила либо будет в руках государя, либо ее использует «народная партия»; поселения могут стать очагом стихийного восстания или дать опору какому-нибудь «хитрому честолюбцу». Мысль о военных поселениях, как о возможной революционной силе, бродила в уме декабристов накануне восстания, а некоторые после его неудачи признали ошибкой, что не было сделано попытки связаться с поселениями; но призрак народного стихийного движения неизбежно парализовал такие мысли.

Упразднение военных поселений стало одним из непременных общественных требований: в них было одно из наиболее ярких воплощений разлада общества с властью. Военная реформа признана необходимой, но желательное ее направление представлялось совсем иным. Военным поселениям противопоставляли сокращение срока службы, хотя бы до 12 лет. Такая постановка вопроса была тем более естественной, что еще в 1811 году особый комитет принял, согласно с желанием императора, предложение адм. Мордвинова о таком уменьшении срока солдатской службы, а в 1816 году прямолинейный исполнитель насаждения поселений Аракчеев сам возражал против них и предлагал вместо того сокращение срока до 8 лет [2]). Так и тут, в военном деле, ряд назревших преобразований и в постановке воинской службы и в пересмотре всего ее устава, по существу признанных, хотя бы частично, самой верховной властью, не только остался без осуществления, но и подвергся искажению, а осужденные отрицательные

---

[1]) С. Н. Валк, статья «Поселения военные» в Энциклопед. словаре, изд. Гранат. А. Н. Шебунин, «Из истории дворянских настроений 20-х годов XIX века» («Борьба классов», кн. 1—2). Письмо имп. Елизаветы (июнь, 1820) в «Русск. Архиве», 1910, кн. 3 (в изд. ее переписки с вел. кн. Ник. Мих. этого нет). Записки кн. С. П. Трубецкого (П. 1907), стр. 15—16.

[2]) Некоторое сокращение — до 22-х лет — было установлено в 1818 г.

стороны армейского быта и строя только усилены и стали еще тяжелее. И в этой области видим резкое расхождение между верховной властью, заблудившейся на путях политической реакции, и нарождавшейся новой общественностью не только гражданской, но и военной.

Все эти отношения достигли особой напряженности с 1820 года, после волнений в Семеновском полку. Этот взрыв вскрыл глубокий надрыв в быту и настроениях гвардии. Систематическое и намеренное обременение солдат непосильными требованиями, с целью их «подтянуть» и «выбить дурь из головы этих молодчиков», по выражению Аракчеева, все больше входило в систему и по временам вызывало протесты и жалобы в разных полках, при чем обычен был один результат: строгое наказание «беспокойных». Семеновскому полку пришлось с апреля 1820 года, с назначением нового командира, полк. Шварца, из аракчеевской фронтовой школы, пережить крутой перелом полкового быта в самой резкой и уродливой форме. Заведенные им порядки были не только мучительны, изнуряя людей, и разорительны, так как заставляли их на свой счет выправлять амуницию, но принимали характер прямого издевательства и надругательства. Конечно, Шварц был только крайним воплощением системы, которой опорой стал по отношению к первой гвардейской пехотной бригаде вел. кн. Михаил Павлович, назначенный ее командиром в 1819 г., и не он один доводил ее до замены ученья бессмысленной дрессировкой в разных фронтовых «штучках», приемами грубой и оскорбительной жестокости в расправах по самому мелкому поводу. Но для семеновцев переход был слишком крут; до Шварца в этом полку жилось сравнительно легче, чем в других полках, с офицерским составом, из среды которого вышло несколько декабристов и тогда уже причастных к тайному обществу. В таком офицерстве новый полковой командир ничего не мог встретить, кроме ненависти и презренья; семеновских офицеров генералитет потом и осуждал за то, что они бранили Шварца и насмехались над ним при солдатах. Было ли это бытовой чертой или намеренной пропагандой? Надо признать, что было и то и другое. В разгар сознательного стремления к общественной работе, к оздоровлению русской общественности пропагандой разумных понятий и освободительных тенденций, к сближению с солдатской массой, к под'ему ее культурности и гражданского самоуважения — что́ так характерно для интеллигентских офицерских кругов за те годы — нравственная, по крайней мере, поддержка солдат против угнетавшего их командира со стороны офицеров Семеновского полка не могла ни отсутствовать, ни быть только бытовой и случайной. Но планомерных агитационных действий с на-

мерением вызвать солдат на активное выступление в 1820 году не было и быть не могло в то время, когда искания организационной устойчивости и программы, целевой и тактической, были так еще расплывчаты и неопределенны в самом Союзе благоденствия. Передовое офицерство искало сближения с солдатской массой и влияния на нее, но далеко еще не было подготовлено, чтобы вызвать ее движение и руководить им. Солдаты Семеновского полка выступили в сильном, но сдержанном протесте против постылого гнета одни, без своих ротных и баталионных командиров и вопреки их уговорам. Встряска была крепкой и вызвала на верхах большую тревогу.

Демонстрация семеновцев нашла отклик. С трудом удалось двинуть к семеновским казармам егерей и конную гвардию. Преображенцы, лейб-гренадеры, солдаты Московского полка громко выражали сочувствие семеновцам. Полковые командиры не отвечали за свои полки: «каждый почти не был уверен в своих подчиненных и страшился, чтобы у него того же не произошло», писал ген.-ад'ют. Закревский в докладной записке по этому делу. Но движение не разрослось, характера восстания не приняло, ликвидировано без столкновений и без попытки сопротивления, оставив только сильное впечатление от правоты солдат, их удивительной выдержки и незаслуженно резкой кары. Однако даром опыт не прошел. Раскассирование всего личного состава полка, замененного новым формированием, разбросало старых семеновцев по разным воинским частям, где они сыграли, несмотря на сугубо бдительный надзор, свою роль в росте протестующих настроений армии и в подготовке отдельных ее частей к активному выступлению, особенно в южной армии...

Никто из членов Союза благоденствия в деле Семеновского полка участия не принимал. Только задним числом кое-кто из них пожалел потом, что случай был упущен. Усерднейшие розыски воздействия на семеновцев со стороны не привели ни к чему ни тогдашние власти ни позднейших исследователей. А между тем через несколько дней найдены были две замечательных прокламации, два воззвания — одно к преображенцам, другое вообще к «воинам», с призывом к выступлению на защиту семеновцев, составленные в решительном духе не политической только, но и социальной революции: войска призываются к восстанию не только против государя, но и против дворянства, призываются «арестовать всех начальников, дабы тем прекратить вредную их власть», выбрать новых «из своего же брата солдата», изменить государственный строй заменой государя законами, по которым управлять будут выбранные начальники, упразднить служебные

привилегии дворянства, защитить себя «от бессильных и гордых дворян», которые высылают войска из Петербурга, «дабы тем укротить справедливый гнев воинов и избегнуть общего мщения за их великие злодеяния». Правительство отождествлено в этих воззваниях с дворянством; протест вызывает классовый характер государственной власти: угнетение народа податями сопоставлено с изнурением крестьян на барщине; неправосудие судебных мест для бедняков, недоступность для крестьянских детей науки, хотя «оная всякому безотменно нужна», вся эта социальная неправда должна побудить солдат, которые «в такой великой силе», не смотреть хладнокровно «на подлого правителя», а призвать его к ответу, «для какой выгоды дает волю дворянам торговать подобными нам людьми, разорять их и их (солдат) держать в таком худом положении».

Таким языком не говорил никто из декабристов не только в Северном, но и в Южном обществе, таких радикально-революционных суждений никто из них не высказывал. Оба воззвания — одного тона и, надо полагать, вышли из одних рук; по содержанию они только дополняют друг друга. Этот призыв к непосредственному и решительному перевороту остается признать проявлением чьей-то индивидуальной мысли. Чьей? Из какой среды? Настроение бунтарского радикализма можно для тех лет искать только вне круга тайных обществ, в более демократических кругах, от которых до нас не дошло почти никаких данных для более близкого ознакомления с ними. Это, всего скорее, та среда, которая имела свое место и значение не только в городской толпе вообще, но и в гвардейских казармах. Это та среда, о которой заговорил Каразин в ответ на вопрос гр. Кочубея, могут ли среди солдат найтись такие, кто решился бы взять на себя начальство при каком-либо возмущении. «Кто знает», отвечал Каразин, «между солдатами есть люди весьма умные, знающие грамоте; много есть солдат из бойких семинаристов, за дурное поведение в военную службу отданных; есть и из дворовых весьма острые и сведущие люди, есть управители, стряпчие и прочие из господских людей... они, как и все, читают газеты и журналы». Воззвания 1820 года, столь близкие по тону и содержанию прокламациям шестидесятых годов, подготовляют нас к пониманию настроения толпы, окружавшей 14 декабря Петровскую площадь, толпы разночинцев, которые остаются пока на заднем плане общественного движения [1]).

---

[1]) Ср. В. И. Семевского, «Волнения в Семеновском полку в 1820 г.» («Былое, 1907 г., № 1—3); С. Я. Штрайх, «Восстание Семеновского полка в 1820 г.» (П. 1920); С. Берсенев, «С. И. Муравьев-Апостол». (М. 1920). Авторы

Автор воззвания к преображенцам решительно противопоставляет правительство и дворян, на одной стороне, а солдат с крестьянами — на другой. Тут и весь его социальный кругозор. Общественное движение, достигшее высшей точки в деле декабристов, росло на иной почве. И тут могли ставить и ставили задачу отмены рекрутчины, уравнения всех сословий в воинской повинности, даже уничтожения постоянной армии, но как преобразований, которые проведет будущее обновленное правительство, а революцию представляли себе военным переворотом, выполненным воинскими частями в строю под командой офицеров, без самочинных действий массы. И тут ставили на очередь освобождение крестьян, но отнюдь не как их самоосвобождение, а как меру, назревшую в потребностях новой экономической жизни, для дальнейшего капиталистического развития которой являлось препятствием господство крепостного хозяйства, и притом не только потому, что оно тормозило рост внутреннего рынка для свободной торговли и лишало промышленность достаточного резерва рабочей силы, но особенно потому, что «крепостной труд составляет главное препятствие к введению агрономических улучшений», т.-е. только тормозит решительный переход помещичьего хозяйства в предприятие, построенное на началах аграрного капитализма; отсюда понимание реформы, как освобождения либо безземельного, либо с весьма малым наделом— в размере усадебной оседлости или 2—3-х десятин на двор — и с превращением крестьян частью в наемных батраков, частью в арендаторов помещичьей земли.

В этой среде было встречено полным сочувствием освобождение крестьян в губерниях Остзейского края, выполненное в интересах остзейских баронов-аграриев. При таких условиях наши сторонники крестьянской реформы имели основание рассчитывать, что правитель-

---

эти склонны приписать воззвания 1820 г. Сергею Муравьеву-Апостолу. Однако указываемые черты их сходства с агитационными формулами Муравьева касаются только общих мест антимонархической агитации, а то, что так характерно для приемов Муравьева — обращение к религиозным мотивам — отсутствует в воззваниях; наоборот, особо характерное для воззваний — обращение к классовым инстинктам солдатской массы с попыткой внести в эти инстинкты сознательность — отсутствует у Муравьева. Удостоверено лишь то, что С. И. Муравьев-Апостол при начале волнений в полку уговаривал солдат своей роты «не губить себя и его» бесплодным выступлением. Ср. ценные замечания С. Н. Чернова в рецензии на книжку Штрайха — «Былое», кн. 22 (1923 г.) и в статье: «К истории политических столкновений на Московском с'езде 1821 г.» (оттиск из уч. записок Сарат. Гос. Ун-та, т. IV; в. 1, стр. 26—27.).

ство пойдет навстречу их проектам, тем более, что оно еще в самом начале александровского царствования обсуждало социальную реформу на началах свободы труда и собственности в негласном своем комитете. Однако и по этому вопросу пришлось убедиться в полном расхождении с властью, повернувшей к иным тенденциям. Не отвергая в принципе очередного значения самого вопроса, имп. Александр решительно отстранял всякий общественный почин в его возбуждении и решении. Так, на записку «о крепостном состоянии», составленную в 1819 г. Н. И. Тургеневым по почину ген.-губ. гр. Милорадовича, император отозвался, что выберет, что найдет лучшим из поданных ему записок и что-нибудь сделает, когда найдет нужным; так он вполне отрицательно отнесся к предположению учредить общество для содействия освобождению крестьян, к которому примкнули представители общественных верхов, как гр. М. С. Воронцов, кн. А. С. Меньшиков, гр. Потоцкий, кн. П. А. Вяземский и братья Тургеневы. Сторонникам реформы, хотя бы самой умеренной, пришлось лишний раз убедиться в полной безнадежности сдвига дела с мертвой точки.

Для последних лет александровского царствования характерен своеобразный паралич сколько-нибудь творческого правительственного почина. Формально-огромная сила центральной власти растрачивалась на мероприятия столь же бесплодные, сколько тяжелые для русской общественности, устремившейся к новым путям дальнейшего развития производительных сил страны, социально-политической организации и всей культуры. В правительственной работе преобладала деятельность чисто отрицательная: усиление полицейского надзора и сыска, подавление порывов общественного почина, кастрация просвещения, безудержный гнет цензуры; в военном деле — мертвящая весь армейский быт фронтомания, унизительный произвол и организованный политический сыск, не чуждавшийся приемов провокации; в государственном хозяйстве — слабосильные попытки наладить устойчивость денежного обращения, фискализм, усиление обложения и тяга к казенным монополиям. Затрата больших народных средств на содержание громадного правительственного аппарата представлялась все менее производительной, настолько запущенными оказывались все стороны управления и неудовлетворенными насущные потребности страны. Поставленные на очередь самим же правительством реформы в разных областях народно-государственного быта оставались без движения, и даже подготовительная теоретическая их разработка остановилась после нового широкого плана государственного преобразования империи, выработанного в 1818 г. по поручению Александра Новосильцевым, который

составил было проект не только «государственной уставной грамоты», но и манифеста, об'являющего стране ее новую конституцию. Знаменательно совпадение вспышки в Семеновском полку с пребыванием Александра на конгрессе в Троппау (окт. — дек. 1820 г.), где русский император окончательно спасовал перед австрийским министром и принял к руководству «меттерниховскую» систему реакционной политики. Сюда, в Троппау, привез Александру известие о «происшествии в Семеновском полку» П. Я. Чаадаев, тогда еще гусарский поручик. Александр усмотрел в этом событии одно из проявлений международного революционного движения, направленного против международного «священного союза» законных властей и высказывал даже уверенность, что оно вызвано революционной интригой, чтобы создать ему затруднения и сорвать работу конгресса. С тех пор над ним тяготеет гипноз страха перед этой международной революцией; он чувствует общеевропейский и роковой характер движения: «современность происшествий не дозволяет сомневаться в однородстве начал и причин оных». Мысль его с той поры сосредоточена на охранительной задаче: на защите монархической власти, и перед этой «великой задачей» должны отступить всякие иные побуждения в деятельности государей — членов «священного союза».

Рассматривая все брожение в русских войсках и все русское общественное движение в связи с общеевропейской международной революцией, Александр подчинил этой точке зрения всю свою внешнюю политику. В результате получилось резкое противопоставление политических интересов самодержавной власти русским национальным и общественным интересам, как их понимали господствующие группы русского общества, а вместе с тем подчинение внешней политики России усиленному давлению австрийского правительства во всех очередных вопросах. «Явное сие господство и влияние венского кабинета над нашим» вызывало негодование и вело к последствиям, которые воспринимались как прямая измена национальным интересам. А еще острее воспринималась в том же смысле более самостоятельная польская политика Александра. В общем же вся общественная критика внешней политики правительства была тесно связана с острым недовольством внутренним состоянием страны, с исканием выхода из депрессии и расстройства внутренней жизни России и прямо из них вытекала.

Тягость рекрутских наборов и расхода на содержание большой армии в мирное время казалась ничем не оправдываемой, даже помимо неудовлетворительного ведения всего военного хозяйства. «Император

Европы», как с укоризной и раздражением прозвали Александра, нуждается в этой силе для своей роли в европейских делах и участия в подавлении там, на Западе, всяких проявлений освободительного движения. А принципы европейской реакции далеко не пользовались сочувствием даже в наиболее консервативных кругах, так как противоречили их националистическому настроению. Последовательно проведенное на Венском конгрессе и усиленно проводимое «священным союзом» отрицание принципа национальных самоопределений решительно расходилось с настроением общества, которое, с одной стороны, пробудилось к национальному самоутверждению на почве осознанных интересов русской торговли и промышленности, а с другой — видело интерес России не в подавлении, а в поддержке некоторых национальных движений, особенно на Балканском полуострове, греческого и южно-славянского, отчасти и среди австрийских славян. Освобождение национальных производительных сил от пут тяжкого политического и социального строя мыслилось в связи с созданием широких условий для их развития в международном положении страны; идея национальной независимости обострялась требованием самостоятельной экономической политики, не подчиненной условным соображениям международной системы и тенденций «священного союза», а направленной на служение целям экономического развития страны и направляющей всю внешнюю политику ее правительства. Во всех общественных движениях первой четверти XIX века характерна эта связь стремления к политической свободе и национальной независимости. И национальные буржуазные революции в Испании (январь — март 1820 года), июльская — в Неаполе, пьемонтская вспышка в марте 1821 года — были понятны и встретили сочувственный отклик в передовых кругах русского общества; интерес и сочувствие они вызывали не только по существу, умеренно-либеральному и национально-конституционному, но и по форме военного переворота, организованного командным составом и свободного от элемента «анархии» — народного массового движения. Еще шире и глубже был общественный отклик на греческое восстание (в марте 1821 года). Пассивное отношение императорского правительства к балканским делам сложилось под давлением меттерниховского понимания положения дел в Европе, когда необходимо во что бы то ни стало охранять международный мир, так как всякий военный конфликт вызовет новые революционные движения, в основе которых лежит опаснейший для европейского мира «под'ем дремавших сил национальности». Бродили и порывались к активному влиянию и силы русской общественности; бродила и

русская воинская сила; война казалась не разрядом для брожения, каким считались войны в другие исторические моменты, а рискованным экспериментом для правительства, напуганного перерождением армии в походах 1813—1814 годов. К тому же это воздержание от сколько-нибудь активного выступления имело свои об'ективные основания в расстройстве экономики страны и ее финансов. Здание казалось расшатанным в основах. Тронуть его — внутренней ли сколько-нибудь решительной преобразовательной работой или внешним военным напряжением — грозило опасностью взрыва. Такой панический диагноз состояния империи имел силу не только в сознании правящих верхов; и среди будущих декабристов встречаем суждение о том, что «уму непостижимо, как все это еще держится» (Завалишин), или что неизбежен переворот, «который может быть последствием одного только несовершенства финансовой системы», так что его «ни предвидеть, ни остановить нельзя» (С. Трубецкой), и т. п. Не мудрено при таком умоначертании, что «любовь к отечеству» стала основным революционным мотивом, а первое наименование тайного общества было «союз спасения» — спасения родной страны из положения, грозившего национальным банкротством.

А «любовь к отечеству» была глубоко задета ходом международных дел. Балканские дела подорвали торговое движение Черноморского юга, Турция закрыла проливы для русских судов, а правительство не принимало к руководству того обстоятельства, что «скорое приведение в порядок греческих дел необходимо для процветания южной торговли», не говоря о полном отказе от популярных в обществе планов завоевательной политики вплоть до «изгнания турок из Европы» и «учреждения флота на Архипелаге», хотя еще так недавно — в эпоху Тильзитского союза — вело турецкую войну и добивалось от Наполеона признания Молдавии и Валахии русскими провинциями [1]). Идея национальной независимости, тесно связанная со стремлением обеспечить своей стране достаточно широкую территориальную область для хозяйственного развития, легко переходила в националистическое

---

[1]) Еще в 1815 г. М. Ф. Орлов — этот полудекабрист из генералитета — с гр. Дмитриевым-Мамоновым намечали в программе тайного «ордена русских рыцарей», вместе с основами аристократической конституции, укреплявшей государственное и крупно-землевладельческое значение «наследственных вельмож», программу политики, сочетавшую насаждение землевладельческой аристократии (в подражание английскому лэнд-лордству) с широким развитием внешней торговли на Ближнем и Дальнем Востоке и завоеванием Венгрии, всех славянских народов, Турции, с «восстановлением греческих республик под протекторатом России». Превращение европейских владений

стремление к борьбе за выгодное для этого развития «место под солнцем». От правительства требовали не только освобождения национальных сил к самодеятельности, но и энергичной внешней политики. В данном вопросе «греческие дела» чувствительно ударили по русскому хлебному рынку сильным сокращением вывоза, только что налаженного на южных путях и открывавшего широкие перспективы дальнейшего развития. Застой в хлебной торговле, понижение цен на хлеб были чувствительны для помещичьего хозяйства, обостряли недовольство правительственной политикой, хотя, с другой стороны, охлаждали тягу к интенсификации хозяйства и усиливали на время консерватизм помещичьей среды и ее связанность условиями рутинного крепостного хозяйства. Эти противоречия сложившихся отношений лишили в конечном счете движение декабристов сколько-нибудь широкой поддержки в обывательской помещичьей массе, несмотря на то, что сами по себе питали общее недовольство: освобождение крестьян даже в той его форме, какая замышлялась членами тайных обществ, оказалось преждевременным.

Еще острее переживалось русским обществом недовольство западной политикой Александра, в центре которой для интересов этого общества стоял польский вопрос. Само по себе присоединение Польши к империи не встречало возражений; но подлинно популярным оно было только в наиболее консервативных кругах, вельможных и крупноземлевладельческих, где мечтали о полном ее захвате, с «обращением всей Польши как прусской, так и австрийской в губернии Российские», — так сформулировано это требование в бумагах «ордена русских рыцарей»; мечтали в этих кругах о сильном расширении за счет новых «российских губерний» своего крупного землевладения подобно тому, как насаждала его Екатерина II своими пожалованиями после «разделов» и как хлопотал — по изгнании наполеоновской армии из России — Кутузов о награждении русских генералов и офицеров землями литовских и белорусских помещиков, ставших в ряды польских легионов.

Польская политика Александра пошла в разрез не только таким землевладельческим аппетитам. Организация вновь приобретенных

Турции в федерацию нескольких автономных областей под протекторатом России входило в планы, какие строили в свое время Александр с Чарторыйским. Крайняя политическая наивность «русских рыцарей» не лишает их тенденций показательности для настроений тех времен. Эти «пункты преподаваемого во внутреннем ордене учения» изданы А. К. Бороздиным: «Из писем и показаний декабристов», П. 1906.

земель бывшего Варшавского герцогства в особое конституционное королевство под властью русского императора, короля польского, представлялась его личным делом, не согласованным с интересами империи, а проект соединения с этим королевством всех литовских, белорусских и украинских земель в границах Польши до разделов вызывал самое резкое осуждение[1]). Известно, что именно эти замыслы Александра вызвали в кругу членов тайного общества первые речи о цареубийстве. Замыслы эти были поняты, как проявление того «презренья ко всему русскому», в каком упрекали Александра, пристрастного к полякам и немцам.

Враждебное отношение к польской политике Александра было распространено в широких кругах русского общества, и не только в дворянских. Дело в том, что эта политика не только сильно осложняла западно-европейские отношения России и поддерживала чрезмерное напряжение сил и средств страны, нуждавшейся в отдыхе, но привела к ряду последствий, тяжело отразившихся на интересах русской торговли и промышленности, с подчинением таможенной политики иностранным требованиям, на этот раз шедшим не столько из Вены, сколько из Берлина. Русско-прусская и русско-австрийская конвенции 1815 года, устанавливавшие льготные условия торгового обмена между частями поделенной Польши, получили расширенное значение, так как охватывали прежние польские земли в границах 1772 года, и пробили сильную брешь в покровительственной таможенной системе, какую выдерживал еще тариф 1816 года. Русско-прусская конвенция 1818 года получила значение торгового договора, открывшего широкий доступ заграничным товарам на русский рынок и транзит прусским товарам в Азию. Такое «всеобщее разрешение ввоза иностранных товаров, коими вскоре наводнили Россию», привело к разорению многих фабрикантов и купцов. Под давлением настойчивых жалоб заинтересованных групп Александр отменил конвенцию 1818 года в 1823 г., поясняя своему прусскому контрагенту, что из-за ее последствий «в России и в Польше сельская и мануфактурная промышленность не только останавливается в своем развитии, но даже

---

[1]) Русскому обществу остались неизвестны общие замыслы Александра, которые должны были привести в конечном итоге, будь они осуществлены, к преобразованию империи по «уставной грамоте», спроектированной в 1818 году, и к полному слиянию в этом новом конституционном устройстве Польши и Финляндии со всеми остальными областями империи на одинаковых основаниях с ними. Об этом — в моей книге «Александр I» (П. 1924), стр. 79—80. Да эти замыслы реального значения и не имели.

приближается к неминуемой гибели»; новый таможенный тариф 1822 г. вернулся к запрету ввоза многих товаров и к высоким пошлинам 1816 г. Однако вся эта «шаткость тарифа» оставила свой след в расстройстве оборотов, да и возврат к покровительству дал лишь незначительные результаты ввиду общего экономического кризиса, недостатка капиталов и слабого развития техники; производство русской промышленности к 1825 году оставалось пониженным по сравнению не только с годами относительного под'ема 1809—1811, но и с первыми годами александровского царствования. Так и таможенная политика, полная колебаний, навеянных польскими планами Александра и вообще внешними политическими соображениями, «породила недоверие к правительству».

Частичное отступление Александра — его отказ от ряда пунктов непопулярной политики в польском вопросе с начала 20-х годов, в экономической политике с 1822 г., в народном просвещении с 1824 г. и с конца того же 1824 года во внешней политике, особенно в балканских делах — пришло слишком поздно, частично и непоследовательно, чтобы спасти утраченную популярность правительственной власти, да и сулила только новую, националистическую ориентацию реакции против малейших проявлений освободительного движения. Отступление это сводилось к ряду уступок наиболее консервативным элементам, глашатаем которых был Карамзин в своей «Записке о древней и новой России», и крайним реакционерам, типичным представителем которых был адм. Шишков. К тому же эти уступки не касались наиболее насущных общественных требований и не улучшали общего положения в стране. Новый поворот правительства только укреплял реакционную позицию правительственной власти и давал ей опору в консервативных кругах дворянской среды, но более прогрессивно настроенные группы толкал все более влево. А группы эти имели основание не считать себя настолько обособленными в русской общественной массе, какими оказались на деле в момент своего боевого выступления. Отсутствие сколько-нибудь планомерной работы над очередными нуждами страны при усиленной фискальной эксплоатации ее средств, тяжелой рекрутчине, военных поселениях, административном и полицейском произволе создало атмосферу массового недовольства, охватившего разные общественные слои. Общая ситуация должна была представляться революционной на фоне переживаемого страной экономического и финансового кризиса.

Но ни напряженность этой ситуации ни сплоченность общественных групп, переживавших политическое брожение, не были таковы,

чтобы сулить тайным обществам непосредственную поддержку масс. Да инициаторы движения и не искали такой поддержки вне военной среды и верхов русской общественности. По всему складу своих воззрений и настроений, по своему классовому составу они искали пути к «благоденствию» через «спасение» страны и от деспотизма, и от революционной «анархии» путем государственного переворота — захвата власти военным «пронунциаменто» по испанскому образцу, рассчитывая притом на возможное соглашение с теми или иными представителями старой правительственной власти, которые пойдут под давлением обстоятельств на серьезные уступки и примут к выполнению основные общественные требования.

II.

СЕВЕРНОЕ ОБЩЕСТВО.

Движение декабристов — в том широком смысле слова, какое мы обычно ему придаем, — явление весьма сложное. В нем скрещивались различные общественно-политические тенденции, отражавшие различные общественные интересы, недостаточно диференцированные, чтобы лечь в основу разных и отдельных партийных группировок с их отчетливыми и социально-определенными программами. В этом своеобразном синкретизме декабристской идеологии, в характерном для нее обилии различных, далеко расходившихся оттенков и противоречий при общей освободительной настроенности, причина и того, что движение не окрепло до сознания единой партийной организации, политически дееспособной, и того, что память о декабристах приобрела такую огромную и устойчивую популярность у позднейших поколений в весьма различных общественных слоях — и дворянства, оппозиционного по отношению к бюрократической власти самодержавия, и либеральной буржуазии, и революционной интеллигенции.

Центральное событие движения — 14 декабря 1825 года — разыгралось в Петербурге. Характер, ход и исход этого события определились местными петербургскими условиями. Петербург был и колыбелью движения. Здесь, и притом в казармах Семеновского полка, завязалась первая ячейка тайного общества в группе офицеров-семеновцев 1816 года, как Сергей Трубецкой, Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы, Якушкин; а с ними из ген. штаба А. и Н. Муравьевы В беседах этой инициативной группы разбирались «главные язвы отечества» и тревожное слагалось сознание, что правящие круги пропитаны реакционными взглядами и чужды жизненным интересам страны, а на общественную массу — на помещичье общество, закосневшее в своем крепостническом быту, — нечего рассчитывать в деле возрождения родины из упадка и депрессии. Уже в этих первых, еще не твердых

шагах зарождавшегося движения на первый план выдвинулась мысль об изменении структуры центральной части власти, ее организации — «введением в России представительного правления» и ее личного состава — «отстранением иноземцев от влияния в государстве».

Этот последний мотив звучал вообще довольно настойчиво в гвардейских кругах; их оппозиционность поддерживалась особой тактикой верховной власти, состоявшей в назначении все большего процента немцев, преимущественно из среды остзейского дворянства, в командный состав, на высшие ответственные должности; силен был этот инородный элемент и в придворной среде и на высших ступенях администрации. Исполнительные службисты, не связанные с русской общественностью, всем обязанные только служебной карьере, эти служилые иноземцы казались главной опорой правительственной реакции, воплощали отчуждение верховной власти от интересов страны, раздражали своим пренебрежением к русским. В них видели любимцев и слуг династии, затиравших своим возвышением русских, способных проводить в жизнь требования своей среды, и об'ясняли их роль у власти так же, как об'яснял ее позднее имп. Николай, сказавший в минуту откровенности: «Русские дворяне служат государству, немецкие — нам». Общая националистическая настроенность эпохи освободительных войн обострялась этими особенностями правящей среды и порождала напряженный разлад в армейском быту между различными группами командного состава. Такая напряженность отношений всего острее была в гвардии. Инициаторы тайного общества были выразителями ее настроений, когда задавались борьбой с засилием служилых иноземцев, как особой опоры династии и деспотизма.

Гвардейские полки петербургского гарнизона дали основной состав членов-организаторов тайного общества. Участие отдельных лиц из иных кругов — не только гражданских, но даже военных — было и осталось незначительным. С расширением состава первоначального ядра на очередь стала выработка организации, и возник «союз спасения», иначе — «истинных и верных сынов отечества», устав которого с таким трудом отрешался от привычных модных форм масонской ложи. Из Петербурга дело перекинулось в Москву с переводом туда на службу некоторых членов петербургского союза и особенно с пребыванием в Москве гвардии в конце 1817, начале 1818 года [1]), как и в южную армию — с переходом туда в штаб и в полки видных его

---

[1]) По случаю закладки Храма Спасителя (в память 1812 года), состоявшейся 12 — 24 октября 1817 г.

членов. В Москве прошла переработка устава союза с помощью печатного уставного текста немецкого Тугендбунда, и «союз спасения» перестроен в «союз благоденствия».

На первых порах вся организация — с «коренными» советом и управой во главе, местными управами в столицах и в провинции — была рассчитана главным образом на пропаганду и на вербовку новых членов. Большая неопределенность и расплывчатая широта программных заданий союза были причиной успеха этой деятельности; но те же свойства не давали союзу окрепнуть в подлинно-дееспособную организацию. Пропаганда, направленная на распространение «здравых понятий» о важнейших сторонах русской действительности и критического отношения к правительственной политике последних лет, возбуждала и организовывала общественное мнение в тех кругах, где вращались и приобретали влияние члены союза. Сочувствующим и казавшимся подходящими они раскрывали тайну существования союза и отдельных лиц «принимали в общество». Но все эти беседы велись так свободно и с таким минимумом конспирации, что немало было лиц, осведомленных о существовании тайного общества и его стремлениях, но не примкнувших к нему, и даже таких, которые участвовали в совещаниях членов союза, но не были формально приняты в их состав, и членами себя не считали. Другие вступали в число членов, но вскоре отходили от связей с тайным обществом, то формально заявляя об этом, а то только фактически. Эти черты об'ясняют сбивчивость многих позднейших показаний о том, было данное лицо членом тайного общества или нет, сбивчивость иногда, конечно, намеренную, но нередко вполне добросовестную. Задача правительственных доносителей и соглядатаев не была особенно затруднена.

Но не одна слабая установка организации и конспирации довела «союз благоденствия» до кризиса. Внутри союза бродили и постепенно определялись разнородные тенденции, несогласованные и несоизмеримые. Культурническая пропаганда здравых воззрений на основные явления общественной и государственной жизни, житейская борьба со всяческой неправдой, перевоспитание общества — таковы задачи, которыми для многих первоначально исчерпывалась очередная деятельность. Неизбежно, однако, нарастало сознание, что вывести страну из тупика, в какой попали по общему мнению ее социально-экономические и политические отношения, тупика, грозившего либо банкротством, либо внутренним взрывом, могут только планомерные действия государственной власти. Отсюда вырастало стремление найти в этой власти опору для предстоящей общественной работы. Пути

к такой цели представлялись различно: влияние на власть пропагандой в правящих кругах и проведением в их среду своих людей; даже обращение к императору с адресом, где было бы изображено бедственное состояние страны и выставлено требование созыва «земской думы»; давление на правительство так или иначе организованной общественной массы; наконец, захват власти революционным под'емом и ее реорганизация — таковы этапы декабристской мысли, пройденные не всеми членами «союза благоденствия» (многие останавливались на пол-пути этого брожения политических представлений, а то и на его пороге) и с разной степенью интенсивности. Постепенно крепло в наиболее активных элементах союза революционное настроение — борьбы за власть в отрицательной форме низвержения существующего режима путем цареубийства и вооруженного восстания и в положительной — организации новой власти, республиканской.

События в Семеновском полку сильно обострили все это брожение и весь строй отношений правительства и общества. Усиление полицейского надзора и сыска направлено с особой бдительностью на гвардию. В ней видели и наиболее организованную и наиболее опасную часть русского общества, ибо «корпус сей окружает государя, находится почти весь в столице, и разные части оного, не быв разделены, как в армии, большим пространством, тесно связаны и в беспрерывном общении между собою». Поэтому высшие власти сочли необходимым иметь «самые точные и подробные сведения» не только о каких-либо происшествиях в гвардейских воинских частях, но «еще более о расположении умов, о замыслах и намерениях всех чинов», и для того учредили при гвардейском корпусе особую военную полицию для наблюдения за войсками, которые расположены в столице и ее окрестностях, полицию тайную, из «смотрителей» за нижними чинами, «где они только бывают: на работах, в банях и проч.», и смотрителей для наблюдения за офицерами, таких, которые имели бы связи в обществе, посещали публичные места и частные собрания, где бывают офицеры [1]). Усилено и полицейское наблюдение в гражданской общественной среде. Усиленно заработала «особая канцелярия м-ства внутренних дел», предшественница знаменитого «третьего отделения», отравлявшая сыскной работой своих осведомителей все общественные круги обеих столиц. Правительство насторожилось и переходило в на-

---

[1]) «Проект устройства военной полиции при гвардейском корпусе 1821 года» напечатан Шильдером в приложениях к IV т. его книги об Александре I. Проект утвержден Александром 4 января 1821 года в Лайбахе. Вскоре такая же тайная полиция введена и в южной армии.

ступление. Общая его политика становилась все более реакционной. Оно пыталось остановить общественное движение и подавить его проявления. За сыскной разведкой следовали предупредительные и репрессивные меры. Переборка офицерского состава, определенный подбор командиров, усиление дисциплинарных требований и взысканий стояли в полном соответствии с общими полицейскими мероприятиями и усиленным административным и цензурным гнетом и подавлением просвещения, развитие которого пошло в разрез с «видами» правительства.

О сколько-нибудь действенных результатах культурнической пропаганды мечтать не приходилось и тем менее о соглашении с верховною властью. Членам тайного общества оставалось либо вовсе отказаться от мечты о переходе от слов к делу, либо вступить на путь активной политической борьбы. Решимость на такую борьбу сложилась в южной группе «союза благоденствия», руководимой Пестелем; отсюда шли на север поддержанные и проводимые личным влиянием Пестеля более радикальные тенденции и в программе и в тактике; социальный и политический радикализм Пестеля находил питательную среду и опору в общественных элементах иного склада, чем северное гвардейское офицерство, — в среде более мелкого по социальному положению офицерства армейских полков и его разночинного мелко-буржуазного окружения. Эта среда, вскормившая более радикально-демократические и революционные тенденции в движении декабристов, нашла свое более яркое отражение в «союзе соединенных славян» и дала всему движению его наиболее левое крыло. На севере, где носителями движения были кружки дворянско-помещичьего состава, южный радикализм имел сильное влияние, но неустойчивое и не окрепшее до полного преобладания [1]).

Соотношение разных уклонов и группировок внутри «союза благоденствия» сказалось определенными последствиями в том кризисе, какой пережило тайное общество в начале 1821 года. Неопределенность задач, которые общество себе ставило при всей их видимой широте, и недостатки самой организации, которые, «не довольно ограждая общество от вступления ненадежных членов, подвергали ход оного беспрестанным опасностям», а также сведения о том, что за обществом следят, что на него обращено внимание властей, — все это ставило на очередь пересмотр и программы и организации. Выяснить поло-

---

[1]) Ср. М. Н. Покровского «Из истории общественного движения в России начала XIX века». «Молодая Гвардия», кн. 4 — 5 (11 — 12), 1923 г.

жение и решить дальнейший образ действия было задачей с'езда членов союза, собравшихся в Москве в январе 1821 года. В рассказах об этом с'езде его участников быть может всего характернее споры о том, представляет ли тайное общество собою политический заговор, или нет. Отрицательный ответ означал при данных условиях решение ликвидировать общество. В том же 1821 году ген.-ад. Бенкендорф уже представил Александру «Записку о тайных обществах в России», где сообщил неполные, но довольно верные сведения о «союзе благоденствия» с перечнем некоторых из его деятелей, а также о закрытии союза с такой, однако, оговоркой о намерениях его руководителей: «Весьма вероятно, что они желают лишь освободиться от излишнего числа с малым разбором навербованных членов, коим неосторожно открыли все, составить скрытнейшее общество и действовать под завесою безопаснее». Поэтому Бенкендорф, положивший, как сам позднее признавал, этой запиской начало своей деятельности будущего шефа жандармов и управляющего «третьим отделением», указывал на необходимость дальнейшего бдительного наблюдения, хотя и не склонен был придавать всему движению особенно угрожающего для власти значения. Оно казалось ему социально-беспочвенным: «Дворянство по одной уже привязанности к личным своим выгодам никогда не станет поддерживать какой-либо переворот, о низших же сословиях и говорить нечего»; руководители движения могут искать опоры только в войсках, так как «есть зародыш беспокойного духа в войсках, особенно в гвардии», и войска могли бы поэтому «послужить орудием для других, как пагубные новейшие примеры в других странах доказали».

На московском с'езде «союз благоденствия» был действительно об'явлен уничтоженным. И действительно это уничтожение было в сознании наиболее деятельных членов только приемом перестройки тайного общества, чтобы сделать его более дееспособным и сплотить надежных активных членов. На юге и не признали общества закрытым, продолжали его работу, но настойчивое стремление Пестеля и ему близких подготовить вооруженное восстание и установить твердую программу революционной диктатуры встретило на севере лишь слабое отражение и вызвало там прямое противодействие.

Вопрос о продолжении деятельности тайного общества в более решительном направлении был предрешен в Москве в дни с'езда. Братья Фонвизины, Михаил и Иван, И. Д. Якушкин, Н. И. Тургенев, а с ними представитель «южного общества» Бурцев и еще 2—3 члена составили новую инициативную группу для пересмотра устава. Сведения, какие дает Якушкин об этой переработке устава и в своих показаниях

следственной комиссии и в своих «Записках», тем интересны, что уже намечают оппозицию против пестелевских тенденций, которая сыграла такую решительную роль в дальнейшем ходе всего движения. Новый устав лишь отчасти разрывал с традициями «союза благоденствия»: в первой своей части, предназначенной для новых, еще не испытанных членов, он определял деятельность тайного общества той пропагандой и той культурнической работой, которая господствовала в задачах прежнего союза, и только во второй, определявшей задачи общества для «членов высшего разряда», ставилась цель «приготовить государство к принятию представительного правления» и «действовать на войска», подготовляя силы для переворота. Организацию предположено сосредоточить в четырех «главных думах» — в Петербурге, Москве, Смоленске и штаб-квартире южной армии — Тульчине, под руководством Ник. Тургенева, Ив. Фонвизина, Якушкина и Бурцева. Этот последний — решительный противник нараставшего влияния Пестеля — предполагал не только стать во главе «южной думы», но даже, об'явив там союз закрытым, организовать общество на юге заново из прежних членов, кроме «приверженцев Пестеля». Характерно в этом деле и то, что «основатели общества»—учредители «союза благоденствия»—выделяли себя, по свидетельству Сергея Волконского, как группу более полномочную для руководства переработкой устава, из общего состава членов, «впоследствии поступавших в тайное общество». Были, как видно, сделаны шаги к большей определенности организации, но нерешительные и слабо обеспечивающие ее единство, а тем более ее активность.

Новый устав и не получил осуществления. На севере даже члены, проявившие на с'езде, казалось бы, наибольшую настойчивость к продолжению деятельности тайного общества, не приступили к проведению в жизнь принятых решений, хотя новый устав был, по свидетельству Якушкина, подписан, и вручено было по экземпляру его четырем руководителям «главных дум»; напротив, они заметно отходят от дел тайного общества в ближайшие годы, как Фонвизины и Якушкин; Бурцев после неудачной попытки вырвать руководство из рук Пестеля вовсе вышел из состава, а Н. И. Тургенев, повидимому, сделал попытку по возвращении в Петербург сплотить, после об'явления о закрытии «союза благоденствия», небольшую группу его членов, наиболее умеренных и настроенных отнюдь не революционно, но и эта попытка, о которой говорят некоторые участники движения очень сбивчиво и с фактическими промахами и которую сам Тургенев отвергал, заявляя, что он после московского с'езда «считал себя непринадлежащим

никаким образом к какому-нибудь тайному обществу», действительно не имела ни значения ни последствий.

Так в Москве и в Петербурге фактически оборвалась какая-либо деятельность тайного общества. Иначе и не могло быть по общему настроению членов «союза благоденствия», не видевших никакого исхода своим исканиям и в большинстве опасавшихся революционного взрыва не меньше, чем разгула правительственной реакции. К тому же и внешние условия не благоприятствовали, по возвращении в Петербург членов московского с'езда, какой-либо организационной работе. Еще с конгресса в Лайбахе (янв. — апр. 1821 г.) имп. Александр прислал приказ войскам гвардейского корпуса готовиться к походу, а весной гвардия выступила к западным границам империи. Политический смысл этого передвижения войск был в демонстрации готовности оружием поддержать политику держав по подавлению революционных движений Южной Европы, а также в стремлении занять гвардию, взбудораженную делом Семеновского полка и проявившую признаки недовольства, походами и маневрами. Маневры состоялись осенью, но гвардия оставлена на зимовку в литовских губерниях и вернулась в столицу только через год по своем выступлении, после нового высочайшего смотра, состоявшегося в Вильне в мае 1822 года. Учреждение особой военной тайной полиции и общее усиление полицейского надзора должны были подавить поднявшееся в гвардии и в обществе брожение. 1 августа 1822 года Александр обратился к министру внутренних дел с повелительным рескриптом о запрещении всяких тайных обществ и масонских лож, при чем предписывал затребовать от всех лиц, состоящих на военной или гражданской службе, заявление, состоят ли они в каких-либо обществах, и подписку, что впредь принадлежать к ним не будут; «если же кто таковового обязательства не пожелает дать, тот не должен оставаться на службе». Тайные общества, полутерпимые в эпоху увлечения масонскими ложами, окончательно загонялись в подполье.

Инициатором возрождения тайного общества в Петербурге стал Никита Муравьев. Один из первых устроителей «союза», он оказался в стороне от его судьбы в 1820 г. Н. Муравьев был тогда в отставке, жил вне Петербурга, провел много времени в Крыму и потому не участвовал ни в московском с'езде ни в его решениях. Зато он в это время по пути из Крыма в Москву побывал в Тульчине и был поэтому в курсе настроений пестелевского кружка. В Петербург он вернулся, если верить его показаниям, крайне отрывочным и сбивчивым в этом пункте, еще до московского с'езда, но, видно, держался в стороне

от его участников, как остался в стороне и от кружковых совещаний по возвращении Ник. Тургенева [1]).

Осенью 1821 г. Н. Муравьев возвращается в среду, которая в те времена только и считалась политически дееспособной: вновь поступает на службу и является в Минск в главную квартиру гвардейского корпуса. Пребывание в Белоруссии занято у Н. Муравьева работой над проектом конституции монархической и цензово-буржуазной, в сознательный противовес основам пестелевской программы. Возможно, даже весьма вероятно, что у Н. Муравьева уже сложилось и решение принять на себя почин возрождения политической организации для борьбы за преобразование государственного строя России, хотя он виделся в те месяцы только с двумя из членов тайного общества — Оболенским и Нарышкиным.

По возвращении гвардии в Петербург небольшая группа членов «союза благоденствия», которые, по словам Е. П. Оболенского, перед тем только «с сожалением повиновались» постановлению о закрытии союза и решили его восстановить, притом в прежней форме и с обязательством «стремиться к прежней цели теми же путями, как и прежде, т.-е. распространением просвещения, умножением числа членов и проч.». Никита Муравьев избран «правителем общества»; конечной целью признано попрежнему «политическое преобразование», но достижение ее представлялось отдаленным результатом долгой подготовительной пропаганды и организационной работы по вербовке и об'единению новых членов. Этому свидетельству Е. П. Оболенского соответствует описание устройства тайного общества в «донесении следственной комиссии». По данным комиссии, члены общества разделялись на «верхний круг» членов «убежденных» — основателей и «соединенных» или «согласных» — вновь принимаемых с согласия «верхнего круга». Явственно выступают черты устава «союза благоденствия», намеченного

---

[1]) Этот момент не поддается отчетливому выяснению по отношению к Никите Муравьеву. В представленном им «историческом обозрении хода общества» он относит московский с'езд (с оговоркой: «сколько припомню») к весне 1820 года, ко времени раньше своего от'езда на юг и заезда в Тульчин; последствие с'езда определяет как «разрушение союза, коего книги были везде истреблены и много членов вышли совершенно из общества, как-то: Михайло Муравьев, Петр Колошин и Якушкин». Свое возвращение в Петербург Н. Муравьев относит к концу ноября 1820 года. Ни о том, что происходило в Тульчине при «заезде» туда Н. Муравьева, ни о том, какие были у него и с кем сношения за первые месяцы 1821 года, нет сведений. Однако с его посещением Тульчина естественно связать те расчеты, какие на него имели члены южного общества при первых же попытках сбли-

на московском с'езде группою Фонвизиных и Якушкина. Так же, как на юге, и в Петербурге видим подчеркнутое стремление продолжить «союз благоденствия», вопреки формальному заявлению о его закрытии. Поэтому ни южная, ни северная организации не приняли какого-либо нового наименования, а рассматривали себя как отделы одного союза, возрождаемого после пережитого им кризиса. Очередной задачей стало — сплотить обе организации в одну дееспособную силу установлением тесной их связи и об'единенной программы в вопросах очередной тактики и конечной цели. Принципиальные разногласия сделали, однако, эту задачу неразрешимой.

Весь 1822 год ушел на усилия возродить тайное общество. Дело тормозилось вскрывавшимися все отчетливее разногласиями. Даже в самом Петербурге Н. Муравьеву не удавалось об'единить сколько-нибудь значительную группу единомышленников. Ряд бывших членов «союза благоденствия» отходит один за другим от дальнейшего участия. Процесс расслойки состава союза, приведший к московскому кризису, идет своим путем, облегченный возможностью считать союз закрытым. «Убежденных» крайне мало, да и те малодеятельны. Их связывает все то же: отсутствие ясной, четкой программы и шаткость организации.

Никита Муравьев пытался сплотить группу «убежденных» на платформе своего «конституционного устава». Первый набросок своего проекта, составленный еще в Минске и не доведенный «до совершенного окончания», он по каким-то обстоятельствам, его обеспокоившим, «принужденным нашелся» истребить.

Но мысль его созрела в определенном направлении. Он «в продолжение 1821—1822 годов удостоверился в выгодах монархического представительного правления и в том, что введение оного обещает обществу наиболее надежд к успеху». В течение 1823 года Муравьев

жения с северными деятелями, а короткий промежуток времени от возвращения в Петербург до выступления гвардии в Витебск, это — существенный момент в жизни Н. Муравьева, когда он разбирается в разногласиях севера и юга, чтобы затем приступить к оформлению своей политической программы и активной работе по возрождению тайного общества. «Историческое обозрение» Муравьева у Довнар-Запольского: «Мемуары декабристов», стр. 50—51. Ошибочность показаний Муравьева о времени московского с'езда непонятна, так как он, казалось бы, должен быть осведомлен о нем, но нет и основания предполагать намеренность этой ошибки. Что «у Пестеля принята всеми республика», это Н. Муравьев «видел осенью 1820 года в Тульчине», как сам он поясняет в дополнительном показании (там же, стр. 55).

снова обрабатывает свой проект конституции, и в обсуждении основных ее положений проходит ряд бесед петербургского его кружка; это же обсуждение приводило к сношениям с «южным обществом», откуда шли иные, резко отличные предположения и требования Пестеля. Мы знаем проект Муравьева в двух списках в том виде, как записал его автор в каземате крепости, с оговоркой, что, «не будучи в состоянии представить писанного им проекта совершенно в том виде, в каком он был написан, сохранит дух оного и содержание». Проект этот с его сильной исполнительной и военной властью императора, с очень высоким цензом членов «верховной думы» — не менее 30 тыс. руб. сер. недвижимого или 60 тыс. руб. движимого имения [1]) — с цензом не менее 500 р. сер. недвижимого или 1.000 р. движимого имения [2]), для избирателей, посылающих выборных в «областные палаты» и в «палату представителей» — нижнюю палату «народного веча», с выбором членов «верховной думы» и кандидатов в областные правители от палат областных, с повышенным имущественным цензом и для выборных судей и советников областного правления, с законодательной властью двухпалатного «народного веча» при отсрочивающем, а не абсолютном veto императора, с отменой крепостного состояния при наделении крестьян усадебной оседлостью и двумя десятинами на двор с тем, чтобы остальную землю они обрабатывали по договорам с помещиками, с отменой гильдий и цехов, — весь этот конституционный проект служил ярким выражением той умеренной формы буржуазного либерализма, какая была усвоена прогрессивными кругами среднего дворянства Великороссии, тяготевшего к союзу с экономически сильными элементами нарождавшейся торгово-промышленной буржуазии.

На севере тайное общество должно было служить опорным пунктом для конституционного движения. А на юге поднималось движение республиканское, окрашенное радикальным демократизмом и «якобинскими» тенденциями Пестеля. О первой встрече этих двух течений осенью 1820 года при заезде Н. Муравьева в Тульчин сохранились, как выше упомянуто, лишь отрывочные и глухие указания. Но в январе 1822 года — в дни киевской контрактовой ярмарки — члены «южного общества» порешили завязать снова сношения со столицей и наиболее существенным адресатом этих сношений признали Н. Муравьева, как то центральное для севера лицо, с которым надо бы прежде всего столко-

---

[1]) Ср. ценз для купцов I гильдии (от 10 до 50 т.), стало быть, ценз крупнейших землевладельцев и так наз. «именитых граждан» — капиталистов, стоящих вне и выше гильдий.

[2]) Ценз мещанский и «торгующих крестьян» — 500 р.

ваться [1]); посредником намечали А. В. Поджио, одного из горячих участников «союза благоденствия»: на него возлагали задачу «привести петербургскую управу к возобновлению и содействию поспешному». Поджио имел полное основание считать, что северное общество фактически не существовало до конца 1822 г. по полной его бездеятельности, и только к этому, примерно, времени относит заметное «возобновление оного», при чем и то характерно, что такое впечатление вызвано в нем оживлением сношений юга с севером: только с этой поры Поджио приходит к убеждению, что стоит приняться за содействие, какого от него ожидали. Поджио был прав, что видел подлинный источник революционной энергии только на юге, в том ядре «южного общества», к которому и примкнул, когда в начале 1823 года покинул Петербург для Киева. Тут он выяснял членам «южного общества», что в «Петербурге ничего нет и быть не может», что на Никиту Муравьева нечего рассчитывать, что «вряд ли там общество возымеет тот успех, как на юге».

У Пестеля к 1823 году была вполне разработанная в основных чертах программа нового государственного устройства и революционного переворота. «Русская Правда» вчерне написана, идет ее отделка. Его идеал единой, централизованной и тесно сплоченной республики, эгалитарно-демократического государства, организуемого на началах всеобщего избирательного права и решительно проведенного равенства всех граждан во всех «выгодах, государством доставляемых», и «тягостях, нераздельных с государственным устройством», при решительном отрицании аристократии, не только «феодальной», но и «на богатстве основанной», и всяких привилегий за счет «массы народной», его проект аграрной реформы с таким «разделением земель», которое должно дать каждому «пользоваться необходимым для его жития», не упраздняя, однако, индивидуальных хозяйств и частной собственности «для приобретения и сохранения изобилия» — весь этот замысел расходился коренным образом с основами муравьевской конституции. По-«якобински» строился им и план переворота на двух мыслях: о неизбежности уничтожения всей императорской фамилии, с сознанием, что террористические действия против центральных сил старого режима имеют роковую тенденцию к количественному расширению до трудно определимых пределов, и о длительной диктатуре временного верховного правления для проведения в жизнь основ нового

[1]) Во главе единого общества должны были стать три директора: Пестель, Юшневский и Никита Муравьев.

строя, с сознанием, что почва для преобразующей работы должна быть расчищена уничтожением сил возможной конт-революции и реставрации.

Подготовка переворота требовала, по мысли Пестеля, во-первых, твердой установки цели — «нового образа правления», чтобы избежать фракционной разноголосицы, а во-вторых, такого расширения количественного состава союза по всему государству, которое обеспечило бы ему руководство общественной массой и возможность не только «повсюду пресечь всякое сопротивление, но даже везде устроить содействие, когда бы революция началась». По основному замыслу революционное действо должно было разыграться в Петербурге — «сосредоточии всех властей и правлений» — восстанием гвардии и флота, а дело армии и губерний было бы «признание, поддержание и содействие Петербургу». Лишь по мере упадка уверенности в расчетах на петербургский почин сложился на юге другой план — начать революцию восстанием 3-го корпуса южной армии с надеждой увлечь остальные войска в походе на Киев и Москву и вызвать восстание гвардии и флота для завершения революционного переворота в Петербурге.

Пестелевский замысел русской революции был принят в «южном обществе» окончательно на ноябрьском с'езде его членов в 1823 году. А параллельно шли сношения с Петербургом. Роль носителя живой связи, возложенная было на Поджио, перешла к Матвею Муравьеву-Апостолу, который с июня 1823 г. переехал в Петербург на продолжительный срок — в 1823 и 1824 годах, но «успехов он приобрел очень мало». Сношения же и переговоры с Ник. Муравьевым завязались еще до приезда Матвея Муравьева-Апостола. Пестель воспользовался поездкой в Петербург Сергея Волконского в самом начале 1823 года, чтобы послать письмо Никите Муравьеву и вызвать его на сообщение о северных делах и намерениях. Муравьев прислал ему в ответ набросок своей конституции, не вполне еще обработанной. Ответ он получил в феврале с Василием Давыдовым, — большое письмо, в котором Пестель оспаривал его построение и выяснял основы своих конституционных планов. Эти первые сношения ни к чему не привели, а только выявляли и углубляли разногласие. В связи с сообщениями Поджио о положении дел в Петербурге на юге должно было нарастать разочарование в расчетах на активность столичного центра, и летом Пестель уже посылает Н. Муравьеву с А. П. Барятинским упреки в недеятельности и указание на ее сугубую опасность: «лучше совсем разойтиться, нежели бездействовать и все-таки опасностям подвергаться». Барятинскому надлежало выяснить в беседе с Муравьевым, каковы силы «северного обще-

ства», надежны ли они и можно ли на них рассчитывать при «начатии действия». Муравьев отписывался, что «делает все, что́ только можно», а в своем кругу не скрывал раздражения против юга, где «бог знает что затевают». Сам же Никита Муравьев был поглощен разработкой вопросов, связанных с проектом конституции: он «ищет все толкователей Бентами», а «нам действовать не перьями», возмущался Поджио. Муравьев считал очередной задачей закончить выработку конституции, чтобы затем положить ее в основу длительной пропаганды: «распущать ее повсюду и принимать всех тех, кои будут соглашаться на оную». Хотя вопрос этот — о его конституции, как основе всей программной пропаганды—и не ставился так ультимативно в сношениях с «южным обществом», и Муравьев аргументировал, судя по показаниям Пестеля, «монархический смысл» своей конституции больше ссылкой, что это тактический прием для привлечения вновь вступающих членов, чем по существу, однако разлад его воззрений с пестелевскими был неустраним, тем более, что имел значение столкновения не двух личных мнений, а двух общественных тенденций, из которых каждая имела за собой определенные общественные слои. А на прямой запрос, встретит ли на севере поддержку революционный почин юга, когда настанет момент действия, Никита Муравьев отвечал указанием на отсутствие революционного настроения среди офицерства гвардии и флота: «Вы там восстанете, а меня генерал Гладков (начальник петербургской полиции) возьмет и посадит», говорил он Барятинскому: «а гвардейские офицеры только думают, как на балах веселиться, а совсем не склонны к тому, чтобы быть членами общества». Его ответы почти насмешкой звучали по адресу тех, кто порывался к немедленному восстанию.

К концу 1823 года петербургские отношения несколько перестроены. В октябре этого года решено «для лучшего успеха», по выражению донесения следственной комиссии, избрать вместо одного председателя «северного общества» троих, присоединив к Никите Муравьеву С. П. Трубецкого и Е. П. Оболенского. С этой поры руководящая роль в «северном обществе» перешла фактически от Муравьева к Трубецкому. Сергей Трубецкой один из наиболее значительных организаторов движения, возникшего в 1816 году, был затем надолго вырван из его рядов тяжелым и затяжным заболеванием, которое года на два удалило его для лечения за границу. По возвращении он нашел тайное общество «разрушенным» и «первым делом его было соединиться с теми, которые оставались верными союзу: их было в столице только несколько человек; в непродолжительном, однакоже, времени число их увеличи-

лось». Таким представлялось Трубецкому состояние «северного общества» до его вступления в состав президиума.

Общее состояние государства вызывало у Трубецкого уверенность, что положение надо признать угрожающим. «Состояние России таково», заявлял он следственной комиссии, «что неминуемо должен в оной последовать переворот»; о том свидетельствуют «частые возмущения крестьян, их продолжительность и умножение», раздражение всех слоев общества против военных поселений, всеобщие жалобы на лихоимство и непорядки в управлении. Казалось, что государственное здание расшатано в своих основах, под управлением слабой и непоследовательной власти. А Трубецкой «желал твердости и прочности в правлении государством», чтобы правительство было способно предупредить грозящее крушение решительными преобразованиями. Набросанная им схема манифеста, который надлежало издать после захвата власти переворотом, намечала не только «уничтожение бывшего правления» и учреждение нового, временного, впредь до установления постоянного по народному избранию, но и немедленное провозглашение основных преобразований: свободы печати и вероисповедания, «уничтожения права собственности на людей», равенства всех сословий перед законом (с уничтожением военных судов и всякого рода судных комиссий), свободы выбора занятий, равного для всех граждан (службы военной или гражданской, оптовой и розничной торговли, свободы договоров и владения движимой и недвижимой собственностью), уничтожения казенных монополий — соляной и винной — с об'явлением соляного промысла и винокурения свободными, отмены подушной подати и рекрутчины, как и военных поселений, уравнения всех сословий по воинской повинности с уменьшением срока службы, учреждения суда присяжных и гласности судопроизводства. Этот набросок манифеста очень близок и по содержанию и по форме к тому перечню пунктов программы «союза благоденствия», какой находим, например, в записке о тайном обществе А. М. Муравьева. Набросок конституционного проекта («устава положительного образования») Трубецкого близок в основных чертах к конституции Никиты Муравьева: учреждается «федеральное или союзное правление» с «народным вечем», которое состоит из «верховной думы», куда входят по 3 члена от каждой областной державы, и «палаты представителей народных» из выборных по 1 на 50 тысяч избирателей, с цензом для избирателей в 500 р. недвижимого или 1.000 р. движимого имущества. На «временное правительство» из 2—3 лиц Трубецкой возлагал обязанность организовать порядок выбора народных представителей, ввести в жизнь местное управление «областных держав», судебную ре-

форму, уравнение рекрутской повинности с заменой постоянной армии ополчением на началах всеобщей воинской повинности и организацию «внутренней народной стражи». Характерно, однако, что, поручая временному правительству такие коренные преобразования, Трубецкой настаивал, что правительству этому может быть предоставлена только исполнительная власть, а отнюдь не законодательная, которую надо целиком сохранить для созываемого «народного веча», организационно подготовляя его выборы. Полномочия временного правительства для его преобразовательной деятельности были бы, по представлению Трубецкого, созданы тем манифестом, схему которого он наметил. Издать такой манифест предстояло правительствующему сенату: Трубецкой твердо стоял на том, что государственный переворот «должно делать с видом законности», с возможно меньшим отрывом от сложившейся традиции «законного» управления. Временное правительство он предполагал составить из государственных деятелей, испытанных и популярных: Мордвинова, Сперанского и Ермолова, а не из членов тайного общества; придать его полномочиям «вид законности» об'явлением о них в манифесте, изданном от сената, как учреждения, которое обычно обнародывало распоряжения верховной государственной власти и указы об их исполнении и пользовалось привычным авторитетом в стране и в администрации. Главная забота Трубецкого — охранить при перевороте от потрясений весь правительственный аппарат и формальный авторитет государственной власти. Понятно, что при таком умоначертании Трубецкой предпочел бы обойтись и вовсе без «переворота» и столковаться с носителем династической власти, если тот согласится под давлением опасности кровавой борьбы, исход которой неясен, отказаться от самодержавия и пойдет на созыв «депутатов из губерний».

Понятно и то, что Трубецкому было так же трудно столковаться с Пестелем, как и Никите Муравьеву. Оппозиция «северного общества» радикальным тенденциям юга только усилилась после преобразования петербургской управы. Между тем вопрос о взаимных отношениях «северного» и «южного» обществ оставался основным и очередным во всей работе по выработке программы, организации и тактики намечаемых действий. Без положительного его разрешения трудно было сдвинуться с места; Матвей Муравьев сообщал на юг, что «северное общество» и после перестройки его президиума остается «в совершенном расстройстве», и даже утверждал, что Никита Муравьев и Трубецкой «совсем отклонились от оного». Занятые подготовительной работой обсуждения и выяснения основ, на каких можно строить деятельность

тайного общества, они не могли внести какую-либо активность в его усиление и организацию.

В марте 1824 г. Пестель сам приехал в Петербург и пробыл тут до начала мая. Совещание с членами «северного общества», начавшееся на другой же день по его приезде, убедило его, что «ни цель, ни средства в их мнениях не имеют единства». Пестель завязал сношения с некоторыми из них, помимо трех «директоров», через Матвея Муравьева. Некоторых он нашел «в полном революционном и республиканском духе», стало быть, готовыми принять его программу: Пестель называет группу кавалергардов (Вадковского, Свистунова, Поливанова, Анненкова [1]) и артиллериста Кривцова; с Рылеевым, который незадолго перед тем вступил в «северное общество», и Ник. Тургеневым он говорил только на общие политические темы, а более определенно — о своем плане аграрной реформы — о «разделении земель». Но из директоров общества только Евгений Оболенский вполне склонялся к «единодушному действию» с «южным обществом», увлеченный аргументацией Пестеля. Преодолеть разногласия с Трубецким и Никитой Муравьевым ему не удалось. Трубецкой спорил, по свидетельству Пестеля, преимущественно против «временного правления»: спорил о том, как вводить новый порядок — «через временное правление, через собор ли депутатов». Как видно из упомянутой выше «схемы манифеста», набросанной Трубецким, он принял мысль о «временном правлении», но совсем в иной постановке, чем у Пестеля. Пестель выдвигал на первый план захват власти и утверждение на более или менее длительный срок диктатуры «временного правления», организованного из членов общества, которыми оно должно заполнить все ответственные должности и в гражданском и в военном управлении; даже принятые «конституционные начала» он считал не базой для об'единения общества, а директивой для преобразующей деятельности «временного правления» и предпочел бы не распространять их вне круга руководителей во избежание разногласий. Идея властной диктатуры пугала либеральных северян и наталкивала их на подозрение, что «якобинец» Пестель сам метит в русские Бонапарты. Смущало их и стремление Пестеля укрепить организацию тайного общества сильной централизацией управления им

---

[1]) Вадковский с Поливановым были приняты в тайное общество Барятинским; Никита Муравьев нашел это неправильным, и они были им «переприняты», как сообщил Пестель Барятинскому; в члены «южного общества» Пестель, как сообщает в своих показаниях Матвей Муравьев, принял еще несколько лиц, но опоры в Петербурге, независимой от «северной управы», это ему не дало.

в руках директории — единой для «южного» и «северного» обществ — из трех директоров (самого Пестеля и Юшневского на юге, Трубецкого в Петербурге) и сосредоточить решение всех дел в тесном кругу главных членов (своего рода центрального комитета) под условием твердой дисциплины и полного повиновения их решениям остальных членов. Тревожили и сношения Пестеля с отдельными членами «северного общества» и самостоятельная пропаганда южан в Петербурге, помимо директоров. Трубецкой высказывал опасение, что Пестель «найдет средство завести здесь отделение, которое будет совершенно от него зависеть». Тщетно стремился Пестель рассеять настроение недоверия и подозрительности против него, тщетно искал сближения и примирения своих планов с проектами Трубецкого. Некоторые вопросы он предлагал оставить открытыми до переворота, по другим шел на уступки: так, повидимому, он от Трубецкого воспринял мысль о действии «с видом законности», об издании после успешного захвата власти двух манифестов — одного от синода о присяге временному правительству и другого от сената об основах преобразования, какое должно выполнить это правительство. Все-таки компромисс был невозможен: слишком противоположны были столкнувшиеся воззрения.

Обострялись эти разногласия и отношением к польскому вопросу. Союзное сближение «южного общества» с польским тайным обществом, скрепленное соглашением на киевской контрактовой ярмарке (в конце января) 1824 года, тем более вызывало протест северян, что в их среде было издавна — еще в дни «союза благоденствия» — распространено негодование против польской политики имп. Александра, который образовал из земель б. герцогства Варшавского конституционное Польское королевство и носился с мыслью об'единить с ним литовские, белорусские и украинские земли, отошедшие к России по разделам Польши. В военной и дворянской землевладельческой среде сильно дорожили территориальными приобретениями империи и связывали с этим представление о государственной мощи и национальном достоинстве России. На юге готовы были не только признать независимость Польши, но и пойти на компромиссное решение вопроса о возврате ей областей Западного края, которые и Пестель называл «российскими польскими губерниями»; в показаниях своих на следствии Пестель утверждал, и весьма настойчиво, что южане не связали себя никакими определенными обязательствами перед Польшей, что о независимости Польши было только «глухо» говорено, а об уступке «завоеванных областей» никогда и говорено не было. Однако признание Польши независимым государством вошло с определенной аргументацией в его «Русскую Правду», а вопрос

о территориальном разграничении между нею и Россией не предрешался, а должен был получить разрешение после переворота по соображениям «справедливости и возможности», притом «по правилу благоудобства для России». Показания Пестеля не расходились с действительным характером переговоров в том смысле, что общее «глухое» признание в принципе права Польши на независимость не предрешало ни того, на каких «началах и условиях» будет проведено «самостоятельное восстановление Польши», так как «временное правление» должно было установить гарантии для безопасности России в договорном протекторате ее над Польшей и в организации внутреннего строя Польши на тех же принципах, какие будут введены в России; ни тем более того, какие губернии предназначены будут к отделению в состав Польского государства. Однако члены «северного общества» отрицали вообще право тайного общества входить в какие бы то ни было предварительные соглашения с поляками, намечавшие уступку «приобретений и собственности России», и настаивали, что «подобные дела должны быть решены на великом соборе», а не могут быть предоставлены «временному правлению», при чем некоторые, как, напр., Рылеев, противопоставляли идее восстановления прежнего Польского государства представление об этнографической Польше, как суб'екте национального самоопределения поляков «по правилу народности», как тогда выражались.

Решительными возражениями был встречен в «северном обществе» и аграрный проект Пестеля, эта основа намеченной им перестройки всех социальных отношений. Тут против него выдвинули своего знатока крестьянского вопроса Н. И. Тургенева, отрицательное отношение которого к «разделению земель» разделялось, повидимому, всеми членами петербургских совещаний и «очень подействовало на всех членов северной управы». Тургенев считал пестелевский проект утопичным и отвергал его с точки зрения интересов развития промышленности и сельского хозяйства. Расхождение было полным. В последних своих собеседованиях с руководителями «северного общества» Пестель, избегая окончательного разрыва, настаивал на том, что все спорные вопросы, начиная с проекта конституции, должно впоследствии порешить «народное собрание», так что это дело еще отдаленного будущего, а пока всего важнее соединить силы для переворота и создания новой власти. Однако пришлось признать, что «северное» и «южное» общества «отдельны», и ограничиться соглашением о взаимном осведомлении и поддержке в момент начала борьбы с правительством, когда до нее дойдет дело.

Не всем были ясны глубокие основы этого раскола. Прения накопили много недовольства среди членов общества, которым разлад руководителей казался только делом личных видов и доктринерского упрямства. «Все это делается из ничтожного тщеславия», писал Матвей Муравьев брату, «ради того, чтобы тоном учителя навязать писанные гипотезы, о которых одному лишь богу известно, применимы они или нет». А Барятинский ему вторил: «сие более походило на прения авторских самолюбий, нежели на совещание тайного общества». И ряд членов охладел к делам общества, стал отходить от них, проникся пассивным настроением безнадежности. Энергия самого Пестеля была подорвана: главной движущей силой на юге все более становится Сергей Муравьев-Апостол, подготовлявший самостоятельное революционное выступление южной армии, конечно, с расчетом на поддержку столицы.

Нельзя, однако, не признать, что общение с Пестелем оставило глубокий след в настроениях «северного общества». Не убедил он ни Никиты Муравьева, ни Трубецкого, но произвел сильное впечатление на других северян, прежде всего на Рылеева и на Евгения Оболенского. Его широкие замыслы, идейная решительность, выдержанная в революционной последовательности мысли и воли, внесли в атмосферу «северного общества» свежую струю энергии и решимости действовать. Сергей Трубецкой понял силу Пестеля и глубину его влияния и повел борьбу в недрах тайного общества против соперника, чье воздействие могло, казалось, завести все движение много дальше, чем это входило в виды руководителей «северной управы». Никита Муравьев принял меры для ликвидации тех связей, какие успел Пестель завязать на петербургской почве, «переепринимая» принятых им в тайное общество новых членов. Сношения Пестеля с Евгением Оболенским через Сергея Волконского в конце 1824 г. показывают, что опасения Муравьева и Трубецкого имели основание. Член «северной управы» Оболенский сообщал через Волконского Пестелю о ходе дела в Петербурге, о росте агитации среди солдат и унтер-офицеров, в чем север сильно отставал от юга, и просил ускорить присылку «Русской Правды». Но Пестеля больше всего то связывало, что весь успех революционного действа зависел в его сознании от решительного выступления гвардии и флота в Петербурге, а тут руководящее значение имел Сергей Трубецкой, с которым и приходилось считаться в первую очередь. И Трубецкой, с своей стороны, стремился к об'единению всех сил тайного общества, но под своим руководством и в ином, во многом противоположном пестелевскому, направлении и программы, и организации, и тактики. В конце 1824 года Трубецкой решил использовать сложившиеся личные обстоятельства для поездки на

ют, чтобы, по возможности, противопоставить влиянию Пестеля северную программу не только в столице, но и в южной ветви тайного общества. Трубецкой принял с этой целью предложенный ему перевод на службу в Киев, в штаб 4-го корпуса. Приехав в Киев, он убедился, что Южное общество «во всем отклонилось от правил союза», которых держатся на юге только некоторые старые члены, но и эти «лишены способа действовать». Преобладало влияние Пестеля, особенно в 3-м корпусе. Поэтому усилия Трубецкого сосредоточились на том, чтобы «воспрепятствовать распространению правил «южного общества» в полках 4-го корпуса, соединить старых членов и дать им средства к действию по прежде принятым началам и отвратить членов «южного общества» от мнений Пестеля». Утверждал Трубецкой, что застал Сергея Муравьева-Апостола и ему близких в полном отчуждении от Пестеля, настроенными даже подозрительно по отношению к нему ввиду его «властолюбия», хотя они и признавали, особенно Бестужев-Рюмин, что Пестель «судит весьма основательно и понимает вещи в настоящем их виде». Однако Пестель был попрежнему руководящей на юге силой, и Трубецкой вел свои беседы с южанами с той же осторожностью, как Пестель в Петербурге, избегая разрыва. Так, в записке, составленной позднее для близких людей, Трубецкой поясняет, что имел в виду войти в сношения с представителями польского тайного общества, чтобы парализовать состоявшееся у них соглашение с южанами и убедить поляков, что Польша не может существовать отдельно от России и что им следует добиваться не отделения ее, а присоединения к России и тех польских земель, которые отошли во владение Австрии и Пруссии, но не успел этого выполнить. Такая точка зрения на польский вопрос наиболее соответствует и общим воззрениям Трубецкого и настроению его сочленов по «северному обществу». Однако судя по показаниям следственной комиссии, он не ставил и этого вопроса ребром в совещании с южанами и допускал постановку вопроса об отделении Польши не только этнографической, но и со смежным с нею областями, как не отрицал решительно и предположения об учреждении российской республики: Трубецкой пояснял, что считал нужным не вполне высказывать своих подлинных воззрений, так как Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин настаивали, что пора бросить споры, об'единиться с целью общего восстания для низвержения самодержавия и провозглашения республики с захватом власти в руки «северного общества», как временного правительства. Они определенно сообщили Трубецкому о решении поднять восстание во время высочайшего смотра южной армии весной 1826 года в расчете на возможность захватить и убить императора.

Так — малого достиг Трубецкой своей экскурсией на юг. Он убедился, что тут интенсивно революционное настроение, что дело не в одном Пестеле, что у южан есть опора в войсках, и представлял ее себе, со слов своих информаторов, подобно им самим, даже более мощной, чем она оказалась на деле.

Потом он уехал в Петербург, обещая Сергею Муравьеву и Бестужеву-Рюмину «употребить все свое старание» для восстановления единства в тайном обществе и подготовить силы «северной управы» для общих действий.

Вспоминая позднее о ходе всех событий, Трубецкой готов был признать свое удаление на юг из столицы ошибкой. От'езд умалил его влияние: «тесная связь с некоторыми из членов отсутствием его прервалась», управление обществом попало в руки членов, «которые имели менее опытности и, будучи моложе, увлекались иногда своей горячностью», а с другой стороны, «действие их не могло производиться в том кругу, в котором мог действовать Трубецкой». Замечания эти весьма характерны, и Трубецкой (он пишет о себе в третьем лице) передал в них, по всей видимости верно, те впечатления, какие испытал при возвращении из Киева в Петербург в начале (8-го или 10-го) ноября 1825 года. Видно, что он и не ожидал встретить в «северном обществе» такого оживления, которое его сразу поразило. Он «нашел общество весьма увеличившимся». Новая энергия в привлечении членов и общий под'ем настроения вызваны были в отсутствие Трубецкого деятельностью К. Ф. Рылеева.

Рылеев, молодой 24-летний поэт-романтик, настроенный на лад революционного романтизма и народолюбия, вступил в «северное общество» осенью 1823 года и успел испытать обаяние яркой и решительной революционной мысли Пестеля. В работу пропагандиста-революционера он кинулся с кипучей энергией. Характерно для тогдашних настроений «северной управы», что директора нашли нужным, как сообщает Евгений Оболенский, сдерживать пыл Рылеева: они считали, что общество не достаточно окрепло внутри себя, чтобы расширять свой состав усиленным привлечением новых членов. Однако, когда Трубецкой уехал в Киев, именно Рылеев заменил его в трехчленной «верховной думе». С вступлением Рылеева «северное общество», можно сказать, нашло свою душу, приобрело ярко выраженные, типичные черты «декабризма», как определенного культурно-исторического явления. Рылеев привлек в «северное общество» ряд лиц, ставших наиболее характерными представителями движения: трех братьев Бестужевых, Александра, Николая и Михаила, к которым несколько позднее примкнул и четвертый,

младший брат Петр, кн. Одоевского, Батенкова, Вильгельма Кюхельбекера, Торсона и Панова, Завалишина, Каховского. Он же и Ал. Бестужев привлекли Якубовича. Якубович, однако, заявил, что ни к какому обществу принадлежать не желает, а готовит себя к индивидуальному акту цареубийства, для которого у него были будто бы личные мотивы, и к выступлению во главе увлеченных солдат, перед которыми он «разовьет знамя свободы»; но не намерен он «плясать по чужой дудке», а если не удастся личное выступление, то решил «истребиться» после цареубийства, потому что ему «наскучила жизнь». Бравурно-романтическая поза Якубовича напугала его новых друзей: они поверили в его готовность на индивидуальное выступление, которое могло бы спутать все их планы; они уговаривали Якубовича отложить свое намерение, и Никита Муравьев, поехавший в Москву для совещания с тамошними членами, считал одним из важнейших вопросов обсудить «дело» о Якубовиче; даже поручили Нарышкину, который уезжал в Крым, по дороге уведомить об этом «южную думу» и посоветоваться с ней и с Трубецким, «как предупредить сие, не подвергая опасности существование общества». Кажется, только Трубецкой и Фонвизин поняли, что Якубович ничего и не предпримет и что все это — романтическая буря в стакане воды. Весьма двусмысленное поведение Якубовича в день 14 декабря подтверждает меткость их наблюдений. Тем показательней этот эпизод: на общем фоне революционной романтики, окрасившей своими характерными тонами движение декабристов, особенно ярко в лице Рылеева и его группы интеллигентов-литераторов, фигура Якубовича, вульгаризировавшая это настроение до уровня претенциозной, но малосодержательной позы, могла казаться более подлинной и твердой, чем была на самом деле.

Конечно, эта струя революционного романтизма в разных его воплощениях — у Рылеева, Александра Бестужева, Одоевского и других — была только литературно-психологическим выражением нового течения в настроениях тайного общества. Но она имела свою силу, и не малую, поднимая настроение, имела и своего рода практическое значение, так как облегчала возможность сохранить решимость на борьбу и революционное настроение при отсутствии твердо осознанной программы и ясно намеченных тактических путей к ее выполнению. В романтическом порыве к гражданскому подвигу и самопожертвованию для общего блага тонули колебания и сомнения, казались незначительными и несвоевременными самые принципиальные разногласия. Существенно, однако, отметить те реальные условия, которые определили настроение этой группы, в частности Рылеева. Этим мелкопоместным дворянам было

легче и свободнее отрешиться от связи с помещичье-земледельческой традицией и с той государственностью, которая была насыщена дворянскими интересами. По бытовым связям и отношениям им были понятнее и созвучнее интересы общего под'ема торгово-промышленных сил страны и связанной с ним общественной и политической идеологии. Глубже в их кругу связи с литературным движением эпохи, они — представители ее идеализма, ее интеллигентских настроений, ее идеалов свободы и просвещения, воспринимаемых как абсолютное благо вне сознания их связи с определенными общественными, классовыми требованиями. Именно эта струя в «северном обществе» сделала движение декабристов таким популярным в преданиях русской революционной интеллигенции и определила его значение, как начального — в исторической перспективе — момента русского освободительного движения.

Понятно, что в этом кругу северных декабристов нашли более искренний отклик и большее сочувствие радикальные настроения и революционность южной группы и ее вождя Пестеля. Рылеев сочувственно отозвался на демократизм Пестеля и считал введение повышенного ценза в конституцию Муравьева несогласным «с законом нравственности», считал необходимым наделение крестьян пахотной землей, но, подобно многим из северян, колебался между признанием республики или конституционной монархии. Идеологически ему республика представлялась единственной возвышенно-достойной формой политической организации: только республика создает «великие характеры» и «истинные добродетели»; монархия не дает им развития, подавляет и унижает. На деле Рылеев сомневался в возможности утверждения в России республиканского строя и мечтал, на этот раз вопреки Пестелю, о разделении империи на ряд самоуправляющихся областей, подобных Северо-Американским Штатам, в соответствие обширности России и разности населяющих ее народов, однако с их об'единением под центральной императорской властью. «Я всегда говорил,—утверждает Рылев на следствии,— «что вместо президента для России нужен император», с ограниченной властью, примерно совпадающей с полномочиями президента Американских Соединенных Штатов. В конце концов Рылеев и в том оставался на «северной» точке зрения, что оставлял вопрос о строе государства на решение учредительного собрания — «великого собора народных представителей из всех сословий народа». И в его революционном настроении основной нотой был повышенный патриотизм, окрашенный сильным национальным чувством. Рылеев сочувственно отнесся к мысли Пестеля о введении древнерусской терминологии в названия республиканских учреждений, мечтал о восстановлении русской народной одежды,

видел в революционном движении возрождение традиции древних русских вечевых общин. Романтика народности и народной общинной свободы ярко окрашивала его настроения и ход его порывистой, неустойчивой мысли. Непосредственным чувством вдохновлялся и его искренний демократизм в «защите слабого против сильного, скромного против гордого», в протесте против зазнавшихся общественных верхов с их напускным аристократизмом и презрительностью к человеческому достоинству всех, стоящих ниже их на ступенях условной лестницы общественных положений. Характерно и то, что Рылеев, сам отошедший от военного быта для гражданской службы и работы в правлении Российско-Американской компании, пропагандировал усердно мысль о службе в судебных и других гражданских учреждениях, как лучшем пути к общественной работе и общественному влиянию; «люди гнусного вида во фраках» среди военных мундиров на Сенатской площади в день восстания, столь раздражавшие военно-придворную среду самым видом своим,—черта, внесенная в движение преимущественно Рылеевым и свидетельствовавшая о выходе этого движения за грани военного заговора. Впрочем заговорщицкий — в отличие от массово-революционного — характер революционных замыслов «северного общества» был Рылеевым не ослаблен, а усилен. Он не только принял мысль о захвате власти «верховной думой» тайного общества, которая и стала бы временным правительством при удаче переворота, но и акт устранения императорской власти представлял себе как индивидуальный акт цареубийства, совершенный пожертвовавшим на это собою «обреченным лицом», за которое тайное общество ответственности на себя не примет, и даже подыскивал и подготовлял такое лицо, например, в Каховском, чем его, отнюдь не склонного к роли слепого орудия чужой воли, оттолкнул от себя и обидел.

Тревога, вызванная заявлением Якубовича о его намерениях, бросила новую искру в революционное настроение «северной управы» и подогрела решимость приступить при первой возможности к действиям: мысль Пестеля, что нельзя без конца тянуть в бездействии, подвергаясь бесцельной опасности, а надо либо действовать, либо разойтись, становилась все более реальной.

От'езд Никиты Муравьева в Москву, затем в деревню в апреле 1825 года дал Рылееву возможность заменить его в составе «верховной думы северного общества» Александром Бестужевым, который оказался, однако, крайне малодеятельным «директором». Руководящая роль окончательно сосредоточилась в руках Рылеева. Энергично вел он пропаганду, расширял состав членов, использовал свои морские связи для

привлечения флотских офицеров, особенно гвардейского экипажа. Но он был менее, чем кто другой, способен утвердить тайное общество на отчетливой программе и четко проведенной организации, да и не стремился к тому. Приподнятое настроение, какое он умел возбуждать, увлечение идеалами революционного романтизма, об'единение единомышленных и одинаково настроенных грозило выдохнуться в затяжных беседах и отсутствии определенных активных задач. Все чаще и чаще раздавались суждения, расхолаживавшие революционный пыл, о слабости сил общества, о беспочвенности его предприятия; все чаще возрождались и разногласия при обсуждении цели движения и способов осуществления задуманного переворота. Рылеев на деле все более убеждался в правильности мысли Пестеля о необходимости настоящей диктатуры центрального комитета «верховной думы», и при возникавших спорах ссылался на то, что рядовым членам нечего много рассуждать: «как определит Дума, так и будет». Но лично он не мог приобрести такой авторитет, каким пользовался на юге Пестель. Многих он увлекал, но твердой, сознательно направленной воли и выдержки, необходимых для роли авторитетного вождя, ему недоставало. В последний момент Рылеев и ухватился за Трубецкого, который ему казался единственным возможным вождем-диктатором, но которого он знал слишком мало. Александр Бестужев, член триумвирата «директоров», относился к делу весьма скептически и потом так характеризовал тайное общество за первые месяцы 1825 года: оно пребывало в бездействии, не имея ни средств ни предлога что-либо предпринять. Даже пропаганда и привлечение новых членов после временного успеха стали заметно замирать: отзыв Никиты Муравьева об офицерах гвардии и флота оказывался в массе довольно справедливым. А более чем поверхностная конспиративность приводила к тому, что росло число лиц, осведомленных о существовании общества, заинтересованных им, но к нему не примыкавших. Знакомая обстановка «союза благоденствия», приведшая его к кризису 1820 года, грозила повторением.

Таково было состояние «северного общества», когда Трубецкой вернулся из Киева в начале ноября 1825 года. А Трубецкой приехал под впечатлением, что на юге положение дел тайного общества весьма серьезно, что там сорганизованы значительные силы, готовые поднять восстание, что настроение их руководителей весьма решительно; два корпуса южной армии подготовлены к действию, и у тайного общества значительны связи не только с офицерством, но и с солдатской массой при посредстве нижних чинов Семеновского полка прежнего его раскассированного состава. Взрыв восстания на юге Трубецкой считал неиз-

бежным к весне 1826 года. Его собеседники — Рылеев и Оболенский — могли только признать в ответ на запрос, как может «северное общество» отозваться на южное движение, что оно ни на какое решительное действие не готово по слабости сил, какими могло бы располагать. У них преобладало настроение, что «ничего быть не может», недоверие к средствам общества, сознание, что они «едва заметная единица в огромном большинстве населения». Так думали не только А. Бестужев и Е. Оболенский. Сам Рылеев, делавший что мог для поддержки активной настроенности, настаивал на том, что активный почин всегда дело меньшинства, что общее недовольство создаст такому почину широкую поддержку не только в военных рядах, но и в купеческой и мещанской среде, которую он знал лучше других членов общества, что уверенность в успехе определяется правотой самого дела, отвечающего общей пользе. Однако и Рылеев поддавался сомнениям, сколько ни делал он усилий преодолеть их и в себе и в других. Надежда была на некоторую отсрочку: Рылеев, равняясь по вестям с юга, говорил о начале действий в мае или летом 1826 года. Остающееся время надо было использовать для об'единения и увеличения наличных сил тайного общества.

Положение Рылеева было крайне трудным и напряженным. Он оказался центральным лицом в «северном обществе», на нем лежала ответственность за весь ход и исход начатого движения. Прибытие Трубецкого не дало ему никакой поддержки: Трубецкой не вошел сколько-нибудь деятельно в «северную управу»; в его записках этот момент не играет никакой роли; он наблюдал, расспрашивал, выяснял положение, но держался пока в стороне почти так же, как на юге. А между тем оттуда, с юга пришел новый напор. Вслед за Трубецким приехал в Петербург от Сергея Муравьева-Апостола и Михаила Бестужева Корнилович, чтобы отклонить, наконец, «северное общество» от колебаний и бесплодных словесных споров, а если это не удастся ему, то составить в столице отдельное общество из людей более решительных, которые сумели бы «действовать на солдат посредством ротных командиров» и подготовить восстание. Сергей Муравьев-Апостол ручался через Корниловича за 60 тыс. войск южной армии. Вслед за Корниловичем ожидался другой эмиссар юга—Матвей Муравьев-Апостол—для участия в организации восстания в 1826 году. Но все эти замыслы и подготовительные шаги не успели созреть в той форме, какая была задумана. Неожиданная смерть Александра I — 19 ноября — в отдаленном Таганроге и вызванный ею критический момент в вопросе о преемстве власти дали толчок к ускоренной развязке назревавшей исторической драмы.

III.

ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС.

События, ускорившие развязку назревавшего революционного движения, хотя оно и не окрепло еще в своем организационном центре для ударного выступления, были вызваны смертью Александра I и обусловлены крайне своеобразным положением, в каком оказался в этот момент вопрос о престолонаследии.

Русское самодержавие лишь незадолго перед тем наладило свои династические распорядки. Ни в бурный XVII век, полный внутреннего брожения социальных сил, ни в XVIII столетии, когда императорский престол стал игрушкой в руках дворянства как господствующего класса и гвардии как его орудия, не удавалось установить прочный порядок престолонаследия и положения «царствующего дома» в общем строе государства. Только Павел I разрешил эту задачу двумя узаконениями 1797 года: «общим актом» о престолонаследии и «учреждением об императорской фамилии». Указ о престолонаследии имел целью утвердить такой порядок, чтобы государство не оставалось ни в каком случае без наследника, назначенного самим законом, чтобы не было никаких сомнений и колебаний, смут и междуцарствий при смене на престоле одного лица другим. В момент смерти государя вся полнота власти переходит к его законному преемнику: «король умер, да здравствует король!», как выражала эту мысль французская теория наследственной монархии. В своем «общем акте» Павел предусмотрел очень подробно, до последних мелочей, правила перехода власти от одного члена «императорской фамилии» к другому по прямой и боковым линиям родства, сперва по мужскому, а затем и по женскому родству. Этим впервые утверждалось в русском законодательстве (по немецкому образцу) самое понятие о «царствующем доме» как семье, все члены которой имеют право на наследование престола в определенном порядке, если дойдет до них очередь. Все они оказывались возможными претендентами на престол в более или менее отдаленном будущем, сами лично или в своем

потомстве. «Право» на престол, на государственную власть оказывалось правом целой семьи — династии, ее наследственным, вотчинным притязанием, а судьба этого престола, с которым была связана неограниченная власть над обширной страной и ее многомиллионным населением, — почти что домашним семейным делом императорской фамилии. Все это сказалось, как увидим, весьма определенными последствиями в происшествиях 1825 года.

Но и помимо каких-либо чрезвычайных обстоятельств, династическое отношение к государственной власти влияло на весь ход государственного управления, осложняя и искажая направление правительственной политики — и внешней и внутренней — династическими соображениями и видами самодержавной власти. В частности, царствующий император не мог отрицать за членами своей фамилии, по крайней мере ближайшими к престолу, некоторое право на соучастие в своей власти, особенно в военном командовании, ввиду милитаристического характера, какой эта власть усвоила со времен Павла I. «Учреждение об императорской фамилии», примкнувшее к «акту о престолонаследии», поставило всех ее членов вне русского общества и над ним не только в бытовых, но и в правовых отношениях, как особую организацию, для которой император не только государь, но и попечитель — глава фамилии; на ее содержание выделены из государственных имуществ так называемые удельные имения, а преступления против них приравнены к преступлениям государственным. «Фамилия» стала «царствующим домом», и в обычай вошло назначение ее членов на ответственные должности вне общего порядка прохождения службы, сильно для них упрощенного — больше как школа для подготовки к командованию и управлению.

Так было с братьями Александра I. Константин, инспектор всей кавалерии, командовал гвардией в походе 1813 — 1814 гг., а с конца 1814 года назначен главнокомандующим польской армией, организация которой стала главной его задачей по частичном восстановлении польского королевства в виде конституционной Польши с королем — русским императором—во главе; под его командованием остался в Варшаве и отряд гвардии; ему подчинен и литовский корпус, организованный в литовских губерниях по образцу польской армии из местных уроженцев. Полномочный и бесконтрольный начальник 80-тысячной армии, Константин играет с той поры самостоятельную политическую роль, выполняя по-своему предначертания брата-императора. Он и свою армию устраивает не совсем по русскому шаблону. Срок военной службы был в конституционной Польше значительно короче — не 25 лет, как

в русских войсках, а 8; значительно лучше было и материальное обеспечение рядовых и офицерства — и оклады выше и вся материальная часть поставлена много лучше по усиленным заботам Константина. Об этом, конечно, знали в полках петербургского гарнизона и мечтали приравняться к порядкам польской армии. Порядки эти связывали с именем Константина, что и доставило ему заочную популярность в гвардии и во флоте, сыгравшую свою роль в событиях конца 1825 года. А лично его в эту пору мало знали в петербургской военной среде. Тут не испытывали резких проявлений его необузданной вспыльчивости, ничем не сдержанных, оскорбительных и грубых порывов его властного произвола, которые не раз создавали тяжелые конфликты в быту польской армии.

Не давали себе в Петербурге отчета и в политическом поведении Константина. Он далеко не был только командующим войсками в Польше. С титулом «цесаревича», какой ему пожаловал отец еще в 1799 году, окруженный особой свитой генерал - и флигель-ад'ютантов, польской свитой имп. Александра, Константин и чувствовал и держал себя представителем русского самодержавия в конституционной Польше. Типичный представитель «гатчинской школы», любитель «вахт-парадов», фронтовой выправки и механической дрессировки войск, строжайший блюститель соблюдения формы и «строевой чистоты», он был одним из самых ярких представителей самодержавного милитаризма, отнюдь не был склонен подчинять обучение и весь строй армии требованиям ее боевой подготовки, считая, что «война портит войска», так как походная жизнь расстраивает их внешнюю выправку, и относился с нескрываемым пренебрежением ко всему, что не укладывалось в схему воинской дисциплины и властного командования. С презрительной враждебностью относился он к польской конституции и был всего менее пригоден для роли представителя конституционной монархической власти. Он и возражал против польских планов Александра, полагая, что было бы гораздо лучше «прислать сюда губернаторов и вице-губернаторов», и даже намечал кандидатов на эти должности. Но раз воля брата-императора навязывала ему конституционную обстановку, он стал с нею посвоему считаться, хотя без всякой выдержки и последовательности. То он кричал на польских офицеров, что «задаст им конституцию», то оправдывал действия, определенно направленные против русской власти, тем, что тут «другая присяга», конституционная, и что не мудрено, если у поляков после речей Александра на сейме и его бесед с польскими деятелями «вскружилась голова на чувствах национальности». Формально Константин не имел никакой власти в гражданском управлении, оно

возглавлялось наместником-поляком, но на деле его личное положение давало ему полную возможность вмешиваться в общие и частные вопросы этого управления; и тут он действовал по личному настроению: то бывал до крайности покладист и уступчив, когда дело его по существу не интересовало, то бесцеремонно и резко нарушал всякое право, не глядя ни на конституцию и ни на какие правовые нормы, и настаивал на своих личных, вполне произвольных распоряжениях.

Во всех этих отношениях сказывался нрав Константина, его тяжелый и деспотический характер, его путаные, неустойчивые понятия, его крайне упрощенные, не лишенные беспринципного юмора воззрения на людей и на жизнь, его редкая способность вращаться в безысходных противоречиях и упрямо создавать себе и другим сложнейшие затруднения и в самых простых и, тем более, в ответственных и запутанных положениях. Трудно, пожалуй, и найти тип, более противоположный представлениям о государственном или общественном деятеле, чем Константин Павлович. Он жил своею личною жизнью, искал и создавал себе безответственные положения, внося безответственность личных настроений в самые ответственные условия их проявления. Таким он был во всех своих бытовых и общественно-политических отношениях, таким он и выступает во всей истории вопроса о престолонаследии и в событиях 1825 года.

А во внешней фактической (чтобы не сказать: анекдотической) истории династического кризиса, который так сильно повлиял на трагический взрыв движения декабристов, личные судьбы и свойства Константина Павловича получили большое, можно сказать, решительное значение. Его не готовили к престолу и власти, как Александра (фантастическая мысль о возрождении под его скипетром греческой империи не замедлила расплыться миражем), и он свыкся с положением безответственного, но привилегированного члена династии; «солдатство», как излюбленная профессия, и личная жизнь, в которой он не выносил условных стеснений, исчерпывали круг его ближайших непосредственных интересов. Впечатления, пережитые в жуткую ночь 11 марта 1801 года, могли только усилить оценку лично-выигрышного положения; рассказ полк. Саблукова о том, что Константин тогда же ему сказал— пусть брат царствует после того, что случилось, но что он для себя не хотел бы престола — звучит вполне естественно и соответствует всему дальнейшему поведению Константина. Мысль об 11 марта, о том, что «удушат, как отца удушили», повидимому и впредь его не покидала при мысли о престоле. Во всяком случае, он свою личную жизнь так устроил, что обстоятельства отдаляли его от перспективы император-

ской власти. Титул цесаревича он получил от отца независимо от такой перспективы. Не был он намечен в наследники и при вступлении на престол брата Александра: присягали новому императору и его наследнику, «который назначен будет». Александр пояснял эту формулу тем, что не мог об'явить никакого имени в ожидании, что может появиться наследник «в прямой линии». Этого, однако, не случилось. Личная жизнь Александра сложилась неблагоприятно для такого положения престола, «чтобы он ни на мгновение не мог остаться праздным». По закону, изданному Павлом, наследником после Александра был бы Константин.

Но и семейные дела Константина стали в разлад с династическими интересами «царствующего дома». Первый его брак с саксен-кобургской принцессой Юлианой-Генриеттой, по русскому имени Анной Федоровной, в 1796 году оказался крайне неудачным; их сожительство, прерванное отсутствием Константина во время итальянского похода Суворова, оборвалось окончательно в 1801 году: жена уехала к родителям, чтобы больше не возвращаться. С 1803 г. Константин хлопочет о согласии императрицы-матери на развод. Он думал о новой женитьбе, но не хотел впредь быть стесненным в выборе. Мать настаивала, чтобы он, блюдя династический интерес, избрал себе невесту «породою себе равную», опять из среды германских владетельных князей, а Константин свое настроение выразил в шутовской песенке на тему: «избави мя, боже, от пожара, наводнения и немецкой принцессы». Его намерения—иные и вовсе неприемлемые для глав династии—императрицы-матери и старшего брата. То он просит о разрешении жениться на княжне Жанетте (Янине) Четвертинской, родной сестре Марии Антоновны Нарышкиной, которая в ту же пору стала на ряд лет любовницей Александра; то, встретив отказ, устраивает себе суррогат семьи с француженкой, женой фельд'егеря Фридриха, содействуют ее разводу и готов жениться на ней, как только сам добьется развода [1]). В разводе ему, в конце концов, не отказывали, то тянули с решением, добиваясь от него гарантии брака, более или менее приемлемого для «фамилии». Пришлось Жозефине Фридрихс ликвидировать свои мечты выходом замуж за полковника Вейса, тем более, что Константин поддался новому увлечению графиней Иоанной Грудзинской. Только тогда — в марте 1820 г. — получил он развод с первой женой, а в мае вступил в новый брак. Брак этот был признан императорской семьей, Александр пожаловал невестке титул княгини

[1]) Их сын (р. в 1808 г.) Павел Константинович Александров — с 1829 г. флигель-ад'ютант, затем свитский генерал-майор и генерал-ад'ютант — умер в 1857 году.

Ловицкой (по дворцовому имению — Лович), что, однако, сопровождалось изданием особого дополнения к павловскому указу о престолонаследии и положению об императорской фамилии. Дополнение это вводило в русское законодательство правило о так называемом морганатическом браке: если какое-либо лицо из императорской фамилии вступит в неравный брак, т.-е. с лицом, не принадлежащим к другому владетельному дому, то ни это лицо ни дети от такого союза не приобретают прав членов династии и, тем более, прав на наследование престола.

Все эти перипетии личной жизни Константина Павловича не имели бы никакого значения, если бы не приходилось их учитывать для понимания его роли в событиях 1825 года. Его положение, как великого князя, ближайшего к престолу, при отсутствии у Александра «прямого» наследника, осложняло его личные дела и осложнялось ими. У него были моменты колебания. В 1814 году он заезжал на обратном пути из Франции к жене и убеждал ее вернуться к нему в Россию, ссылаясь на то, что от них ожидают продолжения русской династии. Встретив отказ, неизбежный в данных условиях, Константин строит свою жизнь в дальнейшем, вовсе не считаясь с тем, что в их среде считалось неустранимыми требованиями династических и государственно-монархических интересов, и, в конце концов, женится на польке-католичке морганатическим браком.

Вопрос об отречении Константина от прав на престол, связанный с его семейными делами и обусловленный династическими соображениями, возник раньше его развода и второй женитьбы. Еще летом 1819 года Александр предупредил брата Николая и его жену, что они «призываются в будущем к императорскому сану». Он ссылался при этом на упадок своих сил, который может его побудить к отказу от престола, и на решение Константина не принимать наследия как по «врожденному отвращению от престола», так и потому, что он находится «в тех же семейных обстоятельствах», как и сам Александр, обстоятельствах, которые их обоих лишают возможности обеспечить продолжение династии по прямой линии, тогда как у Николая уже есть сын. Повидимому, именно рождение этого сына, будущего Александра II (р. 17 апреля 1818 г.), дало толчок усиленному выяснению всего вопроса о престолонаследии. Через некоторое время, в том же 1819 году, Александр побывал у Константина в Варшаве и на прощание поставил перед ним требование — принять определенное и окончательное решение и сообщить его императрице-матери. И в этой беседе с Константином Александр ссылался на свое намерение отречься от престола, так как устал и не в силах сносить тягость правительства. Такие настроения у него несомненно бывали

и вызывались они нараставшим состоянием моральной и физической депрессии, но в данном случае он, возможно, просто не хотел говорить о смерти, чтобы не затруднять братьям формулировку и мотивировку их решений. Притом очевидно, что между старшими братьями вопрос был поставлен раньше 1819 года. Константин заявлял в 1825 г., что он первый предложил Александру свое отречение от прав на наследование престола в пользу Николая, как выход из затруднения в деле о разводе и разрешении ему жениться по собственному выбору; неудачные переговоры с первой женой в 1814 году были последней его попыткой подчинить свои личные интересы династическим. После развода и женитьбы Константина на польке вопрос о его отречении считался предрешенным: эти факты стали возможны и приемлемы для глав «фамилии» лишь с такой предпосылкой. Летом 1821 года Константин сообщает о своем решении брату Михаилу, при чем ссылается на свою недавнюю женитьбу: жена-полька, а «следственно, нация не может иметь к нему нужной доверенности, и отношения были бы всегда двусмысленны». А через несколько дней после этого разговора Константин принимает Николая в Варшаве с необычайными почестями, что не мешало ему — старшему на 17 лет — придавать этому почтению иронический и насмешливый оттенок: напряженная искусственность и натянутость осталась в их отношениях навсегда.

Ничто, однако, не было оформлено. Итог всем этим «домашним сделкам», как метко назвал весь ход дела Михаил Павлович, был подведен в начале января 1822 года на совещании императрицы-матери, Александра и Константина. Константин, по рассказу Михаила, с его слов переданному Корфу и им записанному, подтвердил свою «неизменную решимость», Александр же решил «составить обо всем этом особый акт и положить его к прочим, хранящимся на престоле в московском Успенском соборе; но акт этот будет содержим в глубокой тайне и огласится только тогда, когда настанет для того нужная пора». Затем, в исполнение этого решения, братья обменялись письмами. Константин составил письмо от 14 января, проредактированное Александром. В нем Константин просил Александра передать свое право на наследование престола тому, кому оно принадлежит после него, чтобы «тем самым утвердить навсегда непоколебимое положение нашего государства», и пояснял, что он этим заявлением только прибавляет «новый залог и новую силу тому обязательству, которое дал, непринужденно и торжественно, при случае своего развода с первой женой»; теперь остается только утвердить это решение согласием императрицы-матери и «императорским словом» Александра. Ответ свой Александр сформулировал

также в форме письма к Константину от 2 февраля, где высказал только свое и матери согласие. Прошло более года, пока Александр собрался оформить состоявшиеся «домашние сделки» в манифесте. Составление манифеста было поручено московскому архиепископу Филарету, при чем ему было передано для осведомления письмо Константина; проект манифеста был затем переделан тем же Филаретом по указаниям Александра, переписан начисто А. Н. Голицыным, подписан Александром 16 августа 1823 года и вложен вместе с обоими письмами Константина и Александра в конверт, на котором Александр сделал такую надпись: «Хранить в Успенском соборе с государственными актами до востребования моего, а в случае моей кончины открыть московскому епархиальному архиерею и московскому генерал-губернатору в Успенском соборе прежде всякого другого действия». Запечатанный пакет этот и был вручен Филарету для водворения на место хранения — в особый ковчег, к другим хранившимся в алтаре собора актам. Только по настоянию Филарета, почувствовавшего всю странность этих распоряжений, со всех трех документов были сняты А. Н. Голицыным копии, запечатаны в пакеты и с такой же надписью положены на хранение в синоде, сенате и государственном совете: в случае смерти Александра их надлежало открыть в экстренных заседаниях этих учреждений «прежде всякого другого действия».

Наименее об'яснимая черта всех этих действий Александра — та таинственность, какой он их окружил. Ни текст манифеста ни самый факт его изготовления не были сообщены ни Константину ни Николаю; Николай узнал от матери, что акт отречения Константина хранится в надежном месте, но точных сведений о форме актов и о манифесте не получил. Быть может, Александр и не считал своего решения окончательным. На это могли бы навести слова надписи на конверте: «до востребования моего». У нас нет оснований для таких гаданий: вернее, что Александр оставлял за собой выбор момента, когда найдет нужным обнародовать свой манифест, пересмотрев его еще раз, не отказываясь, стало быть, от мысли о его публикации. Не задаваясь, впрочем, целью во что бы то ни стало как-нибудь осмыслить то, что было явно иррациональным, стоит отметить некоторые характерные черты этого манифеста. Цель его — обеспечить «спокойствие и благосостояние» страны «ясным и точным указанием преемника» престола; отречение Константина мотивируется ссылкой на «дополнительный акт» 1820 года к закону о престолонаследии и принято «для утверждения родовых постановлений императорского дома», а законная сила такого решения обоснована ссылкой, во-первых, на согласие императрицы-матери, затем

на «верховные права» главы императорской фамилии и, наконец, на самодержавную власть государя. Характерна эта трактовка вопроса о преемстве государственной власти с семейно-владельческой точки зрения «родовых постановлений» — наследие стародавних, средневековых, феодальных воззрений, усвоенных заново под влиянием немецких владельческо-династических понятий, на которых строились «домашние узаконения» (Hausgesetze) мелких германских династов. Но в заключительной части манифеста его выполнение возлагается на «государственные сословия» (так по старинному официально назывались высшие коллегиальные правительственные учреждения — государственный совет, сенат и синод), которым «сие законное постановление» должно стать известным «в надлежащее время, по распоряжению нашему», поясняет Александр, и дело которых «немедленно принести верноподданническую преданность свою назначенному им наследственному императору». Замена слова «присяга» более общим «преданность» как бы указывает не на формальный только акт, а на активное выполнение действий, необходимых для утверждения власти за Николаем, того завета, о котором «государственные сословия» должны были узнать, в случае смерти Александра, немедленно вскрыв конверты «в чрезвычайном собрании» и притом «прежде всякого другого действия». То, что это предписание не было выполнено, сильно содействовало возникновению смуты, давшей толчок к вспышке восстания, а не было оно выполнено, как дальше увидим, из-за перевеса семейно-владельческих воззрений над государственными (Николай не признавал решающей роли за государственным советом) и под давлением настроений гвардии, выразителем которых явился военный генерал-губернатор Петербурга Милорадович. А пока дело об отречении Константина и о передаче наследования Николаю на том и стало до решительного момента — смерти императора Александра.

Прикровенность всего дела о «секретном манифесте» (так называет этот манифест историк Шильдер) нашла еще в том свое выражение, что оно никак не отразилось на положении кандидата в престолонаследники — Николая. Александр держал младших братьев в строю и в строгой субординации. Если Константина не готовили к правительственной деятельности, то тем менее Николая. Он получил специальное военно-инженерное образование, как Михаил — артиллерийское. Оба проходили службу в гвардии и крепко усвоили гатчинскую фронтоманию. К 22-летнему возрасту, с осени 1818 года, Николай стал бригадным генералом, командует 2-й бригадой І-й гвардейской пехотной дивизии; в бригаде этой 2 полка: Измайловский и Егерский. Но в то же время он — генерал-инспектор инженерных войск, что дает ему в военно-ин-

женерной части полномочия главнокомандующего, до права утверждать смертные приговоры военного суда. Такая двойственность положения его тяготила и ставила его в натянутые и полные противоречий отношения и к начальствующим над ним и к подчиненным, тем более, что он был склонен вести в деле командования свою, вполне определенную линию. Его возмущал, как сам он сообщает в позднейших записках о пережитом, «порядок службы, распущенный, испорченный до невероятности с самого 1814 года, когда по возвращении из Франции гвардия осталась в продолжительное отсутствие государя под начальством графа Милорадовича». Этот порядок — «и без того уже расстроенный трехгодовым походом» — он и принялся восстановлять, строго взыскивая за многое, что «дозволялось везде» даже его же начальниками, и с такою резкостью, что восстановлял против себя и начальство и подчиненных. Почти 8-летнее командование гвардейской бригадой поставило Николая в решительное противоречие с господствовавшими в гвардии настроениями и отношениями. То, что прозвали «аракчеевщиной», насаждалось в гвардии без всякого отношения к Аракчееву Николаем и его младшим братом Михаилом, который с 1819 года командует другой гвардейской бригадой. С марта 1825 года этот круг действий Николая несколько расширился: он стал командиром 2-й гвардейской пехотной дивизии, до той поры, когда ему довелось, как сам же он любил подчеркивать, перейти прямо из дивизионных генералов на императорский престол. Ему негде было приобрести ни политической подготовки ни государственного кругозора.

Это вполне учитывалось в общественном суждении о нем, и когда Александр Бестужев писал из каземата крепости о «солдатстве» и «суровости» Николая в письме к нему и о том, что его признавали сильным противником, который сумеет нанести «меткие удары просвещению», он высказал общее мнение декабристов и близких им кругов; среди мотивов восстания Бестужев отмечал сознание, что участь представителей общественного движения представлялась порешенной, как только Николай вступит на престол, так что «все равно гибнуть сегодня»... Но не менее жутким казался переход власти к Николаю в военной среде, в гвардейских полках; репутация обоих младших князей была тяжелая; под командой Константина считали возможным служить из-за лучших порядков польской армии, но полновластие Николая грозило сильным отягощением службы и ухудшением полкового быта и без того каторжного для солдат, постылого для более образованных и общественно настроенных элементов офицерства. Еще в 1822 году, во время пребывания гвардии в Западном крае, придирчивая требователь-

ность Николая и несдержанная резкость его выговоров и угроз вызвала острое столкновение между ним и группой офицеров Егерского полка, кончившееся строгим наказанием вожаков оппозиции против великокняжеских распоряжений и выходок. Свои действия Николаю приходилось защищать и перед гвардейским начальством; он старался проводить свои требования через начальствовавших корпусом Васильчикова и Бистрома, но с малым успехом, а в штабе корпуса встречал прямое противодействие: при допросе Евгения Оболенского он не смог удержаться, чтобы не припомнить, как много «терпел» от него как ад'ютанта при корпусном командире. Оба младших великих князя, и особенно Николай, были решительно непопулярны в полках петербургского гарнизона. В них видели главную силу реакции в сторону усиленной фронтовой муштровки и жестоких дисциплинарных порядков, проводимую командирами из фронтовиков-службистов, вроде Шварца и других ему подобных, чтобы выбить из гвардии усвоенный ею «либеральный» дух. А роль самого Александра, как руководителя этой реакции, оставалась более или менее в тени, хотя Николай определенно опирался на «волю государя» в своем понимании службы и дисциплины и вдохновлялся его личными указаниями.

Только в придворных кругах были сторонники Николая. Тут многим было известно обещание Константина отречься от престола за разрешение ему жениться по собственному выбору, и это вполне соответствовало воззрениям придворной среды. Николай, женатый на прусской принцессе, входил всеми навыками и связями в тон и быт этого двора, налаженного императрицей-матерью на немецкий лад. При Николае,—говорили тут,—ничто не изменится, а с Константином, если он станет самодержцем, можно ожидать отмены дополнительного акта к закону о престолонаследии, и тогда русской императрицей станет «простая польская дворянка» и окажется поставленной «выше княгинь из домов королевских». Придворная челядь всякого ранга видела в Николае опору привычных дворцовых традиций и всего, их создавшего, политического строя. Отсутствие Константина, которого в течение 12 лет почти не видали в Петербурге, и постоянные продолжительные отлучки Александра выдвигали Николая как представителя «царствующего дома» в столице. Конечно, никто не знал при дворе сколько-нибудь точно, как стоит и насколько оформлено дело о престолонаследии. К тому же Александр последовательно воздерживался от поручения Николаю какой-либо роли в делах государственного управления, не вводил его ни в государственный совет ни в комитет министров, не делал его своим заместителем при своих от'ездах на долгие сроки. Все это

создавало двусмысленное положение и подготовляло неизбежную смуту в решительный момент.

1 сентября 1825 г. Александр выехал из Петербурга на юг в свою последнюю поездку. Николая не было при его от'езде: он еще за день до того выехал на инспекцию войск, собранных в лагерь под Бобруйском, и вернулся через три недели. Отсутствие императора предполагалось продолжительное: было решено провести ради здоровья имп. Елизаветы всю зиму в Таганроге. Но это был только один из от'ездов Александра, ставших столь обычными за последние годы. Александр обеспечил себе возможность располагать своим временем, так как сохранил за комитетом министров то положение во главе всего верховного управления государством, какое было ему предоставлено в годы войны. По возвращении из-за границы в 1814 году Александр особым рескриптом продолжил эти полномочия «впредь до указа», а вскоре даже их расширил разрешением проводить постановления комитета в исполнение, не дожидаясь «высочайшего» утверждения, не только по делам «не терпящим отлагательства», но и по всем вообще. Притом он назначил в декабре 1815 года Аракчеева «для доклада и надзора по делам комитета», т.-е. единственным посредником между собою и комитетом, и с тех пор Аракчеев стал действовать в комитете, — а это значит во всем верховном управлении, именем государя, который и те дела, какие до него доходили, решал по аракчеевским докладам, обычно повторяя заготовленные Аракчеевым резолюции. При таких условиях от'езд императора, хотя бы и на продолжительный срок, не требовал каких-либо особых распоряжений: ставший нормальным этот особый порядок «текущего» управления был обеспечен. Дальнейшие события показали, однако, что подобная организация верховного управления лишила государственную власть в критический момент сколько-нибудь авторитетного центра: комитет министров, возглавляемый Аракчеевым, не сыграл никакой роли в этих событиях. Несмотря на свои чрезвычайные полномочия, комитет министров был только исполнительным органом при императоре-самодержце. В дни династической смуты и при дворе и в обществе интересовались поведением государственного совета и сената, — правда, только чтобы убедиться в их полном политическом ничтожестве, но о комитете никто и не вспоминал.

С 17 ноября стали приходить из Таганрога известия о болезни Александра. Первое письмо с сообщением о том, что он вернулся в Таганрог из поездки по Крыму простуженным, он сам написал императрице-матери (от 5 ноября); это было последнее его письмо. 22-го получен бюллетень о его здоровьи от 12-го; лейб-медик Вилье сообщал

о серьезном заболевании; 25-го пришли вести, что положение Александра опасно для жизни. Характерно, что эти последние сообщения направлены состоявшим при императоре в Таганроге начальником главного штаба Дибичем к секретарю императрицы-матери Вилламову, к петербургскому генерал-губернатору Милорадовичу, председателю государственного совета Лопухину и командовавшему гвардейским корпусом ген. Войнову: «следовательно, ко всем властям», поясняет Вилламов в своем дневнике [1]). Высшим государственным учреждением считался государственный совет, что отнюдь не соответствовало его действительному положению в руководстве правлением, а решающими силами — династия, возглавляемая императрицей-матерью, и петербургский гарнизон, в частности — гвардия. «Правительство», замещавшее императора в его отсутствие, сразу сходит со сцены, остается в стороне, где-то на заднем плане. Известия, полученные 25 ноября, были посланы из Таганрога 15-го; о смерти Александра, постигшей его еще 19-го, в Петербурге узнали только 27-го. Но слухи и толки о ней пошли раньше официального сообщения; следственная комиссия по делу декабристов даже заинтересовалась этим обстоятельством, заподозрив «тайные сношения» членов тайного общества с Таганрогом; но дело об'яснялось проще: фельд'егеря, скакавшие из Таганрога в Петербург, рассказывали по дороге, что́ знали по слухам и толкам в Таганроге.

Однако известия, полученные 25 ноября, были достаточно определенны, чтобы поставить ребром вопрос о престолонаследии. В тот же вечер состоялось совещание генералов Милорадовича и Войнова, которые, очевидно сознавая себя ответственными хозяевами положения и снесшись с Лопухиным, слишком безличным для активной роли, порешили не сообщать полученных известий в общее сведение, но подготовить необходимые действия к решительному моменту — смерти императора. Милорадович отправился в Аничков дворец, чтобы предупредить Николая Павловича, а позднее вечером пришел к нему с Войновым на совещание, как поступать в случае смерти Александра. Дальнейший ход событий, протекавший, по меткому словечку государственного секретаря Оленина, «в обыкновенной суматохе нечаянных случаев», восстанавливается не без больших затруднений по данным, какие находим в свидетельствах действовавших лиц и ловивших разные сведения и слухи лиц, более или менее близких к придворным кругам. Получаем эти свидетельства лишь частью из «документальных» источ-

---

[1]) Вилламов начал свой дневник 28 ноября записями с 17 ноября и продолжал его до 19 марта 1826 г.; этот дневник издан Шумигорским в «Русской Старине», 1899 г., кн. 1—3.

ников, как официальные письма и заявления активных участников дворцовой смуты, конечно в формулировке осторожной, обдуманной и полной недомолвок, умолчаний и прямых искажений, а еще больше из мемуаров и записок, среди которых самые ценные, это — дневники, какие кое-кто стал вести тотчас, под впечатлением, что совершаются «исторические» события, но таких у нас немного, и то кратких, скупых на подробности; а воспоминания, позднее записанные, грешат условностями памяти, естественно путавшей последовательность и связь пережитого в треволнениях изо дня в день, невольными и намеренными умолчаниями, всегда не точной записью былых разговоров и слухов, наконец — изменением всей перспективы пережитого под влиянием дальнейшего хода и исхода событий. Однако основные линии этого хода событий, поскольку они существенны для понимания всего дальнейшего, восстанавливаются через лабиринт этих противоречий и недомолвок с достаточной отчетливостью.

Вечером 25 ноября Николай на совещании с Милорадовичем и Войновым впервые встретился с препятствием к своему восшествию на престол, независимым — по крайней мере непосредственно—от какого-либо «заговора». В эти дни представители власти не придавали значения существованию тайных обществ, поскольку имели о них сведения, и на данном совещании о них, судя по всему, не было и речи. Но вопрос о престолонаследии был поставлен. Николай, утвердившийся в мысли, которая и в прежние годы проходит красной нитью через все перипетии этого вопроса и которую он потом охотно подчеркивает в разных своих заметках о пережитом, что империя не должна ни на мгновение оставаться без государя, заговорил о своем предназначении к власти и об отречении Константина. Но Милорадович возражал решительно. Он держался мнения, весьма распространенного среди близких к правительственному центру высших сановников империи: перемена в порядке наследования никому официально не известна, и в случае смерти имп. Александра силы иметь не может; престол нельзя оставлять вакантным и создавать междуцарствие; надо исполнить государственный закон и без всякого промедления присягнуть, кому надлежит, т.-е. законом указанному наследнику — Константину. Без нового личного выступления Константина его отречение представлялось неосуществимым и не имеющим значения: опубликованными и получившими законнную силу актами оно не установлено. А за мнением Милорадовича стояла вполне реальная сила: настроение гвардии. Оно делало присягу в обход Константина невозможной при данных условиях. Так утверждал Милорадович в ряде разговоров, дошедших до нас в разных мемуарных откликах. Он и во все

последующие дни держал царскую семью и придворную среду в курсе солдатских и офицерских настроений, благоприятных Константину, враждебных Николаю. Его роль в эти дни представлялась решающей и оставила горькую память у заинтересованных лиц. Милорадович, по отзыву одного современника, располагал в то время «судьбами отечества»; он один, этот «бессердечный скоморох» допущен к обсуждению дела, которое ведется семейным образом; он запугивает императрицу-мать и Николая настроениями гвардии, — пишет другой. Не сомневаясь в личной добросовестности Милорадовича, как верного слуги династии (он ее своей кровью закрепил 14 декабря), Николай в воспоминаниях о пережитом не всегда умеет скрыть накопившееся в нем раздражение против этого «верного слуги». А сам Милорадович и до своего выступления 25 ноября твердил, например, Евгению Виртембергскому, племяннику Марии Федоровны, и по его настоянию подтвердил императрице-матери, что настроение гвардии не сулит успеха попытке немедленно возвести на престол Николая, а на вопрос «при чем тут гвардия?», отвечал, вспоминая дворцовые перевороты XVIII века: «это у них обратилось уже в привычку, почти в инстинкт». Милорадович вошел в свою роль влиятельной силы и пояснял в приятельском разговоре: «у кого 60 тысяч штыков в кармане, тот может смело говорить».

Точное содержание обмена мнениями в вечернем совещании 25 ноября, предрешившем весь дальнейший ход событий, нам, конечно, неизвестно. Знаем только, с какими аргументами Милорадовича встретился Николай. И он усвоил вытекавший из них вывод. Официально и официозно он себе присвоил этот вывод: ничего другого ему не оставалось. В записке «от брата Николая к брату Константину» — отчете о происшедшем и мотивах своего поведения — Николай формулирует результат совещания с Милорадовичем и Войновым — как бы это было его мнение, им предложенное,—что необходимо немедленно при об'явлении о смерти императора провозгласить восшедшим на престол его преемника, и что он первый присягнет старшему своему брату как законному наследнику престола. Так положено было начало официальной легенде, которую оставалось только развивать все дальше и дальше. Николай настойчиво проводит мысль, что ему «содержание манифеста (заготовленного Александром, но не опубликованного) было вовсе неизвестно»: он не знал его текста, не знал, может быть, и того, что дело определено в форме именно манифеста, хотя вполне знал содержание принятого решения. А затем утверждает, что если бы он и знал манифест, то сделал бы то же, что и так сделал, «ибо манифест не был опубликован при жизни государя, а Константин Павлович был в отсутствии, потому, во

всяком случае, долг его и всей России был присягнуть законному государю». Раз приняв точку зрения, выразителем которой явился Милорадович, Николай старается последовательно ее выдержать; даже выражения, какие он при этом употребляет, — те же, в каких передает дошедшая до нас традиция суждения Милорадовича.

Так вопрос был предрешен еще до получения известия о смерти Александра. На следующий день, 26-го, ожидали решительной вести, тем более, что из Таганрота вышло распоряжение держать наготове на всех почтовых станциях лошадей для фельд'егеря, который должен проследовать. Но вместо того получены письма от Дибича и от имп. Елизаветы, а также бюллетень д-ра Вилье о некотором улучшении здоровья Александра. Правда, Дибич писал, что возникает только «просвет надежды», но впечатление получилось оптимистическое, что есть «надежды на лучшее»; «впрочем, — заметил Вилламов, — вел кн. Николай их не разделяет». Наконец, 27-го в двенадцатом часу получено во дворце, во время молебна о здоровьи Александра, который пришлось прервать, известие о том, что император умер 19 ноября утром в 10 ч. 50 м.

Многих тогда же поразила та торопливость, какую проявил Николай в принесении присяги Константину. И это черта показательная для подтверждения (если оно еще нужно) правильности рассказов о роли Милорадовича и его внушений. Николай, повидавшись с матерью, поделившись с нею домашним горем и кое-как успокоив, спешит в церковь для присяги и подписания присяжного листа. Притом он о смерти императора и о том, что идет присягать «законному государю Константину Павловичу» прежде всего сообщил внутреннему дворцовому караулу, а затем, приняв присягу и приведя к ней всех, случившихся во дворце, военных и гражданских сановников, распорядился привлечением к присяге дворцовых караулов, всей гвардии и гарнизона. «Великий князь», пишет по этому поводу зоркая наблюдательница современной жизни графиня Нессельроде, «проявил большую торопливость; он на все стороны приказывал присягать, без всякого порядка, что к тому привело, что войска выполнили это раньше правительственных властей».

Николай спешил предупредить всякое волнение в войсках петербургского гарнизона — и прежде всего гвардии — своей и их присягой. Действия его вызвали недоумение среди ближайших. Мать его спрашивает: «Что вы сделали? Разве вы не знаете, что есть акт, определяющий вас преднамеченным наследником?». Ее виртембергский племянник, на-днях только прибывший в Петербург, недоуменно рассуждает о том, что раз Николай знал, как предрешен вопрос о престолонаследии, его поведение непонятно: для простой формальности, чтобы не сказать —

комедии, его присяга Константину слишком серьезное дело, и правильнее было бы Николаю вступить в управление, оставив вопрос о престоле открытым, пока не выскажется Константин,—принц Евгений не представлял себе опасений, какие внушало настроение гвардии. Странным казалось выступление Николая и в том, что раз он власти не принял, действовал он самовольно, не имея права распорядиться присягой без манифеста от подлинного императора. В этих недоумениях, в сущности, вскрывался неизбежный парадокс самодержавия, при котором государственная власть может проявиться в принципе не иначе, как в личных действиях единодержавного монарха. Правда многие полагали, что государственный совет призван разрубить запутанный узел создавшегося положения. Ведь и по мысли Александра следовало после его смерти вскрыть конверт с оставленными актами в чрезвычайном собрании совета (также, впрочем, сената и синода, а в Москве — архиерею с генерал-губернатором) и действовать в их исполнение. В государственном совете к этому подготовлялись. Государственный секретарь Оленин, по поручению председателя — Лопухина, утром 27-го, тотчас после прерванного молебна, осмотрел железный сундук, где хранился таинственный пакет. Но какие-либо дальнейшие действия были перебиты присягой во дворце, в которой и часть членов государственного совета участвовала; и когда Оленин обратился — не к кому иному, а к Милорадовичу — с вопросом, не надо ли созвать государственный совет, то получил ответ: «все кончено, совет надо собрать только для присяги». Государственный совет был созван к 2 ч. дня. Тщетно А. Н. Голицын, ближе всех посвященный в заветы Александра, изложил всю историю таинственного пакета и содержащихся в нем документов; тщетно поддержали почти все члены совета его требование, чтобы воля Александра была исполнена, и добились того, что пакет был пред'явлен и акты прочтены. Дальнейшее было предрешено помимо какого-либо суждения совета, как и пояснили тут же министр юстиции, он же и генерал-прокурор, Лобанов-Ростовский и Милорадович. Лобанов указал на то, что государственный совет не более чем «государева канцелярия», и что у умершего императора не может быть воли; он предлагал распустить эту «сходку» и итти к присяге. А Милорадович заявил, что Николай «торжественно отрекся от права, предоставленного ему прочитанным манифестом» и первый уже присягнул Константину. Такой постановкой вопроса введена в официальную легенду еще одна характерная черта, весьма использованная Николаем: «предстояло решить борьбу не о занятии престола, а об отречении от него», как выразился он в одной из приписок к рукописям Корфа.

Среди членов государственного совета было довольно сильное течение в пользу решения этой «борьбы» именно в совете. И в их среде и в более широких кругах русского общества приписывали совету большее значение, чем простой «государевой канцелярии». И сам Александр, хотя именно он поставил вопрос о престолонаследии на почву «домашних сделок», придал высшим «государственным сословиям» в манифесте, который был только что заслушан советом, значение исполнителей его завета. Не скрыл этого даже Корф и в официальной, проредактированной Николаем, книге: «Восшествие на престол императора Николая I» упомянул, что «совет, который всегда, и дотоле и после, составлял по справедливому замечанию князя Лобанова более лишь канцелярию государеву, вдруг, в минуту самую торжественную и многознаменательную для империи, в минуту решения вопроса о престолонаследии, поставлен был силою обстоятельств на степень государственной власти». И Николай несомненно ожидал в сильном волнении, как решится вопрос о присяге в государственном совете. А тут даже повторные настояния Милорадовича после прочтения манифеста и приложений к нему не прекратили разногласий и колебаний. Конечно, суть этих колебаний была весьма скромная: дело шло только о том, как выполнить «долг верноподданных»; в составе членов совета не было лиц, а тем более групп, способных использовать момент для политического выступления, и мысль, высказывавшаяся в декабристской среде, что «если бы в государственном совете были головы, то ныне Россия присягнула бы и новому государю и новым законам» (т.-е. конституции), не имела под собою никакой почвы. Но колебания все-таки были. Не присягнувшие еще Константину чувствовали себя связанными заветом Александра, опасались смуты, если Константин останется при своем отречении, предпочитали воцарение Николая, как более надежного хранителя традиций — словом, не возвышались, как и их противники, над уровнем придворной и чиновной среды, смятенной вопросом о новом господине. Выхода из тупика стали искать в личном об'яснении с Николаем. Послали Милорадовича звать его в совет. Но Милорадович пояснил, что раз великий князь уже присягнул, то даже неприлично призывать его в совет на какое-то обсуждение, и принес от Николая ответ, что тот, не будучи членом совета, не считает себя вправе присутствовать в нем. Тогда решили всем советом итти к нему. Николай ответил на пред'явление ему манифеста, что его содержание ему давно, с 1819 года, известно, прочел его нехотя[1]), по на-

[1]) В записке «от брата Николая к брату Константину», составленной им 3 декабря, Николай сам передает, как он сообщил членам гос. совета, что «содержание сего акта ему давно известно и именно с 13 июля 1819 года».

стоянию членов совета, и упрашивал их «для спокойствия государства» присягнуть Константину по его примеру и по примеру войск. Надо было кончить пререкания: положение становилось вовсе нелепым. Формальный выход из него нашел председатель одного из департаментов гос. совета гр. Литта: он заявил, что не присягавшие Константину признают, по воле покойного государя, своим государем Николая и потому должны ему повиноваться—пусть он и ведет их к присяге Константину, если такова его непреклонная воля. Это заявление так понравилось Николаю, что он сам его записал для внесения в описание своего восшествия на престол, составленное Корфом. Не как государственное учреждение, а как группа придворных сановников принесли члены совета присягу Константину в дворцовой церкви, тем более, что часть их проделала эту церемонию еще утром. А после присяги Николай сделал еще шаг, рассчитанный на определенное впечатление. Он свел членов государственного совета к императрице-матери (это было условлено между ними, когда Милорадович приходил к нему от имени совета), и та подтвердила, что распоряжения Александра были сделаны «по доброй воле и по непринужденному согласию» Константина, но что она вполне одобряет решение, принятое Николаем. Этим выяснялось, что вопрос отнюдь не исчерпан: задача была только в том, чтобы предоставить его окончательное решение Константину и тем избежать нареканий в узурпации власти. Всем заинтересованным лицам было ясно, что такого результата нельзя было достигнуть без личного и официального выступления Константина. А с другой стороны, далеко было в Петербурге от уверенности, что Константин, в данных условиях, будет непременно настаивать на своем отречении. Настроение гвардии и факт присяги, ему принесенной, могли, казалось, изменить его решение. Его личный приятель Опочинин, бывший его ад'ютант, в эту пору — в отставке, ехал в Варшаву с надеждой уговорить Константина не уклоняться от выпавшей на его долю власти.

А пока шла присяга Константину. К 3 часам, пока еще шли разговоры в государственном совете, было закончено приведение к присяге военных частей, гражданских учреждений и обывателей Петербурга.

но вместе с тем протестует (в примечаниях к записям Корфа) против заявления Милорадовича совету, что Николаю эти бумаги «давно известны». «Не знаю, с чего г. Милорадович мог сие об'явить, ибо мне (пишет Николай) содержание манифеста было вовсе неизвестно и я первый раз видел и читал его, когда совет принес его ко мне». Явная сбивчивость его показаний об'ясняется тем, что он цеплялся в них за различие общего знакомства с сутью дела и знанием текста, оформившего принятое решение в манифесте.

Присягнул и сенат без всяких рассуждений. Министр юстиции, в качестве генерал-прокурора, не допустил тут вскрыть пакет и препроводил его в полной неприкосновенности в Варшаву. Разосланы курьеры с распоряжением о присяге по всему государству, и стали поступать донесения о его выполнении: от корпуса военных поселений, из Финляндии и т. д. 3 декабря получено донесение, что Москва присягнула Константину. В Москву Милорадович послал, по соглашению с Николаем, своего ад'ютанта к московскому генерал-губернатору кн. Д. В. Голицыну с сообщением о событиях в столице и приглашением немедленно провести ту же присягу в Москве. А тут, еще по первым вестям о смерти Александра, архиепископ Филарет совещался с генерал-губернатором о том, как быть, если из Варшавы придет манифест о вступлении на престол Константина, а из Петербурга — о вступлении Николая; решили варшавского манифеста не об'являть, а ждать из Петербурга манифеста, «который укажет истинного императора». Однако вместо каких-либо манифестов вечером в тот же день 29 ноября Голицын получил письмо от Милорадовича, привезенное его ад'ютантом, а в письме сообщение о петербургской присяге Константину и предложение от имени вел. кн. Николая Павловича распорядиться принесением такой же присяги в Москве, пакета же, в котором хранится «бумага» умершего императора, не распечатывать. Филарет возражал, что письмо Милорадовича не имеет силы официального акта, да еще в деле «толикой важности», и что трудно ему действовать, не имея даже указа от синода. Но московские колебания разрешены тем соображением, что нельзя же быть одному императору в Петербурге, а другому в Москве. Филарет с Голицыным решили взять на себя исполнение требований Милорадовича. Военная и гражданская Москва присягнула Константину 30 ноября, а пакет, хранившийся в Успенском соборе, оставлен на месте впредь до распоряжения нового императора[1]).

Формально началось царствование императора Константина. Заготовлены и выпущены в свет его портреты; отпечатаны и пошли в оборот с его именем подорожные и другие документы, от его имени стали издаваться указы правительственных учреждений, это же имя появилось на денежных знаках и монетах. Но от самого «императора» Константина не было в течение этих первых тревожных дней ни слуху ни духу. В Петербурге даже не знали в точности, где он находится: не уехал ли по первым вестям о смерти Александра в Таганрог. Положение остава-

[1]) Рассказ Филарета об этих днях у Шильдера, «Имп. Николай Первый», т. I, стр. 210—212. Указ сената о принесении присяги был получен в Москве уже после выполнения всей церемонии.

лось сложным и напряженным. Своеобразное поведение Константина не замедлило осложнить его еще более, затянуть развязку и довести ее до крайней напряженности.

С 19 ноября Константин имел сведения о болезни брата-императора по письмам Дибича, 25-го вечером получил известие о его смерти на 1½ дня раньше, чем то же известие дошло до Петербурга. Дибич обращался к нему с императорским титулом, требовал повелений (в частности — по делу о тайном обществе). Константин ответил ему в тот же день «дружеским советом» обращаться по всяким делам, по которым требуется разрешение высочайшей власти, в Петербург, чтобы получить его «от кого следует». А из Петербурга тому же Дибичу писали из главного штаба, что присягнули императору Константину, «так как великий князь Николай Павлович отказался от престола, оставленного ему по завещанию»; писал и сам Николай, что присягнул «законному государю». Тогда Дибич, перешедший было к признанию Константина «великим князем», снова стал обращаться к нему, как к императору, и получил снова отпор.

Династический кризис должен был получить разрешение между Петербургом и Варшавой. Пока в Петербурге присягали Константину, он в Варшаве резко обрывал всех, кто обращался к нему, как к императору, но не провозглашал императором Николая, даже не называл его прямо, например, в письмах к начальнику главного штаба Дибичу и ген.-ад'ютанту кн. П. М. Волконскому, также находившемуся при Александре в Таганроге, когда давал им «совет» обращаться в Петербург для получения повелений «от кого надлежит», а только послал им «секретно» копию с письма Александра к нему от 2 февраля 1822 г. с согласием на отречение. Константин ожидал, что в Петербурге исполнят волю Александра, ожидал манифеста о вступлении на престол Николая. Сам же он на другой день по получении известия о смерти Александра заготовил письма к императрице-матери, где сообщал, что «почитает обязанностью» свое право на наследие «уступить» Николаю, и к брату, что «уступает» ему свое право на престол и просит мать «о всем том об'явить, где следует» для «приведения сей непоколебимой своей воли в надлежащее исполнение». Так и в этих письмах, носивших характер политических актов и позднее опубликованных при манифесте о восшествии на престол Николая, государственно-политическая сознательность заменена семейно-династическим отношением к государственной власти. Константин, очевидно, действительно не знал, что Александр все-таки заготовил акт более определенного государственно-правового значения — манифест, и полагал, что об'явить публично об изменении

порядка в престолонаследии дело императрицы-матери, как главы семьи по смерти Александра. Впрочем, и сам Александр формально подорвал правовой смысл своего манифеста тем, что не опубликовал его во-время: посмертный манифест получал характер завещания, а даже в придворной среде и среди членов государственного совета понимали, что и в самодержавной монархии неуместно «играть с законным наследием престола, как с частною собственностью» и передавать государственную власть по средневековому феодальному обычаю, путем завещательных распоряжений.

Письма Константина повез в Петербург вел. кн. Михаил Павлович, находившийся в эту пору при брате в Варшаве. Приехал он в столицу утром 3 декабря. Однако Николай с матерью не решились их использовать. За истекшие дни формально началось царствование Константина I. Ему в Варшаву были посланы донесения от государственного совета и сената о состоявшейся присяге, «верноподданническое» письмо Николая, и были даже отправлены распоряжения о приведении к присяге войск Литовского корпуса на имя имп. Константина, т.-е. войск, состоявших под командой его же самого. Послали Константину и близкого, доверенного ему человека, Ф. П. Опочинина, чтобы тот лично выяснил ему создавшееся положение и убедил его лично приехать в Петербург, чтобы так или иначе это положение распутать.

На семейных совещаниях, с участием, конечно, и неизбежного Милорадовича, который, как сразу бросилось в глаза приезжему Михаилу, «в те дни везде и почти неотлучно находился при вел. кн. Николае Павловиче», порешили, что привезенные из Варшавы письма не дают достаточного основания к каким-либо действиям в отмену всего выполненного, а надо дождаться отзыва Константина на известие о принесенной ему присяге. В придворной среде крепло впечатление, что чем более дело затягивается, тем труднее будет Константину настаивать на своем отречении, а между тем окончательное решение — в его руках: и в столице много его сторонников, за него и армия, за ним стоят и его польские силы. Сам Михаил Павлович, про которого жена Николая Александра Федоровна отметила в своем дневнике, что он на все смотрит по-иному, и который возмущался тем, что в Петербурге наделали, соглашался, что крайне мудрено будет убедительно об'яснить народу и войскам «эти домашние сделки и почему сделалось так, а не иначе». Выход представлялся только один. Пусть Константин, если воля его об отречении неизменна, огласит ее торжественным публичным актом, «чем-нибудь вроде манифеста», а кроме того, пусть лично приедет в Петербург, чтобы своим присутствием и своими выступлениями

устранить всякие сомнения. Николай, который был уверен, что Константин не переменит принятого решения, так ему и написал того же 3 декабря: «я знал вас достаточно, чтобы не сомневаться, к какому приду результату», и выражал согласие «покориться его воле», а мать писала ему, что умоляет его лично приехать, чтобы все покончить.

Письма отправлены в тот же день с фельд'егерем. Развязка опять затягивалась до получения окончательного ответа из Варшавы. А в тот же самый день Константин писал и отправлял в Петербург свои ответы на первое письмо Николая, на журнал чрезвычайного заседания государственного совета и на донесение министра юстиции—генерал-прокурора на все те документы, какие ему 2 декабря привез ад'ютант Николая А. П. Лазарев. Ответ Николаю был короток и сух. Константин сообщал, что его решение непоколебимо (Николай подчеркнул это слово карандашом), что приглашения приехать в Петербург он принять не может, а напротив, предупреждает, что если «все не устроится согласно воле покойного императора, так он удалится еще куда-нибудь дальше». Раздражение, звучащее и в этой записке, было еще более резко выражено в письмах Константина к председателю государственного совета Лопухину и министру юстиции Лобанову. Константин заявлял, что не может признать принесенную ему присягу законной, во-первых, потому, что она принесена в явное нарушение обязанности исполнить волю Александра, а во-вторых, потому, что присяга не может быть сделана иначе, как по манифесту требующего ее императора, а эта учинена без его ведома и согласия. Поэтому Константин резко укорял государственный совет и сенат в отступлении от законной обязанности и в подаче другим примера «к неисполнению верноподданнического долга». Понятно, что такие документы вовсе не годились для публикации, и вопрос с их получением не сдвинулся с мертвой точки. А в ответ на письма от матери и брата от 3 декабря Константин отозвался только письмами от 8-го числа Николаю, что посылает ему благословение старшего с рядом советов, как ему царствовать, а матери, что не считает возможным ни приехать в Петербург, ни возвещать о своем отречении иначе, как обнародованием заготовленного Александром манифеста с приложенными к нему письмами. На этом пришлось признать вопрос исчерпанным.

Константин не шел ни на какое официальное выступление в вопросе о престолонаследии. Он писал в эти дни Дибичу в Таганрог, что не вмешивается в то, что делается в Петербурге. Он умывал руки и не желал брать на себя никакой ответственной роли в действиях, которые считал в корне неправильными. Он высказывал настроение, которое можно выразить словами: заварили кашу, сами и расхлебывайте. При

этом он хорошо знал, что у него много сторонников в Петербурге, знал и по рассказам Опочинина и по письму ген. Потапова, который писал в Варшаву, умоляя близких к Константину убедить его, что он не должен отказываться от России и будет за это отвечать перед богом, писал и самому Константину от имени «всех ему преданных» и по их поручению, с просьбой ускорить свой приезд, явиться перед гвардией и принять власть. Но именно такие сведения всего больше отталкивали Константина от мысли ехать в столицу. И события, разыгравшиеся 14 декабря, отнюдь его не разубедили. Напротив, он увидал в них подтверждение правильности своих действий; его присутствие могло, по его мнению, только ухудшить положение, и без того испорченное неразумным поведением петербургских властей; действительной причиной этих происшествий он считал только «неосторожности местного начальства», как писал, вспоминая о них позднее, своему, не раз упомянутому приятелю Опочинину. Последние его письма разбивали все расчеты на его выступление обеих сторон: и дворца петербургского и сторонников цесаревича. Милорадович вынужден отступиться от принятой линии поведения и сделал это с большой досадой на Константина: «я — так он отозвался — надеялся на него, а он губит Россию»; и это было не личным только настроением Милорадовича, как видно из обращения к Константину Потапова от целой группы «преданных» из высшего военного командования. В ответ на их призывы Константин отвечал сердитым напоминанием, что их дело «слепое и безмолвное повиновение»; он и сам для себя, — об'яснял он в письме к Лагарпу, — предпочел привычное состояние «повиновения самого пассивного» ответственной роли правителя.

О настроениях этих тревожных дней гр. Нессельроде писала брату своему Н. Д. Гурьеву: «Как только стали известны в обществе альтернатива и пререкания между двумя князьями, общественное мнение во всех классах высказалось за отсутствовавшего, особенно военные, ненавидевшие Николая, не скрывали своего мнения», но, полагает она, «все эти люди, которые желают его, станут проливать горькие слезы». Испугом перед этим столь единодушным настроением об'ясняет графиня все поведение Николая и его близких советников. Под давлением всех этих обстоятельств возникло настоящее междуцарствие; шли дни за днями, положение все обострялось, а никто, вне узкого придворно-династического круга, не знал толком, в чем же дело. Рядом с официальной легендой о борьбе двух великодушных самоотречений слагалась и нарастала другая — об упорной борьбе за власть с арестами и насилиями. Династический водевиль разрастался в дворцовую мелодраму. Затяжка между-

царствия придавала ему действительно значение кризиса государственной власти, попавшей в параличное состояние. Признанный императором Константин не брал ее в свои руки. Николай был в колебании, не решался ее взять при сложившейся обстановке. Положение его в Петербурге становилось с каждым днем все более щекотливым и двусмысленным. Не император, а всего только начальник гвардейской дивизии, он с первых же дней междуцарствия переехал в Зимний дворец и вступил фактически в дела управления. Ему докладывались дела, которые, как сам он упоминает в своих записках, его «в строгом смысле службы» отнюдь не касались; к нему поступали пакеты, адресованные на «высочайшее» имя, им вскрывались и получали от него дальнейшее направление: от него исходили ответственные распоряжения. Все это, конечно, делалось не вполне официально, как бы частным образом, путем личных сношений с теми людьми, «в руках коих по званию их власть находилась». Притом Николай старался не слишком открыто проявлять свое участие в управлении. Он чувствовал себя окруженным недоверчивым наблюдением. «Одно было трудно», записал он в своих воспоминаниях, «я должен был скрывать настоящее положение дел от мнительности матушки, от глаз окружающих, которых любопытство предугадывало истину». Почти один в Петербурге он не сомневался в отречении Константина, но не смел признать это даже в близком кругу. Не признал он этого и потом, в своих воспоминаниях, записанных для потомства: не только в них он ткет все дальше официальную легенду, представляя свою деятельность тех дней, как жертву с своей стороны на пользу отечества и «того, кому он присягнул», но и позднее — даже в частных, домашних письмах и разговорах—выдерживает тон, тогда принятый под давлением неустранимых внешних условий. Не все в слагавшейся официальной легенде было ему по вкусу. Сентиментальному восторгу матери, восклицавшей, что он должен преклониться перед братом Константином, который так, по ее мнению, возвышенно-великодушен, уступая ему престол, Николай противопоставил досадливое возражение, что в данных условиях принимающий власть приносит жертву побольше, чем тот, кто от нее уклоняется. Он позаботился о том, чтобы этот мотив вошел в официальное описание событий, на память истории, и тем по-своему выправил легенду о них в свою пользу: изображение великодушного жеста Константина заменено борьбой двух великодуший. А в сущности, он, видно, и сам понимал, что тут никаких «великодуший» не было ни со стороны Константина, отступившего перед трудностями и риском ответственной роли, ни со стороны его самого, принимавшего власть в силу сложившихся династических обстоятельств.

Замечание Николая об окружавшей его мнительности чрезвычайно характеризует обстановку, в какую он попал. Вспомним, что Милорадович, по свидетельству Михаила Павловича, почти не выпускал его из-под своего наблюдения, а за Милорадовичем стояли значительные силы, определенно не желавшие воцарения Николая. А приезд Михаила в Петербург сильно усложнил все настроения и отношения. Знали, что он не присягал Константину, как и прибывшие с ним из Варшавы. Михаил привез решительный ответ Константина, но в такой форме, что этим ничего не разрешалось. Константин отказывался дать единственный возможный выход — разрешить формальным актом присягнувших от присяги. Приходилось, чтобы хоть несколько разрядить сгущенную атмосферу, прибегать к искусственным приемам: Михаила, чтобы не был он, отрицавший петербургскую тактику, у всех на глазах, услать назад в Варшаву за новым ответом от Константина, а официально под предлогом его успокоения насчет здоровья матери (так было в газетах об'явлено); морочить публику газетными известиями о скором приезде Константина, взять под надзор все сношения с Варшавой и перехватывать все приходившие оттуда письма. Михаил встретил на полдороге решительный ответ Константина, посланный с тем ад'ютантом Николая, который повез в Варшаву отчет о присяге. Ехать было не к чему ни в Варшаву ни в Петербург, и Михаил засел «в томительной скуке бездействия» на почтовой станции Ненналe на неделю с лишком.

Все эти обстоятельства только усиливали нараставшее в столице волнение. Пошли толки о приезде Константина и о лишении его свободы, если не жизни, об аресте Михаила, как его сторонника. То, чего так старался избежать Николай, — роли захватчика власти в мнении общества и особенно гвардии,—надвигалось на него все сильнее. Только 12 декабря в обеденное время доставил фельд'егерь из Варшавы последние ответы Константина от 8-го числа. Приходилось примириться с тем, что от него помощи и содействия не будет. Константин целиком слагал ответственность за все происшедшее на Николая и его советников и отказывал в своем содействии спокойному и мирному переходу от междуцарствия к вступлению на престол Николая. А в Петербурге на возможность такого перехода смотрели с большой тревогой. Михаил Павлович сильно обострил эту тревогу своими суждениями о петербургских делах. «Зачем ты все это сделал?», упрекал он брата, «что теперь будет при второй присяге в отмену прежней?» — и возражал на успокоительные замечания Николая, что нечего-де тревожиться, раз первая присяга прошла так спокойно, указанием, что тут совсем другое дело: Константина все считают законным наследником, его издавна и в церк-

вах поминают с титулом цесаревича, как старшего, первым после Александра и императриц, ему присягали, как государю; и вдруг — отмена, смысл которой Михаил пояснял характерным армейским сравнением: «когда производят штабс-капитана в капитаны, это в порядке вещей и никого не дивит, — но совсем иное дело перешагнуть через чин и произвесть в капитаны поручика»; мудрено будет убедить недоверчивых, что «никто не обойден». Окружающие заметили, как сильно был взволнован Николай после беседы с Михаилом. Ему несомненно предстояло «перешагнуть через чин» — из дивизионных генералов в императоры мимо старшего брата-цесаревича, старшего на целое поколение и главнокомандующего, и перешагнуть при враждебном настроении гвардии, которое было ему хорошо известно из настойчивых внушений Милорадовича и вызывало серьезные опасения. Императрица-мать поясняла Михаилу, что присяга Константину принесена, потому что иначе была бы кровь пролита, на что Михаил отвечал «в печальном предвидении», что кровь еще прольется.

В тот же день, 12 декабря, рано поутру, еще до прибытия фельд'егеря с письмами из Варшавы, явился из Таганрога полк. Фредерикс со срочным донесением Дибича о раскрытом заговоре среди офицеров южной армии и гвардейских полков петербургского гарнизона. Дибич обращался к Николаю уже как к императору, на основании указаний, полученных от Константина, и сообщал ему о тайном обществе по доносам Шервуда и Майбороды и розыскам ген.-лейт. Витта, о принятых им, Дибичем, мерах к аресту главарей заговора на юге, а вопрос о замешанных в нем офицеров гвардии — передавал на усмотрение императора. Но Николай еще не был императором в день получения этого донесения, которое так усугубляло представление о грозящем взрыве напряженного политического состояния империи. А вечером все того же дня Николай получил новое предостережение в письме и личной беседе от Якова Ростовцева, которого Евгений Оболенский пытался вовлечь в тайное общество, но только дал ему основание предостеречь Николая. Ростовцев уговаривал Николая «погодить царствовать», так как при новой присяге возникнет возмущение, умолял его убедить Константина или принять престол, или приехать в Петербург и провозгласить государем брата «всенародно на площади». Так сведения о грозящем восстании сплелись с окончательным решением вопроса об императорской власти.

Николай видел, что должен действовать, «не теряя ни минуты, с полной властью, с опытностью, с решимостью», но на это он не имел «ни власти ни права»: он еще не был императором, не вступил «в новую должность»; не имел он и своих, доверенных людей на полномочных, от-

ветственных постах. Сведения, сообщенные Дибичем, были серьезны и тревожны, но оказались при ближайшем рассмотрении «весьма неясны, неопределительны», особенно по отношению к Петербургу. Необходимо было расследование. Николай обратился к Милорадовичу «по долгу его звания» — генерал-губернатор располагал полицейским аппаратом — и к А. Н. Голицыну: он был начальником почтовой части и располагал средствами наблюдения за письменными сношениями. Но никаких мер не было принято. Не было произведено арестов, хотя в полученных доносах было немало имен: часть названных участников заговора была в от'езде, за другими решили установить наблюдение, но не видно, чтобы какие-либо распоряжения были сделаны. «Все осталось в прежней без'ясности», записал Николай в своих воспоминаниях с укором по адресу Милорадовича. Да и времени не было. События разыгрались слишком быстро, на почве новой присяги, медлить с которой Николай не считал больше ни нужным ни возможным.

Николай сознавал, что попал в ложное положение из-за отказа Константина от открытого, официального выступления. Он был озабочен, как пишет в тех же воспоминаниях, соображениями о том, как все исполнить «не с явной опасностью недоразумений и ложных наветов». Задачу вступить на престол без укоризны, что захватил его наперекор Константину, по существу неразрешимую, он рассчитывал разрешить с помощью Михаила, особая личная близость которого к Константину была известна. Михаил должен был выступить «личным свидетелем и вестником братней воли»: он все время был при Константине, от него и приехал. Тревожило настроение гвардии. Для воздействия на нее не было лиц, которые пользовались ее доверием и уважением. Командовал гвардией ген. Войнов, человек весьма ограниченный и недавно поставленный во главе гвардейского корпуса, среди которого не успел приобрести «никакого весу». Николай условился с ним, что он соберет на другой день, в понедельник 14 декабря, во дворец всех генералов и полковых командиров гвардии, чтобы «лично мне», так поясняет Николай свою мысль, «об'яснить им весь ход происходившего в нашей семье и поручить им растолковать сие ясным образом своим подчиненным, дабы не было предлога к беспорядкам».

Так готовился Николай к борьбе за гвардию — без ясного представления, с кем и с чем он за нее борется, но с острым ощущением, что от исхода этой борьбы зависит вся его дальнейшая участь. И если он потом, вспоминая пережитое, повторял слова о мысли, не покидавшей его в те дни, что «идет на гибель», можно поверить этому признанию в чувстве ужаса перед грядущим днем, которое им овладевало,

вопреки усилиям воли его преодолеть. И такое настроение должно было обостряться у Николая сознанием, что не один Войнов, а весь, или почти весь, высший командный состав гвардии, внутренние отношения которой были ему известны, не пользуются ни доверием солдатской и офицерской массы ни личным человеческим влиянием на нее. Не полагаясь ни на Милорадовича ни на Войнова, Николай чувствовал себя крайне одиноким, без надежных советников, и в этот момент обратился по делу о заговоре к Бенкендорфу, автору записки о тайных обществах, представленной Александру еще в 1821 году: будущий начальник полицейского сыска и надзора, главное орудие самозащиты самодержавия, типичнейшая фигура наступавшего царствования была найдена, но проявить себя активно этот сотрудник Николая еще не успел.

А пока был заготовлен и манифест о присяге новому императору. Николай сам наметил его схему, а законченную редакцию придал ей Сперанский. Манифест излагал ход дела о престолонаследии со смерти Александра, а в приложение к нему решено опубликовать письма Константина и Александра, которыми они обменялись в 1822 году по делу об отречении, манифест, заготовленный Александром в 1823 году, и письма Константина к императрице-матери и к Николаю с подтверждением отречения и уступки престола брату. Недоставало тут одной формальности: разрешения от присяги, данной Константину. Константин признал ее незаконной, но заявил об этом в такой форме, что эти его письма не решились напечатать; только в первом же заседании государственного совета Николай прочел отповедь Константина председателю совета Лопухину.

С этого заседания государственного совета должно было начаться вступление Николая на императорский престол. Заседание было назначено на 8 час. вечера 13 декабря в том расчете, что к этому времени поспеет приехать из Ненналя Михаил Павлович, за которым и послали нарочного. В этом заседании Николай решил прочесть намеченные к публикации акты и письмо Константина Лопухину, распорядиться печатанием манифеста, который он, впрочем, пометил задним числом 12 декабря, с приложениями к нему; на следующий день рано утром выступить с личными об'яснениями перед старшими чинами командного состава гвардии, а затем осуществить новую присягу. До тех пор он не принимал императорского титула, продолжал называться «великим князем», не решался давать «высочайшие» повеления. В частности, если он не мог позднее скрыть недовольство тем, что подлежащие власти не приняли мер к предупреждению выступления членов тайного общества, он и сам в те 1½ — 2 дня, какими располагал до момента новой присяги, созна-

тельно уклонился от соответственных распоряжений. Он не решался переходить в наступление, пока вполне не утвердит императорской власти в своих руках. По рассказу военного министра Татищева, Николай 13 декабря ответил ему на предложение арестовать лиц, названных в донесении Дибича, что не хочет арестов прежде присяги, так как это произвело бы «дурное впечатление на всех». Он, очевидно, боялся, что получится впечатление ареста не «заговорщиков», а сторонников Константина. А в этом отношении его связывала оглядка не только на гвардейскую и общественную массу: он хорошо знал, что среди высшего командного состава и сановников высшей администрации многие не желают его воцарения. И на указание военного министра, что заговорщики могут произвести беспорядки, Николай ответил: «Пусть так, тогда и аресты никого не удивят, тогда не сочтут их несправедливостью и произволом» [1].

Все было поставлено на карту «новой присяги». Пройдет она благополучно, можно будет без шума и спокойно расправиться с «заговорщиками». Но первая задача — утвердиться во власти.

Однако первый же акт задуманной инсценировки решительно не удался. Михаил Павлович получил письмо брата с вызовом в Петербург только в 2 ч. дня 13 декабря и, несмотря на большую спешку, приехал в столицу за 300 верст только к 8 ч. утра 14-го числа. В собранном с вечера торжественном заседании государственного совета его приезда тщетно поджидали в течение долгих томительных часов. Отсутствие Михаила сильно портило всю обстановку: ведь и в гвардии и в обществе Михаила считали удаленным из столицы из-за несогласия его на вступление Николая. Пришлось, однако, около полуночи начать и провести заседание без него. Николай выступил с заявлением, что «выполняет волю брата Константина Павловича», и сам прочел совету свой манифест с приложенными к нему документами, затем предложил государственному секретарю прочесть письмо Константина к Лопухину, осуждавшее незаконную присягу. На следующее утро назначена была новая присяга. Было уже далеко за полночь. Настал день 14 декабря.

---

[1]) Рассказ Татищева записан с его слов А. Д. Боровковым в его «автобиографических записках». «Русская Старина», 1898 год, ноябрь, стр. 333.

IV.

КАНУН ВОССТАНИЯ.

Известие о смерти Александра, поднявшее такую смуту во дворце, поставило перед тайным обществом ребром вопрос о немедленном переходе к решительным действиям или отказе от них и полной ликвидации движения. Смена носителей власти при возбужденном настроении гвардии, при напряженности массового общественного недовольства — момент, который не повторится. Упущение его было бы смерти подобно. Петербургский кружок декабристов имел значительные связи в правящей среде и мог своевременно узнавать текущие сенсационные новости. Оболенский бывал ежедневно во дворце, как ад'ютант ген. Бистрома, командовавшего гвардейской пехотой; Якубович был вхож к Милорадовичу, Батенков лично близок к Сперанскому; были связи и в государственном совете, и в сенате, и в главном штабе; Трубецкой был особенно ценным источником. Были осведомлены о «замешательстве наследников престола», о «с'езде во дворце», о колебаниях, приведших к назначению присяги Константину. Знали, конечно, и связанные с этим толки, которые чрезвычайно быстро распространялись, как обычно, по городу и в гарнизоне. Давно всматривались в общественные настроения, в брожение, сулившее революционную ситуацию, переживали необходимость активного выступления, чтобы «пробудить Россию», близкую, казалось, к пробуждению.

И, тем не менее, 27 ноября застало «северное общество» и Верховную его думу совсем врасплох. Поспешным проведением присяги Константину Николай предупредил попытку ее общего срыва требованием опубликования «завещания» Александра. Такая мысль была у Рылеева— использовать для пропаганды слух о том, что в этом завещании были даны свобода крестьянам и сокращение срока солдатской службы. На деле попытки установить связь тайного общества с солдатской массой были весьма незначительны в деятельности «северного общества» и не выходили за грань индивидуального сближения отдельных членов с отдельными унтер-офицерами и рядовыми на почве общего недовольства

тяжестью службы и полкового быта. В эти — по меньшей мере скромные — формы пропаганды не было внесено сколь-нибудь ярких лозунгов, как те, например, которые Рылеев думал связать с легендой о «завещании» Александра; не было, стало быть, сделано чего-либо для организации широко распространенного в полках глухого недовольства и для подготовки массового революционного взрыва. Такая задача и не ставилась в общих совещаниях членов «северного общества»; мысль о ней только мелькала в рылеевских беседах в минуты под'ема революционного настроения, но не перешла ни в осознанную программу ни в действие. Тем, кого она привлекала, она была, в значительной мере, подсказана более решительными веяниями, шедшими с юга, но в Петербурге не находила, судя по всему, подходящей почвы в настроении большинства причастных к движению.

Присяга Константину прошла в войсках спокойно. Одни отмечали, что прошла она «холодно», другие, что войска присягали «охотно», так как предпочитали Константина Николаю и ожидали от нового государя введения во всей русской армии более льготных условий службы по примеру польских войск [1]). В тот же день сошлись у Рылеева Николай Бестужев и Торсон, потом подошли Батенков и Александр Бестужев. В Рылееве они видели живой центр своего тайного общества, вдохновителя его надежд и энергии. Горячие речи «поэта-гражданина» сулили силу, борьбу, успех. Теперь настал момент испытания и учета. «Где же общество?, спрашивал Николай Бестужев, где его сила? Почему события, когда «настала минута показаться», застали его врасплох? Во дворце более недели получаются бюллетени об опасной болезни царя, а заговорщики ничего об этом не знали. Рылеев и сам был «поражен нечаянностью случая». Он признал, что эти обстоятельства дают явное понятие о «нашем бессилии». Нет установленного плана, не приняты никакие меры. Число членов общества, наличных в Петербурге, невелико. Но надо действовать. Надо собрать сведения и выяснить расположение умов в городе и войске. Так, заканчивает свой рассказ Николай Бестужев, «первое начало происшествий, ознаменовавших период междуцарствия, выразилось бедным собранием пяти человек». На вечер того же дня было назначено собрание «верховной думы» у Рылеева в несколько

---

[1]) Ходили и толки о том, что Константин даст свободу крестьянам; след этих фантастических надежд на него остался и по воцарении Николая: в конце 20-х годов к Константину в Варшаву не раз являлись ходоки от крепостных из великорусских губерний с ходатайствами и жалобами на притеснения от помещиков. Константин направлял их к Бенкендорфу—в «третье отделение» «собственной» канцелярии.

расширенном составе: кроме Рылеева, Оболенского и Александра Бестужева были: Трубецкой и Николай Бестужев. Но и это собрание мало чем отличалось от первого. По рассказу Е. Оболенского (в его показаниях следственной комиссии), хотя и поздравляли друг друга с «неожиданным происшествием», но толковали все о том же: о слабости сил общества, о невозможности действовать, и разошлись, «не положив ничего решительного». Внимательный просмотр показаний и воспоминаний об этих днях создает впечатление, что эти беседы не были вполне откровенны. В настроении руководителей дозревала коренная двойственность. Выяснялись, хотя и невысказанные отчетливо, два течения в понимании переживаемого момента и два тактических устремления. Их представителями были Рылеев и Трубецкой.

Еще днем до вечернего собрания, когда ушли от Рылеева Батенков и Торсон, не считавшиеся принадлежащими к руководящему ядру, Рылеев с братьями Бестужевыми пришли в дальнейшем обсуждении «после многих намерений» к выводу, что надо усиленно повести пропаганду в войсках. Стали было писать прокламации для распространения их по казармам, но затем отказались от этой мысли, вероятно потому, что понимали, насколько мало у них уверенности, что почва достаточно подготовлена, и опасались, что появление прокламаций только усилит бдительность властей и натолкнет их на спешку с репрессиями. Остановились на мысли об устной и личной пропаганде, но решили повести ее — в виде опыта — втроем. Нет никаких указаний на то, чтобы они заботились о расширении количества таких агитаторов, а на вечернем собрании «верховной думы» явно не было о том и речи. Однако ночью Рылеев и Бестужевы пошли по городу, останавливали каждого солдата, заговаривали с каждым часовым, чтобы в беседах с ними внушить им, что солдат обманули, скрыли от них завещание покойного царя, где об'явлены: крестьянам — свобода, солдатам — облегчение службы. Впечатление от первого опыта получилось, по свидетельству Николая Бестужева, очень сильное. «Нельзя представить», пишет он, «жадности, с какой слушали нас солдаты; нельзя из'яснить быстроты, с какой разнеслись наши слова по войскам». Обход по городу на следующий день убедил их в этом успехе. Однако этим они и удовольствовались. Агитационных усилий хватило на «два дня сильного беспокойства», на «две бессонные ночи в ходьбе по городу». Расширять и углублять агитацию не думало и это более левое крыло «северного общества». Бестужев поясняет, что их целью было только «приготовить дух войска для всякого случая, могшего представиться впоследствии», так что это первое «начало действий» не имело подлинно-агитационной цели возбудить в войсках само-

чинное движение, чтобы взять затем руководство им в руки тайного общества. На третий день Рылеев заболел сильной ангиной, и его болезнь дала предлог для постоянных собраний в его квартире. Сюда стекались, здесь обсуждались слухи и сведения. И в этих совещаниях ясно выступало представление о перевороте, какой собирались осуществить, далекое от стремления вызвать революционный под'ем солдатской и народной массы. Демагогические речи Якубовича, который хоть и не считался членом общества, но признан был «своим», на тему о возбуждении бунта городской толпы, с пожарами и грабежами, чтобы использовать смуту для захвата власти и уничтожения династии, отпугивали и смущали, да и были слишком похожи на театральную риторику и словесную браваду. Преобладавшее представление о возможном перевороте отчетливо выразил Трубецкой в своей мысли, что обстоятельства были весьма благоприятны для введения нового порядка в государственном устройстве «без опасного участия народного». Войска должны были служить орудием переворота, а не играть роль самостоятельной силы, выступить в строю, с соблюдением дисциплины под командой офицеров, примкнувших к замыслам тайного общества. На такой замысел переворота манили «легкость и удобность свершения революций» путем захвата власти или грозного давления на нее военной силой, пример чего показали южно-европейские «пронунциаменто» 1820 г.; манила и память о дворцовых переворотах XVIII в., когда небольшие отряды гвардии с такой легкостью убирали с престола одних власть имущих за другими, сажая на их место новых. «Общественное устройство в России еще и до сих пор таково», рассуждал Трубецкой в воспоминаниях о декабрьских происшествиях, «что военная сила одна без содействия народа может не только располагать престолом, но изменить образ правления; достаточно заговора нескольких полковых командиров, чтобы возобновить явления, подобные тем, которые возвели на престол большую часть царствовавших в прошедшем веке особ». А с другой стороны, Трубецкой был уверен, что «по духу, овладевшему тогда гвардейским войском», не избежать волнений и можно опасаться, что «без благодетельного направления» оно «разрешится беспорядочным бунтом»: «тайное общество взяло на себя обратить его к лучшей цели».

Для достижения такой цели — выступления войск в строю и под твердым руководством — необходимо было тайному обществу располагать среди единомышленников достаточным командным составом, притом достаточно влиятельным и авторитетным в воинских частях. На первых же совещаниях решили «стараться приготовить новых членов общества, поспешить принятием тех, которые были уже в виду». Рылеев — больной

и говоривший с трудом из-за больного горла — развил и теперь наиболее энергичную деятельность по пропаганде. Он не мог выходить, но друзья призывали и приводили к нему офицеров гвардии и флота на собеседования. Привлечение новых членов разрасталось в довольно широкую пропаганду среди офицерства, и продолжалась она непрерывно до решительного момента. Среди «декабристов» оказались и такие, которые были вовлечены в дело в течение последних дней перед 14 декабря. По ходу обстоятельств, связанных с вопросом о престолонаследии, эта пропаганда приняла особый характер. На первый план выдвинулась мысль использовать заминку в переходе власти от одного представителя династии к другому, и настроение, враждебное Николаю, в котором сходилась солдатская масса со многими представителями высшего командования и правительственных кругов, не говоря уже о большинстве молодых офицеров. По мере нарастания «сомнений насчет наследства», поясняет в записках своих Николай Бестужев, «нам открывался новый случай воспользоваться новою присягою». Пропаганда заработала с удвоенным усердием, но содержанием оскудела, сосредоточившись на одной теме: «приготовляли гвардию, питали и возбуждали дух неприязни к Николаю, существовавший между солдатами».

Дело, однако, осложнялось тем, что довольно долгое время, в течение ряда дней, примерно до 10 декабря, мало кто верил в возможность окончательного отречения Константина от престола. Казалось, что после присяги на его имя он изменит решение и приедет, чтобы принять власть. Так думали не только в широких кругах петербургского общества и гвардейского офицерства. Так были настроены и в придворной среде; распространенное в ней мнение, судя по всему, передавала, например, гр. Нессельроде, когда писала брату, что, по ее впечатлению, императрица-мать и Николай восприняли—быть может, даже преувеличенно — общее настроение в пользу Константина и с перепугу готовы были сохранить за ним престол. Впечатление было ошибочно, по крайней мере по отношению к Николаю, но в Петербурге до получения сведений о том, что Константин резко отверг присягу, господствовало мнение, что он не будет настаивать на своем отречении, и ожидали со дня на день его приезда. Трубецкой особенно поддерживал это ожидание среди членов тайного общества, при чем настаивал на формальном закрытии общества при вступлении Константина на престол, с тем, чтобы, не решаясь на какое-либо несбыточное выступление, возобновить работу в прежнем направлении общественной пропаганды.

Такие настроения и речи не могли не расхолаживать революционной энергии, и без того поддерживаемой не без усилий и шедшей скорее

на убыль. Трубецкой едва ли лукавил, когда утверждал в показаниях, что был в душе уверен, что «ничего быть не может». Такое сомнение в начатом деле нарастало в нем по мере выяснения, насколько наличные условия расходятся со сложившимся у него представлением о самой технике подготовляемого переворота. Он представлял себе этот переворот результатом движения, которое пройдет под руководством авторитетных и влиятельных лиц. Поэтому он придавал особое значение связи с движением представителей высшего военного командования и высшей правительственной администрации. Массовая сила для такого движения, казалось, имеется налицо в достаточной мере. На успех «новой присяги» мало рассчитывали даже во дворце. В войсках ожидали сопротивления, и мнение об этом Милорадовича было основано на сведениях о настроении солдат и офицеров, какие он собирал во время междуцарствия. Есть указания на то, что были сделаны попытки подготовить солдат к мысли о возможности отречения Константина и неизбежности новой присяги — Николаю, но что подосланные с такими речами люди были встречены крайне враждебно. К сожалению, эти указания на попытку контр-агитации слишком глухи и не поддаются ни проверке ни выяснению, кем и как делались такие попытки. Во всяком случае, почва для движения против воцарения Николая была достаточно подготовленная и горючая. Нужны были вожди-организаторы.

В эти дни Трубецкой играет особенно видную роль в собраниях членов тайного общества. В нем видят единственно-возможного кандидата на роль предводителя, хотя и признают, что он мало знаком в гвардии, по долгому отсутствию и службе не в строю, а в штабе. Типичен мотив для военного характера заговора: Трубецкой непременно нужен, «ибо нужно имя, которое бы ободрило». Трубецкой и сам держался такого же мнения: нужны руководители с видным, влиятельным общественным положением, в чинах и у власти. Поясняя свое настроение, скептичное к расчетам на успех, он подчеркивает, что среди членов тайного общества почти все «были люди молодые, никто из них не был чином выше ротного командира». На собраниях выяснилось, какой военной силой можно располагать для революционного выступления, и оказывалось, что никто не может отвечать за целый полк, а кто за роту, кто только за свой взвод. И этот расчет основывался больше всего на уверенности офицеров в своем влиянии на ближайших подчиненных; самая «агитация» среди солдат сводилась обычно к выяснению, пойдут ли солдаты за своим ротным командиром или младшим офицером, можно ли надеяться, что они не выдадут в боевую минуту своего командира. Для руководства таким военным восстанием нужен был «для самого первого

начала» штаб-офицер, начальник высшего ранга, хотя бы полковник, если нет генерала, например, для того, чтобы назначать командиров в те воинские части, которых начальники передадутся на сторону власти.

Вращаясь вместе с большинством членов общества в кругу таких военно-полковых представлений, Трубецкой был крайне недоволен составом тайного общества, каким этот состав оказался к 1825 году. «Северное общество» сильно отличалось от того союза, в организации которого Трубецкой участвовал несколько лет тому назад. Возрожденное тайное общество убедилось при проверке, все ли прежние члены «будут равно усердно содействовать общей его цели», что многих утратило: почти всех тех, кто за это время «достигли известной степени» и заняли более или менее влиятельное положение, не без помощи, по мнению Трубецкого, тех связей, какие им дало участие в обществе. И в воспоминаниях своих Трубецкой перебирает имена ряда бывших членов «союза благоденствия», которым увлечение молодых лет не помешало сделать при Николае блестящую военную или административную карьеру. Нет основания видеть в этих позднейших суждениях только плод позднейших размышлений. Трубецкой и в 1825 году не был одинок в мнении, что для успеха переворота необходимо участие людей, достигших более или менее значительных командных высот в армии и в администрации. Об этом немало упоминаний в показаниях и воспоминаниях о тревожных днях совещаний у Рылеева и Оболенского. Так весь учет сил — и количественный и качественный — наводил на большие сомнения. Однако это не убивало надежд на успех выступления.

Расчет строился на том, что важнее всего — начать борьбу. Энергичный почин увлечет колеблющихся, увеличит силы. Настроение и военной и общественной массы сулило благоприятную обстановку для такого почина и таких расчетов. Были расчеты и на поддержку из высших правительственных и военных сфер. Члены тайного общества были уверены в содействии некоторых из высших сановников государства, которые опасались действовать явно, пока общество не показало своей силы, но были готовы пристать, как скоро увидят, что достаточная военная сила может их поддержать. И такие расчеты не были лишены основания. Как на юге Киселев, начальник штаба южной армии, вызывал у высших властей недоумение своей близостью с Пестелем и на деле предостерегал членов «южного общества», что на них обращено внимание, и даже ознакомился с отрывками «Русской Правды», так в Петербурге близость Рылеева к Мордвинову, Батенкова к Сперанскому давала основание считать их осведомленными о существовании и целях тайного

общества, которые не расходились с воззрениями этих сановников. Оппозиция сложившимся порядкам таких генералов, как Ермолов или Мих. Воронцов, критическое отношение к действиям власти в сенате и государственном совете, ряд впечатлений от этой сановной среды и ее более или менее либеральных разговоров, случайных и ни к чему, конечно, не обязывавших, питало иллюзию ее «гражданской» настроенности и готовности «примкнуть» к движению, если оно проявит достаточную силу и возьмет верх. От государственного совета ожидали большей независимости и большей оппозиции династическим «домашним сделкам». Батенков рассказывал о своей попытке подойти к Сперанскому с своего рода пропагандой, упрекая его, что в совете не раздалось голосов в «пользу закона», разумея под этим конституцию, что упустили «такой день, каковых едва ли во сто лет бывает один, и ничего не могли сделать для отечества», а Сперанский отвечал ему указанием на свое одиночество в совете, лишавшее смысла его выступление. Про Мордвинова рассказывали, что он, отправляясь в заседание совета, уверял, что будет противодействовать «избранию» Николая, предупреждал, что, быть может, не вернется, намекал близким, что ожидает действий гвардии. Завалишин записал рассказ Корниловича, что тот будто бы заговаривал со Сперанским о его кандидатуре в состав временного правительства и получил ответ: «одержите сначала верх, тогда все будут на вашей стороне». Вопрос о достоверности подобных рассказов, не поддающихся, конечно, точной проверке, пожалуй и не важен. Они все равно показательны для умоначертания и настроения членов «северного общества» в дни подготовки выступления, характерно выявляют господствовавшее в их среде представление о форме и цели переворота, которое отодвинуло на задний план более радикальные замыслы захвата власти самой «верховной думой», — как невыполнимые при данных условиях. По существу можно признать, что в этих рассказах и расчетах было немало правды. Можно сказать с уверенностью, что возьми революционное движение верх, «сановники» примкнули бы к новому правительству с тем же усердием, с каким Киселев заглаживал свой «либерализм» усердием в производстве розыска повинных в восстании, Сперанский — участием во всей организации суда над декабристами, Мордвинов, оставивший в Николае определенное впечатление «двусмысленности» своего поведения в совете, поспешностью покорной присяги, бросившейся в глаза Николаю.

Обсуждение членами тайного общества всех возможностей и препятствий и подготовка к моменту неизбежного выступления происходили в такой же «суматохе нечаянных случаев», какую метко подчеркнул

гос. секретарь Оленин в действиях правящей среды. Главную роль в этих обсуждениях играл, рядом с Рылеевым, Трубецкой. Общие совещания имели мало значения; по существу их и не было. На собраниях обычно уединялись в соседнюю комнату Рылеев, Трубецкой, Оболенский, иногда четвертым Ник. Бестужев, и к ним на деловую беседу входили по одиночке или по двое. Тут выяснялось положение, обсуждались сведения из отдельных воинских частей о силах, на какие можно рассчитывать, о действиях, какие надо предпринять. Общие беседы носили характер скорее агитационный, с целью поднять и поддержать настроение, и тут первая роль принадлежала Рылееву; Трубецкой редко на них и присутствовал, разве урывками. На него смотрели как на общего вождя. Рылеев об'явил его диктатором на момент решительного выступления. Трубецкому принадлежал и определенный план действий при этом выступлении, обдуманный и отчетливый.

Неизбежность этого выступления, несмотря на все сомнения, какие переживались руководителями «северного общества», определялась двумя условиями: уверенностью, что на юге восстание вспыхнет независимо от петербургского почина, и убеждением, что надо использовать для такого почина сопротивление войск новой присяге. На карту этой «новой присяги» все было поставлено обеими сторонами — и Николаем и тайным обществом. Для Николая в ней была проба силы, которая должна была перейти в его руки и окончательно порешить вопрос об его утверждении на престоле. Перед ее опасностями он воздержался от арестов и репрессий по отношению к раскрывшемуся заговору: боялся обострить положение и толкнуть войска на защиту; рассчетливее, казалось, выждать, пусть заговор, сведения о котором были слишком неопределенны, проявится в активных действиях, и тогда обрушиться на него подавлением и розыском и вырвать движение с корнем. Для тайного общества новая присяга была тоже пробой силы, широты и устойчивости тех элементов революционного настроения, которые чувствовались и наблюдались в солдатской и офицерской массе гвардии и петербургского гарнизона, армии и флота, и в широкой, к ним примыкавшей, общественной среде. На организованное смелым почином выявление этих настроений и был рассчитан план Трубецкого.

Исходный пункт всех действий — отказ хотя бы некоторых воинских частей от новой присяги. По сведениям, какие собрали Рылеев и Оболенский, ожидали, что не станут присягать полки — Измайловский, Финляндский, Егерский, Лейб-гренадерский, Московский и Гвардейский экипаж. Этот момент отказа надо было использовать, чтобы вывести военную силу из казарм, увлекая одни воинские части примером других:

с измайловцами итти к Московскому полку и так далее, от одного к другому. Этот первый момент выступления обсуждался, видимо, подробно; вносились варьянты: первому выступить гвардейскому морскому экипажу и итти с ним к Измайловскому полку, а затем к Московскому; на моряков больше всего надеялся Рылеев. Если бы удалось сосредоточить намеченные силы, это казалось достаточным для веского выступления. Трубецкой рассчитывал, что в таком случае не решатся силою принуждать их к повиновению, да и был уверен, что окажется невозможным двинуть одни полки против других и заставить их действовать против своих; опасался он только артиллерии, и полагал, что необходимо зайти за нею и взять ее с собой. Он рассчитывал поэтому на некоторую заминку в ходе событий, на возможность действовать с обдуманной и твердой постепенностью. Сосредоточив войска, он думал удержать их на бивуаках, под ружьем, и добиться переговоров с властями: если в первый день не вступят с ними в переговоры, то заявить свои требования — приезда цесаревича и отвода места для квартирования войск до его прибытия, и выжидать; в таком случае на другой день непременно начнутся переговоры, и все дальнейшее будет зависеть от того, приедет Константин или нет. Если приедет, придется «покориться обстоятельствам». Если не приедет — развернуть дальнейшие действия. Настроение солдат поддерживать указанием на «завещание» Александра, которым дается сокращение срока службы, а в то же время выставить основные требования конституционного порядка, намеченные Трубецким в особой записке, с тем, чтобы их выполнение было об'явлено манифестом от сената. Трубецкой был уверен, что если бы удалось завязать такие переговоры, то и другие полки стали бы присоединяться к восставшим, и многие лица поддержали бы их требования в государственных учреждениях, т.-е. ожидал выступления сторонников конституционного строя, которые увидят возможность добиться преобразования, ободренные и поддержкой военной силы и сохранением порядка, так как «восставшие войска никакого буйства не делают». Этим последним впечатлением Трубецкой особенно дорожил. Он даже предпочел бы вывести войска за город и там их расположить, «ибо тогда в городе сохранится тишина, да и самые полки можно будет лучше удержать от разброда». Все у Трубецкого сводилось к давлению на власть, которая должна будет уступить без боя. Он стремился, прежде всего, действовать «с видом законности». Поэтому полагал, что основное требование, с каким следовало выступить, это — требование созыва сенатским манифестом «общего собрания депутатов» — изо всех губерний, изо всех сословий, по одному или по два, — т.-е. учредительного собрания. Он готов был

даже ограничиться этим требованием, ничего не предрешая в смысле преобразований до учредительного собрания. И содержание сенатского манифеста он готов был ограничить созывом общего собрания депутатов для решения вопроса о престолонаследии и составления законоположения для управления государством, с провозглашением равенства в гражданских правах для всех сословий и сокращения срока солдатской службы. Особенно показательно для стремления Трубецкого избежать каких-либо «беспорядков» и под'ема массового движения—то, что он, намечая для сенатского манифеста провозглашение гражданского равенства, пояснял: «не произнося, однако, слова вольности для крестьян, чтоб тем не сделать возмущения», как он и для агитации среди солдат взял из рылеевских мотивов только один — сокращение срока службы, а отнюдь не другой — об'явление в завещании Александра крестьянской свободы.

Так, у Трубецкого ближайшая цель переворота — добиться созыва учредительного собрания. До его организационного собрания сенат назначит в том же первом манифесте временное правительство из 2—3 членов государственного совета, а затем и государственный совет и сенат прекратят свою деятельность (кроме судебных дел сенатских департаментов), потому что «всякая законодательная власть должна прекратиться до сбора депутатов». В полную противоположность Пестелю, Трубецкой полагал, что полномочия временного правительства сводятся к организации выборов и с'езда депутатов в «общее собрание», поддержанию порядка и мерам для «сохранения единства державы». Опорой этого правительства должны служить полки, которые останутся в сборе все до того же решительного срока — учредительного собрания депутатов.

Таков был личный план Трубецкого, план «нереволюционной революции», по выражению М. Н. Покровского. Этот план не был общепринятым в тайном обществе. Самое выступление войск и их действия представлялись Рылееву, Ник. Бестужеву и другим значительно иначе. В совещаниях «верховной думы» выдвинулась мысль сосредоточить войска на Сенатской площади, с целью овладеть столицей и подчинить своим требованиям высшие правительственные учреждения и прежде всего сенат. Шла речь о необходимости захватить Петропавловскую крепость. Трубецкой был против этого, полагая, что не следует разделять силы; шла речь и о захвате Кронштадта; намечался прежде всего захват дворца. Мысль—особенно у Рылеева—была направлена на решительные революционные акты, которые одни могли бы дать, будь они осуществимы, победу революционному выступлению. Неизбежно ста-

вился и вопрос, как быть с императорской фамилией. Понимание, что без захвата ее в свои руки восставшие не достигнут решительного успеха, было вовсе не чуждо разумению членов «северного общества». Возобновлялись речи о неизбежности цареубийства и истребления династии. Но в этом пункте переживались острые колебания. Рылеев, видимо, боролся в своих настроениях между последовательностью революционной мысли и нерешительностью перед крайним выводом, от которого готов был уклониться в рассуждениях о вывозе императорской семьи за границу или ее задержании до учредительного собрания. Что до ближайших действий, то плану Трубецкого противопоставлялось сознание, насколько утопична его планомерная и спокойная картина переворота. Намечался иной путь: давления на сенат, чтобы вырвать у него требуемый манифест. Сенатская площадь определенно представлялась естественным центром всего выступления и сборным пунктом для восставших войск.

А в то же время накоплялись у «верховной думы» тайного общества все более отчетливые сведения, на какие же силы может она подлинно рассчитывать. Учет этих сил было мало утешителен. Рылеев крепко рассчитывал на гвардейский морской экипаж, и в этом он не ошибся. Но опыт пропаганды в Кронштадте совсем не удался; мысль о захвате Кронштадта пришлось оставить. Из петербургского гарнизона связи были только в некоторых гвардейских частях. Рылеев и его друзья развили значительную энергию по пропаганде среди офицерского состава, но, как не раз отмечалось в их совещаниях, — среди его младших слоев, «не старше ротного командира»; поэтому особенно дорожили всяким полковником, какого удалось бы привлечь к участию в восстании, а Трубецкой мечтал о приезде из Москвы генерал-майора М. Ф. Орлова, чтобы передать ему, как лицу более известному и влиятельному, ответственную роль руководителя.

10 декабря общее положение, казалось, выясняется. Быстро распространилось известие об окончательном отказе Константина и неизбежности второй присяги. Оставалось только спешно подготовить выступление, выяснить более определенно и решительно состав тех сил, на какие можно рассчитывать. И шаг за шагом все отчетливее пришлось убеждаться в их значительной дробности. Никто из близких к подготовке воинских частей не мог ручаться за целый полк; говорили о выступлении отдельных рот с некоторой надеждой увлечь остальные, но без уверенности в успехе. К тому же ряд соучастников, которые были бы ценны, отступил в решительную минуту перед перспективой возможной, даже вероятной неудачи.

Очень хара́ктерное и наглядное представление о том, как и что переживалось за эти тревожные дни, накануне трагичной развязки, в среде гвардейского офицерства, дает рассказ барона А. Е. Розена. Вечером 10 декабря вызвал его к себе товарищ по Финляндскому полку шт.-капитан Репин. В кратких и ясных словах изложил он дело: цель восстания и удобный случай действовать (с характерным мотивом: «для отвращения гибельных междуусобий»). «Тут речи были бесполезны», замечает Розен, «надлежало иметь материальную силу, по крайней мере несколько батальонов с орудиями». И Репин надеялся заручиться с помощью Розена содействием 1-го батальона их полка. Но Розен «положительно отказался», так как сам командовал только одним стрелковым взводом этого батальона. Оба признавали, что поднять полк будет трудно: можно было положиться на готовность молодых офицеров, но отнюдь не на ротных командиров, а все движение представлялось зависящим от поведения командного состава. Поехали к Рылееву, укрепили свое настроение его «убедительными речами», его «восторженностью к великому делу». А на следующий ден, 11 декабря, у Репина собрание 16-ти молодых офицеров Финляндского полка рассуждало о событиях дня и было отчасти посвящено в тайну главного предприятия, хотя тут, кроме хозяина, не было ни одного члена тайного общества. Благоразумного Розена это поразило, и он упрекал Репина за неуместную откровенность; однако он, повидимому, даже потом, когда писал свои воспоминания, не оценил другой особенности момента, именно того, что подобное отсутствие всякой, можно сказать, конспиративности, не вызывало доносов, кроме единственного случая с Яковом Ростовцевым, да и этот сообщил Николаю о заговоре в такой форме, что не дал ему никаких сведений, пополняющих все, что тому и так было известно. Офицерская молодежь слушала с увлечением речи о восстании, но, чтобы использовать ее настроение, нужен был авторитетный руководитель, который сумел бы с их помощью увлечь солдат. Рассчитывали особенно на полковника А. Моллера, командира 2-го батальона Финляндского полка, который считался давнишним членом тайного общества. Переговоры с ним взял на себя Николай Бестужев и «нашел его в наилучшем расположении», о чем и сообщил Рылееву. Но на следующий день Моллер побывал у дяди, морского министра, А. И. Моллера, где, очевидно, осведомился по-иному о положении дел, и резко изменил тон. Он заявил Бестужеву и Торсону, что «не намерен служить орудием и игрушкою других в таком деле, где голова нетвердо держится на плечах». Ответ этот показателен, независимо от того, насколько вообще было ошибочно рассчитывать на такого Моллера. Прочно увлечь к восстанию

трудно было людей, — да к тому же с предназначением их на ответственную роль, не посвящая их в полноту замысла и без предварительной пропаганды, наспех, в один — два дня. А между тем с отказом Моллера падали надежды на Финляндский полк; уклонялись и другие из его состава. А рота Репина стояла вне Петербурга, в деревне, да и сам он потерял настоящую связь с полком, так как незадолго перед тем подал прошение об отставке и числился пока в отпуску по болезни; он прямо заявлял, что не может ручаться ни за одного солдата и что «во всем полку только Розен отвечает за себя», но и то сомнительно, чтó он сможет сделать. Подобно Моллеру, и полковой командир Семеновского полка ген. Сергей Шипов обманул все возлагаемые на него надежды. Он был из тех немногих полковых командиров, которые имели действительное влияние на свой полк, и, следовательно, мог, по выражению Трубецкого, «сделать большой перевес на ту сторону, которую примет», тем более, что с командой Семеновским полком соединял начальство над бригадой, в состав которой входил и гвардейский экипаж. Давний член тайного общества, близкий одно время с Пестелем, он не был, однако, в курсе последних шагов и замыслов петербургской «верховной думы». Трубецкой взял на себя переговоры с Шиповым и убедился, что Шипов «передался совсем на сторону Николая», и расспрашивает его отнюдь не для того, чтобы содействовать заговору. Шипов высказался решительно против злого «варвара» Константина, за Николая, которого назвал «человеком просвещенным, европейским», утверждал при этом, что может заставить своих солдат присягнуть, кому захочет, и тотчас, как узнает об окончательном отказе Константина, приведет их к присяге Николаю. Трубецкому пришлось осторожно замять весь разговор, убедившись в «большой потере», какую представляла измена Шипова делу тайного общества. А Шипов в роковые дни не только вывел семеновцев в ряды правительственных войск, но затем был назначен присутствовать при исполнении приговора над осужденными декабристами.

Не совсем понятно, почему Рылеев и Оболенский, а с их слов и Трубецкой, возлагали какие-то особые надежды на Измайловский полк. Тут не было почвы для относительной популярности Константина: еще помнили то время, когда он командовал полком и насаждал «гатчинскую» муштровку. Конечно, измайловцы хорошо знали и тягостную фронтоманию Николая, их бригадного, а затем — с марта 1825 г. — дивизионного командира; повидимому, недовольство ею и послужило поводом предполагать, что измайловцы даже первыми выступят. В офицерском составе полка было несколько членов общества, но ни одного влиятельного, а все молодежь, в младших чинах; в их среде больших и близких

связей с руководителями движения незаметно, и эти члены общества остались, когда настал решительный момент, в строю правительственных войск. Даже спешная агитация последних дней перед восстанием всего менее коснулась Измайловского полка. То же можно сказать о кавалергардах: часть членов общества находилась вне Петербурга, другие не были втянуты в организацию подготовки восстания и остались в строю— против «мятежников». Еще слабее были связи «верховной думы» в Конном полку, в котором было более 20 офицеров из остзейского дворянства, настроенного весьма монархически. На гвардейскую кавалерию рассчитывать вообще не приходилось как на подготовленную силу к выступлению.

Не лучше обстояло дело и с артиллерией. Правда, среди молодых офицеров гвардейской конной артиллерии были свои люди, а еще больше было в ее командном составе противников воцарения Николая. Это и сказалось в момент «новой присяги», так что Николай предпочел конную артиллерию не вызывать к действию в решительный день. Но настроение офицеров было бесплодно, поскольку они не рассчитывали увлечь за собою солдат. Беседа с конно-артиллеристами должна была убедить Рылеева и его друзей, что расчета на артиллерию очень мало. Зайти за ней при начале восстания и взять ее с собой, как предполагал Трубецкой, не было никакой возможности. По всему видно, что хотя речи об артиллерии бывали, но Рылеев отнесся к этому вопросу как-то странно-легко, и не только по безнадежности: он, повидимому, не представлял себе возможной картину серьезного уличного боя. Больше было надежды на то, что правительственные войска не станут стрелять по своим, что в том числе и артиллерия откажется. Ход событий показал, что такой расчет имел полное основание, оправдался в значительной мере, не достаточной, однако, для изменения рокового исхода. Вообще вопрос о вооружении войск, призываемых к восстанию, стоял крайне неудовлетворительно. У солдат на руках было крайне мало зарядов, штук по 5 обычно, и то не во всех взводах; остальные хранились в цейхгаузах, и не было ни повода ни возможности усилить их выдачу по ротам.

Только в некоторых частях гвардии были надежные и решительные сторонники, да и то нерасполагавшие крупными боевыми единицами. Некоторые полки гвардейской пехоты — Преображенский, Семеновский, Егерский, Павловский — были слабо затронуты какой-либо пропагандой и стояли вне возможного влияния руководителей «северного общества». Признание, что силы, на какие можно рассчитывать, весьма незначительны, ясно и настойчиво звучит в собраниях его членов. Сознание

это создавало ряд колебаний, приводило к уклонению из среды тайного общества многих, кто готов был «примкнуть» только при более или менее надежной гарантии успеха.

Но в этих обсуждениях звучали и другие ноты. Чрезмерно рассудительным возражали, что «нельзя же делать репетиции», что восстание невозможно, если ставить его начало в зависимость от точного учета сил и заранее обдуманной их распланировки. «Надобно нанести первый удар», говорил Рылеев, «а там замешательство даст новый случай к действию». Расчет был на увлечение колеблющихся порывом выступления хотя бы небольшого ядра. «Тактика революции», твердил Рылеев, «заключается в одном слове — дерзай!». Выступление казалось не только необходимым при обстоятельствах, которые не повторятся, но и неизбежным. Было ясно, что правительство предупреждено о заговоре. Если бы в этом отношении оставались какие-либо сомнения, то инцидент с Яковом Ростовцевым окончательно их рассеял.

Взволнованные толки в офицерской среде неизбежно привлекали внимание людей, непосредственно не втянутых в заговор. Один из приятелей, хоть и не близких, Оболенского, его сотоварищ по ад'ютантству при ген. Бистроме — подпоручик Егерского полка Ростовцев — стал присматриваться к его поведению и заговаривал с ним, плохо веря смущенным отрицаниям Оболенского. 12 декабря Ростовцев попал к Оболенскому на собрание офицеров и убедился в реальности своих подозрений. В тот же день он представил Николаю письмо, предостерегающее о грозящей опасности, а копию снес Оболенскому. Николай знал больше, чем сообщил и мог сообщить ему Ростовцев, но для членов тайного общества этот инцидент служил подтверждением, что их движение — не тайна для противной стороны. Ростовцев убеждал Николая или не принимать престола, или дождаться приезда Константина в Петербург. Николай решил иначе, убедившись, что Константин не приедет: провести новую присягу и подавить враждебное себе движение, если оно проявится в этот момент активно, а нет — то расправиться с заговорщиками, утвердивши за собою власть. Его нерешительность в принятии мер против заговора до присяги войск была понятна Рылееву: пока Николай не уверен, чем дело кончится, он не может решиться на арест людей, которые «хотели остаться верными первой присяге», пояснял он Николаю Бестужеву: «Николай боится сделать это». Опорная точка заговора — верность войск присяге Константину и их нежелание присягать Николаю. И это настроение надо использовать. Колебания и возражения против присяги неизбежны: «должно поднимать войска, на которые есть надежда, и как бы ни были малы силы, с которыми выйдут на площадь,

итти с ними во дворец». Таково было последнее представление Рылеева о плане действий. Он сильно рассчитывал на захват дворца. Если и не удастся захватить императорскую фамилию, если Николай и вся семья уедут, то и это вызовет такое замешательство, убеждал он самого себя и других, что партия Николая останется без главы, а вся гвардия присоединится к восставшим, и самые нерешительные должны будут примкнуть к ним.

В момент дерзания основное — решимость. Под'ем воли к действию должен подавить колебания сознательного подсчета возможностей и затруднений. Такого момента Рылеев не пережил, хотя отчетливо сознавал его значение и силу. Революционер-романтик ослаблял в нем революционную волю к победе. В его речах, переданных близкими к нему в те дни, громко звучали иные настроения: «Предвижу, что не будет успеха», твердил он, «но потрясение необходимо», необходимо «пробудить Россию», и «мы своей неудачей научим других». И таким предавался он размышлениям: «Может быть, мечты наши сбудутся, но нет, вернее, гораздо вернее, что мы погибнем».

Трибун, оратор и поэт революции, Рылеев сознавал, что не годится в вожди боевого действия. Он искал других для этой роли. Держался за «диктатора» Трубецкого, но, видно, усомнился накануне выступления в его руководстве активной борьбой и провел решение, что начальство над войсками, которые сойдутся на Сенатской площади, примет полковник Булатов. Предлогом для Рылеева служило то соображение, что Трубецкого гвардия почти не знает, а Булатов пользуется большой популярностью не только в Гренадерском полку, где раньше служил, но вообще в гвардейской среде. Правда, Булатов расстался по службе с гвардией еще в 1823 году, когда принял команду над одним из армейских полков, но его помнили и любили. Выбор не был удачен. Булатов, прибывший в Петербург 1 декабря 1825 г. с места своей службы в Пензенской губернии, был человек, сломленный жизнью и с зачатками психоза. На нем крайне тяжело отразилась смерть жены. Брат, разбиравший его бумаги после его ареста, сообщает, что Булатов после этой домашней катастрофы «с какою-то лихорадочной деятельностью предался делу тайного общества». В Петербурге вокруг Булатова сплотилась группа прежних сослуживцев-гренадеров, за него ухватились Рылеев и Николай Бестужев: казалось естественным его выдвинуть на роль командира восставших войск. Но надломленные личные силы не выдержали. Булатов еле мелькнул на площади, ушел, сам на другой день сдался под арест, а 18 января, после ряда допросов, которые он выдержал в полном молчании, оказался в каземате мертвым с надтреснутым черепом. Так

близился решительный день, без ясного плана действий, в колебаниях по организации общего руководства. Рылеев не только о Булатове думал. Подходящим казался ему и Якубович: «храбрый кавказец» увлекал его позой «героя» и решительностью речей. Не привлекала ли его и к Булатову его личная драма проигранной личной жизни? Личный «подвиг обреченного» казался Рылееву основным мотивом революционного действа. Характерно для Рылеева — души заговора — это соединение ясного понимания условий организованного выступления с перебоями мотивов революционной романтики. Как бы то ни было, выступление было делом решенным 13 декабря. Предстояло «нанесть первый удар», вызвать «замешательство», а затем не упускать «новых случаев к действию».

V.

ДЕНЬ 14 ДЕКАБРЯ.

Настал день испытания — день новой присяги. Чуя назревшую бурю и неуверенный, как она проявится, с какой степенью широты и силы, Николай спешил с проведением этой присяги. Государственный совет, высший орган правительственной власти, принес ее тотчас по затянувшемся за полночь заседании с 13-го на 14-е. И тотчас приняты меры к ее осуществлению в ранние утренние часы наступившего рокового дня. На стороне Николая был выигрыш времени. Тайное общество могло действовать, только опираясь на выявившееся сопротивление воинских частей новой присяге или их колебание принять ее.

А между тем эти первые моменты, на заре 14 декабря, имели свое определяющее значение для дальнейшего хода событий. Рассчитывали увлечь часть войск к активному выступлению, назначили сборным пунктом Петровскую площадь перед сенатом, думая остановить его присягу и вырвать у него желательный и намеченный манифест, захватить Зимний дворец. Но эти опорные пункты оказались закрепленными за правительством Николая до появления мятежных войск. Присяга сената была выполнена к 7 часам утра, когда войска находились еще по казармам, и собрание сената было уже распущено, когда роты Московского полка пришли на площадь. Судьба дворца зависела в значительной мере от настроения Преображенского полка. Оно не было спокойным. Заминка вышла еще 27 ноября, при первой присяге Константину. Гренадерский взвод той Преображенской «роты его величества», которая искони считалась ближайшей охраной государя, занимал тогда внутренний караул во дворце и не хотел верить нежданной вести о смерти Александра, к присяге не шел, не слушал ни дворцового коменданта ни дежурного генерала и возражал им через выступившего из строя правофлангового «головного». Только выход Николая к караулу и его заявление, что сам он уже присягнул, исчерпали инцидент. Теперь вопрос был более острый, и 1-й батальон Преображенского полка, по

соседству его казарм с Зимним дворцом, мог получить решающее значение [1]). Полковой командир г.-м. Исленьев принял в ночь с 13-го на 14-е меры, чтобы привлечь полк на сторону Николая. Между солдатами была поделена большая сумма денег из так называемых полковых артельных сумм, им не щадили обещаний, и провели присягу благополучно. У «верховной думы» и не было расчетов на этот полк; при обсуждении возможности захватить дворец предвидели его защиту 1-м батальоном преображенцев, который всегда легко было бы ввести в Зимний дворец из примыкающих к нему казарм.

Внутренний караул в эту ночь занимали, как всегда, кавалергарды и конногвардейцы и при них корнет Одоевский, «самый сильный заговорщик», по отзыву имп. Николая: ему пришлось выполнить присягу вместе с караулом. А поутру пехотные караулы в Зимнем дворце были заняты 2-м батальоном Финляндского полка, которым командовал полк. А. Моллер; 6 егерская рота финляндцев вступила в главную дворцовую гауптвахту; позже охрана Зимнего дворца была усилена гвардейским саперным батальоном, который занял внутренний двор.

А пока, в те же ранние часы, шла упорная борьба за новую присягу в войсках гвардейского корпуса. Еще на рассвете, к 5 час. утра, были собраны во дворец все генералы и полковые командиры гвардии. Николай лично выяснил им дело об отречении Константина, прочел им манифест Александра (который он в своих записках характерно называет «духовной») и «акт отречения» — письмо Константина, — а затем, получив от

---

[1]) По рассказу, внесенному Корфом в книгу «Восшествие на престол имп. Николая I», 13-го вечером во 2-ю роту 1-го батальона Преображенского полка пришел «незнакомый офицер в ад'ютантском мундире» и уговаривал преображенцев показать всей гвардии пример отказа от клятвопреступной присяги. Фельдфебель пытался его удалить, а потом задержал его и вызвал офицера, дежурного по батальону; но этот оказался товарищем пришедшего агитатора — по Пажескому корпусу,—поверил его об'яснениям и жалобам на грубость солдат и отпустил его с извинениями; однако в ту же ночь он был разыскан и арестован. Это был Александр Владимирович Чевкин, конный егерь, брат государственного деятеля николаевских времен Константина Чевкина, с которым его и путают, напр. Розен в своих «Записках» и др. А. Чевкин не был привлечен к следственному делу о декабристах и — характерно — не назван по имени в книге Корфа: Николай из'ял его из числа «декабристов». Под утро 1-й батальон присягнул Николаю без возражений, выслушав манифест Александра и отречение — письмо Константина — в чтении бригадного командира Шеншина, как и 2-й батальон — в своих казармах (близ Таврического сада); 3-й батальон преображенцев стоял под Царским Селом и присягал позднее. Раз'яснила эпизод об А. В. Чевкине заметка в «Русской Старине», 1877 г., кн. 6-я, стр. 330, за подписью Б — ий.

каждого «верноподданнические» уверения, приказал им привести к присяге воинские части. Выйдя из дворца, все эти командиры отдельных частей гвардии пошли к присяге в главный штаб, где и присягали в круглой библиотечной зале [1]).

В девятом часу утра, наконец, прискакал столь ожидаемый Михаил Павлович и часам к 9 явился во дворец. Николай и императрица-мать встретили его из'явлениями радости, что все идет благополучно, присяга налажена, нет никаких беспорядков; но получили ответ: «день еще не кончился; подождем окончания дня»...

Первое известие о благополучной присяге привез г.-ад. А. Ф. Орлов, командовавший конной гвардией. Затем вернулись шефские знамена, высланные из дворца к церемонии присяги в Семеновский полк; и тут все прошло без затруднений. Но затем явился Сухозанет, командовавший гвардейской артиллерией, с докладом, что в гвардейской конной артиллерии — волнение, вызванное группой офицеров, которые выступили с сомнениями в правильности новой присяги и с требованием, чтобы добровольное отречение Константина было лично удостоверено Михаилом Павловичем: его считали удаленным из Петербурга из-за несогласия на воцарение Николая. А вслед за Сухозанетом приехал во дворец начальник штаба гвардейского корпуса Нейдгардт и сообщил о восстании в Московском полку.

Успех «новой присяги» зависел в значительной мере от спешности и в то же время осторожного и умелого приступа к делу. Почва для недоумений и колебаний имелась во всех полках, так как не только солдатская масса, но большинство офицеров в точности не знали, в чем же дело. Вопреки твердо проводимому дисциплинарному принципу безусловного повиновения приходилось начинать с отчетливого сообщения об основаниях новой присяги и о событиях, приведших к отречению Константина, к переходу наследия на Николая. Так, к конной гвардии, собранной к 6 ч. утра в большом манеже конногвардейских казарм, явился командовавший ею г.-ад. А. Орлов и прочел, еще при свечах, все документы, касавшиеся перемены в престолонаследии. Вслед за тем присяга прошла в этом полку без всяких приключений. Но, например, у кавалергардов едва не произошла серьезная заминка, благодаря особенно поведению начальника 1-й кирасирской дивизии А. Бенкендорфа. Командир

[1]) К 11 часам всем офицерам гвардии велено было с'ехаться в Зимний дворец на представление новому императору и на молебен. С'езду такому не пришлось состояться, но это распоряжение вызвало отсутствие многих офицеров из полков после присяги, что сильно спутало их мобилизацию и вообще имело влияние на ход событий дня.

полка С. Апраксин, раньше чем обратиться к полку, собрал к себе на квартиру всех дивизионных и эскадронных командиров, познакомил их с манифестом Александра и приложениями к нему и затем, собрав полк в манеже, поручил им выяснить обстоятельства дела офицерам и нижним чинам. Получилась рискованная, с точки зрения начальства, пауза для устной беседы, вопросов, раз'яснений. Это обеспокоило явившегося в манеж Бенкендорфа и он сделал попытку прекратить разговоры окриком: «Присягать без рассуждений!», чем вызвал только раздражение и ропот. Пришлось Апраксину напомнить начальнику дивизии, что за полк отвечает не он, а полковой командир, и просить генерала покинуть манеж. Бенкендорф уехал, а полковой командир, сняв каску и подняв правую руку, громко и торжественно поклялся перед полком, что отречение Константина добровольное, а переход наследия к Николаю установлен имп. Александром; затем дал полку время успокоиться и приступил к присяге. Прием удался: кавалергарды приняли присягу, законченную к 10 ч. утра. Не удалось использовать момент колебания ни изнутри ни извне. Один из эскадронов командиров — Грюнвальд — считал, что до 14 офицеров в кавалергардском полку были посвящены в заговор и замысел переворота, но они не смогли или не сумели помешать осуществлению новой присяги. Он же рассказал позднее, что получил часа через полтора донесение о попытке кого-то, одетого в штатское платье, вызвать волнение в среде кавалергардов, заговаривая с солдатами о напрасном нарушении прежней присяги; но было уже поздно.

Присяга артиллеристов особенно тревожила Николая. Он не считал их надежными. Но в пешей гвардейской артиллерии дело прошло гладко; в ее первой бригаде Сухозанет сам провел информацию и всю церемонию по-военному, как в строю. Но в конной, вокруг прикомандированного к ней И. Коновницына, образовалась группа офицеров, потребовавшая личного свидетельства Михаила Павловича, в уверенности, что его нет в столице; к этому требованию примкнули все офицеры, отказываясь присягать. Сухозанет [1]) поспешил в казармы гвардейской конной артиллерии. Его появление и отклик солдат на провозглашенное им «ура»

[1]) Хвастливый рассказ Сухозанета («Русская Старина», т. VII, 1873 г.) устраняет значение свидетельства вел. кн. Михаила перед полком и расходится с показаниями Михаила Павловича («Минувшие годы», 1908, окт.) и имп. Николая («Былое», 1907, окт.), по которым и должен быть выправлен. Сообщение М. Бестужева, что в пешей гвардейской артиллерии офицеры, пытавшиеся возражать против новой присяги, были арестованы, повидимому еще до приезда Сухозанета («Воспоминания братьев Бестужевых», стр. 114), весьма сомнительно.

имп. Николаю смутили оппозицию. Командир конной артиллерии полк. Гербель, кап. Пистолькорс и шт.-кап. Г. Кушелев деятельно помогли «привести к повиновению людей в эту трудную, решительную минуту», рассказывает сам Сухозанет, а «прочие офицеры этой части неизвестно куда скрылись». Сухозанет поспешил поставить караулы у входов и выходов с приказом никого не пропускать без доклада; все возвращавшиеся офицеры арестовывались у входа. Повидимому, этот их выход из манежа, чтобы обсудить, как дальше поступать, и поставил их в невыгодное положение: они снова появились перед полком, как подчеркивает Сухозанет, «уже наказанными», без оружия, отобранного при аресте. Сухозанет «восстановил нарушенный порядок», но не решился, однако, приступить к присяге, а поспешил во дворец с докладом. Николай распорядился не обострять инцидента, раз он не грозит продолжением, и возвратить офицерам их сабли [1]). По рассказу самого Сухозанета видно, что Николай не был доволен его действиями и даже бросил ему угрожающие слова: «отвечаешь мне за все головой». Присяга все еще не была выполнена. А в этот промежуток времени заезжал в казармы конной артиллерии Оболенский, пытался войти, но, получив ответ, что без доклада Сухозанету не пустят, «ускакал стремглав». Из дворца Сухозанет вернулся, чтобы руководить церемонией присяги, а вслед за ним — Михаил Павлович, который обратился с речью к «неповинующимся» и «как свидетельством своим в том, что сам видел цесаревича, так и ручательством, что он добровольно и по собственному желанию отрекся от престола в пользу Николая Павловича, успел привести их к покорности». Выдвинутый И. Коновницыным аргумент отпал; офицеры и колебавшиеся под их влиянием солдаты приведены к присяге в присутствии великого князя.

Присяга не была еще закончена, когда один из его ад'ютантов привез ему известие о бунте в Московском полку. Михаил поехал было в Зимний дворец, но на дороге его встретил посланный оттуда со сведениями о происшествиях в этом полку, которые и там потребовали его присутствия. Он и поспешил в противоположный конец города, к Семеновскому мосту, в казармы Московского полка.

---

[1]) Приказ Николая не был исполнен: офицеры остались под арестом, как сообщает Г. И. Вилламов (секретарь имп. Марии Федоровны), отец одного из арестованных, в своем дневнике («Русская Старина», 1899 г., февраль). По рассказу Мих. Бестужева, офицеры гвардейской конной артиллерии (двое), ушедшие из-под ареста, явились на площадь, но встреченные вопросом: «Что нам в вас без пушек?» ушли обратно и «были арестованы покрепче» («Воспоминания братьев Бестужевых», стр. 114).

Рылеев напрасно увлекся «храбрым кавказцем» Якубовичем. Именно этому кавказцу было поручено поднять артиллеристов и Измайловский полк, а с ними итти к Московскому полку, чтобы и его увлечь на Сенатскую площадь. Якубович, как и предвидел Михаил Бестужев, не сделал никакой попытки выполнить задание, а выжидал, куда повернет настроение солдат, и в решительный момент отказался от «несбыточного» предприятия [1]. Надежда на артиллерию отпала, как рассеивались и расчеты на другие полки. Активный почин выпал на долю Московского полка, на Бестужевых со Щепиным-Ростовским.

Михаил Бестужев и Д. А. Щепин-Ростовский — ротные командиры в Московском полку. Последний не был членом общества, даже не знал о его существовании. Мих. Бестужев привлек его к совещанию у Рылеева только накануне, 13-го, когда вся агитация ставилась на вопросе о «новой присяге». Горячий до самозабвения, настроенный Бестужевым, Щепин почуял «неодолимую силу, влекущую его в водоворот», и рвался к восстанию во имя «любви к родине», без ясного сознания его задач и цели, но рвался так безудержно, что Бестужев даже стал опасаться, не напустил ли он «чересчур много пару в эту машину». Часть Московского полка занимала в ночь с 13-го на 14-е городские караулы, и у Нарвской заставы стоял в карауле подп. Кушелев, а с ним один из ад'ютантов Николая В. А. Перовский, поджидавший тут приезда вел. кн. Михаила. К Кушелеву ночью приходили Мих. Бестужев, как дежурный по караулам, с кн. Кудашевым, уговаривать его не присягать Николаю: надо полагать, что их мыслью было склонить на свою сторону начальника караула, с его помощью не пропустить в город Михаила или его арестовать, так как приезд этого представителя Константина грозил, как было им ясно, сорвать их агитацию в войсках; повидимому, они говорили и с солдатами караула. Но Кушелев был уже под влиянием об'яснений Перовского по делу о новой присяге, не поддался их внушениям и удержал свою команду.

Вся надежда оставалась на сопротивление новой присяге в полку. При чем организовывать ее приходилось двум ротным командирам. Был и третий в Московском полку, привлеченный к заговору, командовавший ротой, кап. Корнилов, но на него не пришлось рассчитывать. Когда на рассвете весь командный состав Московского полка был вызван к полковому командиру ген. Фредериксу, и тот прочел манифест Александра

---

[1] По словам Александра Бестужева (в «Воспоминаниях» Михаила Бестужева), Рылеев в последний момент «крепко сомневался в хвастливых выходках Якубовича» и даже сам обещал поехать к артиллеристам, измайловцам, семеновцам и егерям и вывести их на площадь.

и отречение Константина, Корнилов был сильно смущен и заявил Мих. Бестужеву, что не может участвовать в «беззаконном предприятии», однако обещал не мешать солдатам своей роты итти на площадь, если они будут увлечены примером роты Бестужева. Такой своеобразный «нейтралитет» офицеров, не примкнувших к восстанию, хотя и посвященных в замысел, очень показателен для настроения гвардии, и обещание Корнилова не единственный тому пример. Мысль Рылеева, что надо нанести первый удар, и что малейший успех поведет к усилению восставших колеблющимися и к дезорганизации правительственной партии, должна была представляться вполне реальной; опасалась этого и другая сторона: Николай не был уверен в своих силах до самого конца разыгравшейся драмы.

Фредерикс представил об'яснение с солдатами ротным командирам еще в большей степени, чем Апраксин. Полк не был сразу собран в одно место, командир к нему не обращался, а ротные беседовали со своими командами по казармам и потом выводили их на главный двор, куда был вынесен аналой для присяги. Михаил Бестужев успел от полкового командира зайти к себе на квартиру, где его ожидал брат Александр, ад'ютант герцога Виртембергского [1]). В сопровождении брата Михаила, Щепина и еще двух офицеров Московского полка, Волкова и Броке, сторонников выступления, Александр Бестужев вышел к солдатам, сперва бестужевской роты, затем и других, и говорил им о том, что Константин насильственно задержан по дороге в Петербург, находится под арестом и даже «в оковах», как и брат его Михаил Павлович, и убеждал их хранить верность первой присяге. А. Бестужев утверждал в показаниях своих, что не называл себя ад'ютантом Константина, а только говорил, что служил под его начальством, но его ад'ютантская форма говорила солдатам за него. Впечатление было сильное: «Не хотим Николая! — кричали солдаты. — Ура, Константин!».

---

[1]) Брат императрицы Марии Федоровны, на русской службе с 1800 года, Александр Виртембергский в 1825 году был главноуправляющим путями сообщения (с 1822 года); его поведение в день 14 декабря вызвало большое недовольство Николая, который в одной из своих заметок о пережитом в этот день записал: «Дядя, герцог Александр Виртембергский, с сыновьями все время сидел в бывшей голубой гостиной матушки и не дозволял сыновьям явиться, куда долг их требовал, — зачем, не догадываюсь»...; а его племянник, принц Евгений, рассказывал, что дядя Александр и Канкрин спрашивали его в дни междуцарствия, как бы он отнесся к восшествию на престол имп. Марии Федоровны? Повидимому, императрица-мать опять вспомнила мечты 1801 г. — сыграть роль Екатерины II, использовав в свою пользу дворцовую смуту...

Михаил Бестужев роздал роте боевые патроны и вывел ее на главный двор, разослав «своих надежных агентов» в другие роты, чтобы также брали с собой боевые патроны и выходили с барабанным боем. Во дворе Щепин выстроил свою роту позади бестужевской; за этими двумя ротами столпились солдаты, выбегавшие из своих рот, и некому было построить эту толпу в порядок, хотя бы и одной густой колонной. Да и некогда было; Бестужев понимал, что нельзя терять времени, что необходимо спешно выступать и вести войска на площадь. Бестужев вывел свою роту из казарм к Фонтанке и шел с нею на мост. У ворот, где находилась так называемая учебная зала, куда были принесены полковые знамена, к роте примкнуло знамя батальона, а второе батальонное знамя знаменщики понесли в глубь двора к остальным ротам. Знамена были в руках восставших, но так как в то же время при аналое начали строиться солдаты, не примкнувшие к выступлению, то толпа восставших поняла движение второго знамени так, что несут его к аналою, к присяге, и бросилась отнимать. Произошла свалка по недоразумению между двумя группами восставших. Щепин вышел из себя и стал рубить и своих и чужих, но унтер-офицер его роты побежал за Бестужевым, и тот повернул свою роту, сомкнул ее ряды и ввел ее в толпу вплоть до спорного знамени, чем и прекратил свалку. Но древко второго знамени было сломано; пришлось его бросить. Наконец Щепин увлек вслед за ротой Бестужева солдат своей роты и значительную толпу других к выступлению на мост и в Гороховую улицу нестройной массой, затопившей улицу во всю ширину; встречных военных они силой увлекали с собой.

В итоге выступила значительная часть Московского полка, человек до 700, со знаменем и боевыми патронами, в небольшом, правда, количестве, сколько было на руках по ротам. Оставшиеся в казарменном дворе и не пытались противодействовать; не видно по дошедшим до нас свидетельствам никакой активности и со стороны офицеров, к восстанию не примкнувших. Только трое сделали попытку противостать поднявшейся буре. У выхода из казарм восставших встретил полковой командир, ген. Фредерикс, бригадный — ген. Шеншин и полк. Хвощинский. Подле Фредерикса появился Александр Бестужев, уговаривавший его удалиться; на упорство генерала А. Бестужев пригрозил ему пистолетом. Фредерикс отпрянул и наткнулся на Щепина, который нанес командиру сабельный удар, сваливший того с ног. Шеншин пытался уговорить и остановить восставших и также упал, раненый ударом Щепина. Хвощинский под сводом выхода с поднятыми руками загородил путь, крича солдатам, чтобы вернулись во двор, но побежал от бросившегося к нему с саблей Щепина и отделался только ударом

плашмя по спине и легким ранением, а своим перепугом вызвал громкий хохот солдат.

Так выступил Московский полк. Оставшаяся в казармах часть полка, потрясенная всем происшедшим, растерянная, в недоумении, упорно продолжала уклоняться от новой присяги. Выслушав доклад Нейдгардта о происшествиях в Московском полку, Николай распорядился вызвать для водворения порядка в той части этого полка, которая осталась в казармах, соседний с ними Семеновский полк, а конную гвардию держать наготове, но пока не выступать; к Зимнему дворцу вызвал 1-й батальон Преображенского полка, а ад'ютанта своего Кавелина послал в Аничков дворец («Аничкин дом»), чтобы перевезти оттуда в Зимний своих детей; их и перевезли с большой осторожностью, сперва дочерей, а затем сына — Александра Николаевича, не в придворной, а в наемной извозчичьей карете.

Оставшуюся часть Московского полка не пришлось приводить к повиновению силой. Действительнее, чем напускать на нее семеновцев, оказалось другое средство: направить к московцам Михаила Павловича. К тому же он был шефом этого полка и начальником 1-й гвардейской пехотной дивизии, в состав которой входил Московский полк. Самое появление Михаила во дворе московских казарм произвело впечатление: его считали арестованным. Михаил раз'яснил им, что они введены в заблуждение, выяснил, как прежде в конной артиллерии, дело с отречением Константина и, воспользовавшись тем, что сам еще не присягал новому императору (как не присягал и Константину), принес эту присягу вместе с офицерами и солдатами Московского полка, при чем офицерам поручил ходить по рядам, повторяя слова присяги, и следить, чтобы солдаты не отмалчивались, а подлинно присягали вслух. Покончив с церемонией присяги, Михаил Павлович повел остатки Московского полка в строю, четырмя ротами, весьма неполными (около 640 человек), так как много людей ушло с Бестужевым, вслед за восставшими и против них, тем же путем — по Гороховой улице к Сенатской площади.

Происшествия в Московском полку дали прямую завязку всей драме 14 декабря. Восставшие роты вышли на Сенатскую (Петровскую) площадь. Шел уже десятый час утра. Собрание сената было закончено и распущено. И площадь они нашли совершенно пустой. На сборный пункт еще никто не явился. Но некому было и помешать занятию площади мятежной силой. Зато некому было направить какие-либо дальнейшие ее действия. Александр Бестужев расстался накануне вечером с Рылеевым на том, что кто первый придет на площадь — Михаил ли Бестужев — с московцами, или Арбузов — с гвардейским экипажем, или

Сутгоф — с гренадерами, тот тотчас пойдет на дворец. Но Александр Бестужев не сразу пошел с братом на площадь; он поспешил из московских казарм выяснять положение в других частях. А на площади ни «диктатора» Трубецкого ни его боевого помощника Булатова не было. Правда, с московцами на площадь пришел Якубович. Он дождался в своей квартире на Гороховой прохода Московского полка, встретил восставших с саблею на-голо, на острие которой поднял свою шляпу с белым султаном, и пошел впереди с криком: «Ура, Константин!». Михаил Бестужев предложил ему принять начальство «по праву храброго кавказца», но вид пустой площади сразу охладил Якубовича, и он, побыв недолго, ушел от московцев в сторонку. Бестужеву со Щепиным ничего не оставалось, как выжидать. Они поспешили «рассчитать» свою толпу по «нумерам» и построить в карре. Рота Бестужева, усиленная рядовыми из других рот, заняла два фаса, обращенные к сенату и к памятнику Петра I; рота Щепина, также принявшая в свой строй рядовых из чужих рот, — остальные два: к адмиралтейству и к Исаакию. Так они простояли около двух часов, в строю и в полном порядке, а никто не являлся ни против них ни им на поддержку. День был ветреный, холодный. К восставшим подошел из публики присматривавшийся к движению «молодой человек в синем сюртуке» и раздавал деньги, вручил и Бестужеву 50 руб., а тот послал унтер-офицера за вином, но против слов Корфа о «пьяных» Сутгоф правильно возражал: «пьяных солдат не было до прихода лейб-гренадер».

Построенным в карре между памятником Петру и Исаакиевским собором, сенатом и адмиралтейством московцам пришлось так долго ожидать дальнейшего развития событий потому, что лишь постепенно выяснялось настроение гвардейских частей и действительное соотношение сил с обеих сторон. Медлил Николай с мерами подавления мятежа, постепенно подбирая воинские части, на которые мог бы рассчитывать, чтобы окружить восставших. Медлили и намеченные вожди восстания, приглядываясь к скоплению сил; предполагалось, что, когда войска соберутся на площади, начальство над ними примет Трубецкой, а помощниками ему будут Булатов и Якубович. Все трое были наготове и выжидали благоприятного момента. Вопреки обычному рассказу о Трубецком, что он просто не явился на площадь, надо учесть показание Николая, что он видел полковника Трубецкого около здания главного штаба. Трубецкой, очевидно, наблюдал передвижение и расположение войск, ожидая наступления восставших с Сенатской площади на Зимний дворец, и ушел, когда убедился, что положение приходится признать безнадежным для выполнения намеченного плана восстания; от прине-

сения присяги Николаю он воздержался, но у него нехватало революционного порыва стать во главе войск, пока они не соберутся в достаточной силе, и открыто стать в ряды восставших, чтобы разделить судьбу героев 14 декабря, не ожидая обеспеченного успеха. Ту же смену настроений видели мы у Якубовича: готовый сыграть роль во главе мощных сил, он уклонился от «несбыточного» предприятия, когда увидел их недостаточность [1]). Булатова не видели на площади. Он согласился принять команду над близким себе по прежней службе лейб-гренадерским полком, если полк этот выступит. Накануне у Булатова было совещание с Николаем Бестужевым, Щепиным-Ростовским и лейб-гренадерами Сутгофом, Пановым и Кожевниковым. 14-го утром он в 8 ч. ушел из дому; вернулся совсем подавленный после 4-х часов; и он, не связанный непосредственно ни с какой воинской частью, побывал на площади и бродил вокруг нее, наблюдая, что происходит, а кончил тем, что остался в стороне, не видя сосредоточения тех значительных сил, на какие думали рассчитывать. Всем поведением Булатова, как и Трубецкого, руководило отнюдь не малодушие, а сознание безнадежности стратегического расчета, каким они, военные люди, чуждые подлинному революционному порыву, измеряли шансы успеха восстания. Булатов сам описал свои колебания и скитания в письме из каземата к вел. кн. Михаилу Павловичу; он передает тут, что предупреждал Рылеева и Оболенского: «если войска будет мало, я себя марать не стану и не выеду к вам» и свой уговор, в том же смысле, с Якубовичем, чем подтверждал, что сообщение «донесения следственной комиссии», взятое явно из его же показаний, о том, как они толковали между собой, что не примкнут к восстанию, если окажутся «средства несоразмерными замыслам».

---

[1]) И дальнейшее поведение Якубовича весьма двусмысленно. На площади он подошел к Николаю с заявлением, что был с восставшими, но, увидав их неустройство и безначалие и то, что они за Константина, явился к Николаю; Николай благодарил его, пожал ему руку и послал его об'явить восставшим прощение, если положат оружие. Якубович пошел, а с ним флигель-ад'ютант Дурново. «Мы изумились, когда он явился парламентером», упоминает Александр Бестужев в своих показаниях, но что говорил Якубович, установить трудно. Дурново передавал Комаровскому («Записки гр. Е. Ф. Комаровской», стр. 239), что Якубович начал говорить, что «по ним» стреляли и Якубович скрылся в толпе. При Дурново Якубович мог только передавать слова Николая; повидимому, он потом передал и свои наблюдения, что видел в окружении Николая, так как про него рассказывали, что он советовал восставшим держаться, так как Николай их боится, и Николай помянул в записках своих: «После узнано было, что настоящее намерение его было под сей личиной узнавать, что среди нас делалось, и действовать по удобности».

Разочарованный в этих «средствах», Булатов пошел в главный штаб, принял присягу, а когда все было кончено, явился сдать сам себя под арест во дворец, винился в «злодеяниях», наговаривая на себя даже умысел личного «цареубийства» и покончил с собой в каземате крепости. Так и Рылеев признал бой проигранным до его начала: появился на площади при выступлении гвардейского экипажа, ушел в отчаянии от слабости сил — искать подкреплений и больше не возвращался.

Люди столь разного нрава и темперамента сошлись в понимании задуманного дела, как — скажем словами Александра Бестужева в одном из его показаний — «увлечения солдат — средства к захвачению власти и удержанию в порядке народа». Даже у Рылеева иное понимание восстания, какое он иногда высказывал, как средства «сроднить солдата с поселянином в первом действии их взаимной свободы», свелось на сантиментально-народническую мысль — нарядиться для выступления в «русский кафтан», и заглохло в об'ективных условиях движения, подавленное чуждым под'ему народной и солдатской массы классовым его характером.

При таких настроениях обеих сторон выяснялось постепенно подлинное соотношение их сил. Где еще не знали о выступлении Московского полка, новая присяга происходила почти без трений. Заминки, конечно, бывали, но оставались неиспользованными. Так, в Измайловском полку дело с новой присягой затянулось, когда в рядах раздались восклицания во имя Константина. Повидимому (подробного рассказа не имеется) это смутило командовавшего полком полк. Симанского, и он стал выяснять дело. Но, по показаниям командного состава и солдат, кричали во имя Константина только некоторые из младших офицеров, стоявшие в строю позади фронта, но поддержки не встретили. Полк принял присягу, от которой не смогли уклониться и кричавшие (и они остались невыясненными), и был распущен по ротным помещениям. Однако тревога осталась. Когда Николай стал вызывать к себе присягнувшие войска и послал за измайловцами своего ад'ютанта А. Кавелина, полк заставил себя ждать. Кавелин, неуверенный в надежности полка, обходил роты и выяснял настроение и только после того решился на вывод полка из казарм. А Николай с тревогой ждал прихода полка, которого сам был шефом, и прислал вслед за Кавелиным ген.-ад. Левашева узнать причину замедления. Полк выступил, но с большим опозданием, при чем бригадный командир сам повел с Кавелиным измайловцев, а двум унтер-офицерам, особо надежным, поручил «втайне наблюдать за навлекшими на себя подозрение офицерами, которые, впрочем, шли также во фронте».

Также с запозданием, но совсем по-иному сложилось дело в Лейб-гренадерском полку и в гвардейском морском экипаже.

Из состава Лейб-гвардии гренадерского полка две роты 1-го батальона занимали 14 декабря караулы в Петропавловской крепости, а две другие роты этого батальона и весь 2-й батальон находились в полковых казармах на Петербургской стороне; третьи батальоны всех полков были расположены за городом. Ту часть полка, что была в казармах, полковой командир Стюрлер собрал во дворе для приведения к присяге. Попытку сорвать присягу сделал только подпоручик А. Кожевников, крикнувший солдатам с галлереи офицерского флигеля об обмане и долге помнить клятву, данную Константину. Но поддержки он не встретил и был тотчас арестован. Сочувствующие были парализованы полученными сведениями о том, что все другие полки присягают. Полк присягнул Николаю, солдаты были распущены по казармам, и почти все офицеры уехали во дворец — к молебну. В это время приехал в гренадерские казармы Одоевский, который побывал на площади и послан был от Московского карре сообщить, что восставшие ждут подкреплений; по дороге Одоевский встретил И. Коновницына, как-то ушедшего из-под ареста в конной артиллерии, и они вместе явились к Суттофу, ротному командиру, ручавшемуся накануне, что он свою роту выведет во что бы то ни стало. Суттоф, полагая, что выступление не состоялось, принял присягу, но теперь, узнавши, что Московский полк давно на Сенатской площади, без дальних слов пошел в свою роту, приказал солдатам одеться и взять ружья, роздал им патроны, беспрепятственно вывел ее из казарм и повел к сенату через Неву по льду прямо от крепости. Полковой командир Стюрлер, не успевший еще выехать во дворец, узнавши об уходе роты Суттофа, пытался догнать ее и удержать, но рота слушала не его, а своего ротного командира. Тогда Стюрлер вернулся и, получив в этот момент приказ Николая приготовить полк к выступлению, распорядился выводом полка в строй перед казармами и приказал зарядить ружья. Солдат это смутило: «В кого нам стрелять? — говорили в их рядах — неужели в своих?».

Ад'ютант 2-го батальона поручик Панов использовал этот момент для горячей агитации: переходя из роты в роту, он убеждал солдат присоединиться к полкам гвардейского корпуса, восставшим во имя Константина, приход которого с его войсками, утверждал Панов, близок. Гренадеры колебались, но выходили в строй, а когда со стороны Сенатской площади послышались выстрелы, Панов увлек за собой всю эту часть полка и повел ее нестройной толпой, спешным бегом через Неву и по Миллионной к Зимнему дворцу. Зная намеченный план действий,

он шел ко дворцу, очевидно, в расчете, что дворец уже занят восставшими. Но дворец был уже занят отрядами правительственных войск: у ворот стояла рота финляндцев, а во внутреннем дворе строился только что подошедший гвардейский саперный батальон. Комендант Башуцкий, не разобрав в чем дело, скомандовал финляндцам расступиться, когда подошел Панов с гренадерами и повернул в ворота. Гренадеры вошли во двор. Тут Панов растерялся, увидав не то, чего ожидал, и после минутной заминки, повел свой отряд обратно на улицу с восклицанием: «Да это не наши! ребята, за мной!» и дальше, через Дворцовую площадь к сенату.

Так вновь подходившие к восставшим силы попадали совсем в иную обстановку, чем первоначально предполагалось: промедление времени, вызванное общими условиями их выступления, сделало невыполнимым весь замысел планомерных наступательных действий — с захватом дворца и высших правительственных учреждений. Панова соумышленники упрекали задним числом, что он упустил случай захватить крепость; но он о том и не думал, полагая, под впечатлением слышанной стрельбы, что центр действий во дворце и на Сенатской площади; так и Сутгоф миновал крепость без попытки ее захватить.

Третья крупная сила, примкнувшая к восстанию, гвардейский морской экипаж, выступила так же при звуках первой стрельбы и так же, стало быть, при вовсе иных условиях, чем было накануне намечено. В гвардейском экипаже было свое особое оппозиционное настроение, не связанное с традицией «союза благоденствия»; центральными фигурами в этом брожении политического недовольства среди моряков были лейтенанты Арбузов и Завалишин, который имел много знакомых в гвардейском экипаже, хотя не принадлежал к его составу; первый, как выразитель «крайних» мнений, поклонник французской революции и якобинской революционной энергии; второй, как человек широкого кругозора и обширных замыслов о народовластии и мировой роли России — освободительницы народов. Только в конце ноября, после присяги Константину, Арбузов связался с группой Рылеева, внушил ей уверенность в почти поголовной готовности моряков-гвардейцев содействовать целям «тайного общества» и посвятил в эти замыслы группу сослуживцев. На почве таких настроений, захвативших, в большей или меньшей степени, почти весь офицерский состав гвардейского экипажа, притом имевших особый вес потому, что тут офицеры стояли особенно близко к массе нижних чинов и могли рассчитывать на их поддержку, разыгралось дело о «новой присяге». А в этом деле было еще одно особое обстоятельство. Командиром бригады, в состав которой входил гвардейский

экипаж, был Сергей Шипов, давний член «союза благоденствия», который, хотя вполне передался в эти критические дни на сторону Николая, но все-таки чувствовал себя до известной степени связанным прежними отношениями. Он не решился и не смог бы выступить перед гвардейским экипажем, как Алексей Орлов в конной гвардии или Сухозанет в артиллерии. В гвардейском экипаже не было почвы для таких начальнических приемов: тут приходилось убеждать, а не приказывать. Присяга Николаю без манифеста от Константина, стало быть, без явного удостоверения ее законности, вызывала недоумение даже среди самых «тихих и несвободомыслящих» (по выражению мичмана А. П. Беляева); нижние чины гвардейского экипажа тяготились этой присягой и поголовно, без особой агитации и подготовки, ответили ген. Шипову, вслед за офицерами, отказом на его призыв приступить к ней. «Мы не видим отречения императора и потому считаем своим долгом сохранить присягу Константину», — заявляли Шипову, при общем сочувствии экипажа даже офицеры, не имевшие никакого представления ни о тайном обществе, ни о каком-либо заговоре, — «имея право ожидать разрешения данной ему присяги только от него самого». Шипов встретил тут единодушное сопротивление. Тогда он прибег к иному приему. Оставив батальон во дворе, вызвал всех ротных командиров в батальонную канцелярию в надежде либо их переубедить, взяв на себя, по выражению Пущина, «роль посредника перед офицерами, не желавшими присягать», либо их задержать; ротные командиры оказались как бы под арестом. Но во дворе нарастало возбуждение, и когда явился на сцену Николай Бестужев, убеждая экипаж твердо стоять на отказе от присяги, а вскоре послышались первые выстрелы с Сенатской площади, и он и лейтенант М. Кюхельбекер увлекли всю команду криком: «Ребята, наших бьют!». Гвардейский экипаж пришел в крайнее возбуждение, стал требовать к себе своих ротных командиров, и офицеры, бросившись в казармы, вывели их из батальонной канцелярии. Один только командир гвардейского экипажа, кап. I ранга Качалов, пытался остановить экипаж, устремившийся в полном составе к выступлению. Его обошли, не причинив ему никакого вреда, и двинулись к Сенатской площади.

А. П. Беляев, мичман гвардейского экипажа, правильно расценивает значение настроений и выступления своей части, указывая на то, что с раннего утра в их казармы заезжали Якубович, Рылеев, Каховский узнать, чего можно ожидать от моряков: они бросились сюда, как только узнали, что потеряна надежда на присоединение гвардейской артиллерии, и, полагает Беляев, если бы они убедились, что и на гвардей-

ский экипаж нечего рассчитывать, возможно не состоялось бы никакой попытки восстания.

Однако и так почин остался за Московским полком. Подкрепления подходили с чрезмерным опозданием. Первоначальный план, суливший развитие энергичной революционной активности, был сорван. За «первым ударом» не последовало такого бурного «замешательства», которое дало бы, как надеялся Рылеев, «новый случай к действию». За часы, протекавшие со времени выступления московцев, пока подошли на поддержку их карре лейб-гренадеры (в числе немногим более тысячи человек) и гвардейский экипаж (почти столько же, так что всего сосредоточилось на площади около 3.000 или немногим менее восставших войск), сильно менялась общая стратегическая обстановка и постепенно все более определялась не в пользу восстания. Надвигалась роковая развязка, с большими, однако, колебаниями. В длительном и томительном напряжении выяснялось не только внешнее материальное соотношение сил, но и настроение войск, полное нерешительности и колебания, сочувствия к восставшим и отвращения к пролитию братской крови, недоумения перед необычайной картиной внутреннего раздора и неясностью политического момента. Выяснялось также настроение окружившей их народной толпы, в рядах которой быстро нарастало возбуждение, проникнутое сочувствием к тем, кто поднял, наконец, оружие против ненавистной и опостылевшей правительственной власти. Историческая драма 14 декабря, фактически несложная, разыгрывалась в трагически напряженной атмосфере и непрерывном ожидании взрыва, разрешающего невыносимое положение в ту или иную сторону.

Общий ход событий этого дня сложился так, что на стороне Николая было преимущество выигрыша времени не только в первые ранние часы — для организации «новой присяги», но и в последующие — для концентрации войск, на какие он мог более или менее рассчитывать.

По первым вестям о восстании в Московском полку Николай поручил бывшему при нем ген.-майору Стрекалову вывести 1-й батальон Преображенского полка из его казарм на Миллионной к Зимнему дворцу, и приехавшему во дворец С. Апраксину привести кавалергардов, а сам пошел на дворцовую гауптвахту, вызвал караул — егерскую роту Финляндского полка, — велел зарядить ружья и вывел ее к главным дворцовым воротам. У дворца на площади толпился народ, и начался с'езд экипажей: придворные и военные чины являлись к назначенному во дворце молебну. Николаю надо было «выиграть время, дабы дать войскам собраться», и занять пока толпу: «отвлечь внимание народа чем необыкновенным». Он стал читать свой манифест по экземпляру

только что отпечатанному, который кто-то из толпы ему и подал; читал медленно, толкуя каждое слово, «но сердце замирало, признаюсь», записал он позднее. Только при этой сцене сообразили, что было, пожалуй, ошибкой думать только о войсках, а не принять мер для выяснения дела народу: манифест, разосланный по церквам, заслушан был лишь немногими (день был будничный) и очень поздно... Кончил Николай свое чтение, когда получил сообщение, что Московский полк занял Сенатскую площадь; он пошел к Преображенскому 1-му батальону [1]) и повел его через Дворцовую площадь к углу Адмиралтейского бульвара [2]); тут против здания главного штаба он остановил батальон и, узнав, что ружья не заряжены, велел зарядить. Тут ему подали лошадь; его маленькая свита (2 генерала — Кутузов и Стрекалов, флигель-ад'ютант Дурново и 2 ад'ютанта — Перовский и Адлерберг) шла пешком.

В том и была особенность положения Николая в этот решительный момент, что он оказался — пока — весьма одиноким. Ему не на кого было положиться в защите власти, готовой ускользнуть из его рук, еще не взятой твердо. Если у восставших не оказалось авторитетного и деятельного вождя, то не было такого и у правительственной стороны, поскольку Николай не сумел бы на себя взять эту роль: а в нее он входил, по необходимости, неуверенно и осторожно. Борьба шла за привычную опору «силы правительства» — гвардию. Во главе гвардейского корпуса стояли — официально и формально — командир гвардейского корпуса, он же главнокомандующий польской армией и отдельным литовским корпусом—цесаревич, а для многих еще император Константин Павлович; на деле его заместитель в Петербурге командующий гвардейским корпусом генерал от кавалерии А. Л. Войнов, «человек», по отзыву Николая, «почтенный и храбрый, но ограниченных способностей и не успевший приобрести никакого весу в своем корпусе». При самом на-

---

[1]) Чрезвычайно характерен для Николая его решительный протест против пышного красноречия, каким Корф пытался разукрасить «энтузиазм» солдат при приближении государя (в первой редакции одного из дополнений для второго издания его книги): они будто бы не могли устоять в рядах и бросились к нему. Николай приписал: «Это несправедливо, каждый стоял на своем месте, и в этом и достоинство», и еще, что встретил его батальон «спокойным, гранитным взглядом глубокого чувства своего долга».

[2]) Тогда не было Александровского сада: здание адмиралтейства окаймлено было вдоль Адмиралтейской площади — проезда от Дворцовой площади к Исаакиевской и Петровской площадям, и вдоль Петровской (Сенатской площади) и Разводной (между Адмиралтейством и Зимним дворцом) площадей — довольно широким бульваром.

чале «замешательства» Николай встретил Войнова на дворцовой лестнице, совсем растерянного и расстроенного, и резко его оборвал напоминанием, что его место, как командующего корпусом, не здесь, а там, где вверенные ему войска вышли из повиновения. Злополучный Войнов поехал было на Петровскую площадь уговаривать восставших. По официальной версии, несколько выстрелов заставили его ускакать обратно; но очевидцы-декабристы сообщают, что в Войнова никто не стрелял: толпа, не солдатская, а народная, скопившаяся на площади у забора вокруг стройки Исаакиевского собора, встретила его «в поленья» (дрова были сложены за забором) и «чуть не убила его камнями».

Трагичнее кончился выезд к войскам Милорадовича. Этот генерал-губернатор Петербурга, считавший, что 60 тысяч штыков петербургского гарнизона у него «в кармане», был сильно смущен оборотом дела, в подготовке которого он бессознательно принял такое своеобразное и деятельное участие. Милорадович появился перед Николаем, когда тот вышел на Дворцовую площадь и стал говорить с толпой, сообщил ему, что Московский полк идет к сенату, но что он берется переговорить с восставшими. А на площади в это время уже выстроилось карре, и подошли к нему из руководителей всего движения Евг. Оболенский, Александр Бестужев, Каховский. Оболенский выдвинул впереди карре стрелков патрульною цепью. К этой цепи и под'ехал Милорадович. Он стал говорить с солдатами, убеждал их ссылкой на свою близость к Константину, показывал им подарок Константина, шпагу с надписью: «другу моему Милорадовичу». Солдаты слушали молча. Оболенский настаивал, чтобы он ехал прочь и оставил в покое солдат, которые «делают свою обязанность», потом взял у одного из рядовых ружье, чтобы штыком заставить лошадь генерала повернуть прочь. Милорадович пришпорил и повернул лошадь; удар штыка пришелся по седлу и ранил Милорадовича в ногу. И в то же время раздался пистолетный выстрел Каховского, поразивший Милорадовича смертельной раной. Возбуждение в карре выразилось несколькими ружейными выстрелами. Корф внес в свою книгу упоминание о пулях, полетевших в толпу. Но это весьма сомнительно. По всей видимости стреляли на воздух и холостыми патронами. Такая беспорядочная стрельба не раз поднималась на площади, и ряд свидетельств упоминает о холостых выстрелах, сопровождавших крики: «Ура, Константин!»; боевых патронов на руках у солдат было очень немного.

Звук выстрелов произвел на Николая большое впечатление. Он был уверен, что и в него будут стрелять, говорил об этом с толпой, уговаривая ее разойтись, чтобы не было лишних жертв, и сделал еще шаг

к тому, чтобы закрепить за собой благонадежность преображенцев: об'явил 1-й роте Преображенского полка, так называемой «роте его величества», что в память ее близости к Александру I дает ей его вензеля на эполеты и погоны. Затем шагом поехал, ведя батальон вдоль Адмиралтейской площади к дому кн. Лобанова, позднейшему зданию военного министерства. В этот момент подошла от Синего моста, огибая Исаакиевский собор, конная гвардия, под командой Алексея Орлова. Николаю необходимо было стянуть возможно больше войск, увериться, что сила на его стороне. Он раз за разом посылает генералов, флигель-ад'ютантов и своих великокняжеских ад'ютантов, кто к нему являлся, вызывать на место действия гвардейские части. По мере их прихода он приступил к выполнению сложившегося у него плана — окружить восставших, изолировать их и отрезать им отступление. Конной гвардии велено было итти на Сенатскую площадь и выстроиться так, чтобы возможно больше затруднить «мятежникам» сообщение с городом. Площадь была сильно стеснена: с одной стороны заборами, окружавшими место работ у Исаакиевского собора, так, что они почти доходили до угла позднейшего здания синода (тогда на этом месте был частный дом), а с другой — на углу Адмиралтейского бульвара и Невы находилось складочное место камня, выгружаемого с барок, для стройки собора: тут между складом камня и памятником Петру Великому оставалось свободным расстояние всего шагов в пятьдесят. Конная гвардия вытянулась вдоль Адмиралтейского бульвара и Сенатской площади, правым флангом упираясь в этот склад камня у памятника; рядом с нею на ее левом фланге, на углу Сенатской и Адмиралтейской площадей, Николай поставил преображенцев, а у их левого фланга, на повороте бульвара вдоль Адмиралтейской площади, против лопухинского дома — кавалергардский полк, приведенный Апраксиным. В то же время послал гренадерскую роту Преображенского полка пройти по бульвару за конной гвардией, чтобы занять Исаакиевский мост, соединявший Сенатскую площадь с Васильевским островом.

Все распоряжения о расположении войск против восставших Николай делал самолично. Он выехал к углу Сенатской площади, сопровождаемый Бенкендорфом, чтобы рассмотреть положение противника, и уверял, что его встретили выстрелами. Однако Суттоф удостоверяет в своих заметках на книгу Корфа, что никто его не видел и в него не стрелял ни в это время ни после; в это время на площади стояло только карре Московского полка, к которому примкнул и Суттоф со своей ротой лейб-гренадеров, а на площади толпилось много народу;

патрульная цепь Оболенского отодвигала толпу, и передвижения преображенцев были стеснены ею: она и закрывала Николая от восставших.

Вернувшись к дому Лобанова, Николай встретил ту «остальную малую часть Московского полка», которую привел из казарм Михаил Павлович. Встреча была азартная: «офицеры», пишет Николай, «бросились целовать ему руки и ноги», и Сутгоф подтверждает пометкой на полях книги Корфа, не упустившего внести эту сцену в свой текст, — «правда». В доказательство полного доверия к ним Николай поставил этот отряд на самом углу площади, у того пункта, где и сам оставался все остальное время этого дня. Подошли и семеновцы. Этот полк Николай послал кругом Исаакиевского собора занять проезд между собором (с окружавшими его заборами) и манежем конной гвардии: этим преграждались выходы с Сенатской площади и к Синему мосту и на Адмиралтейский канал (тогда еще не засыпанный: по линии Конногвардейского бульвара). Команду с этой стороны площади Николай поручил Михаилу Павловичу, пост которого был перед Семеновским полком.

Николай и в этот момент далеко не был уверен, что дело кончится для него благополучно. Тревожила невыясненность настроения целого ряда воинских частей; не было уверенности и в том, что настроение присягнувших и выступивших по его приказу не изменится при дальнейшем развитии событий. Николай не решался вызвать к месту действия артиллерию. Настойчивый совет г.-ад. Толя и других послать за конной артиллерией он встретил признанием, что в ней не уверен, и с трудом согласился, наконец, вызвать пешую артиллерию. Пришла артиллерийская бригада полк. Нестеровского, но с холостыми зарядами. Толь, узнав об этом, настаивал на посылке за зарядами боевыми, удивлялся такому выступлению артиллерии, но получил ответ: «не было приказано»; тем более, что снаряды боевые хранились особо, в лаборатории. Толь доложил Николаю и получил от него приказ о доставке боевых снарядов. Настроение было такое, что и в кругу генералитета, собравшегося постепенно кругом Николая, многие были против каких-либо решительных действий и высказывали надежду, что «бунтовщики» в конце концов опомнятся и к ночи разойдутся по казармам. Опасались вызвать столкновение между войсками, так как не были уверены, что войско не откажется стрелять по своим. Николай остро чувствовал вокруг себя атмосферу, весьма напряженную, и стремился во что бы то ни стало выяснить положение. Беспокоила его задержка с приходом гвардейского экипажа и Измайловского полка. К гвардейскому экипажу Николай послал флигель-ад'ютанта И. М. Бибикова, но тот встретил моряков уже выходящими с Галерной улицы на площадь, пытался пробиться к ним

через патрульную цепь и вернулся к Николаю жестоко избитым. Гвардейский экипаж прошел на площадь и построился особым карре между московцами и Исаакиевским собором, решительно примкнув к восставшим.

К Измайловскому полку Николай послал г.-ад. Левашева, чтобы, как сам пояснил, «буде есть какая-либо возможность двинуть его, хотя бы против меня, непременно его вывести из казарм». Сосредоточить весь конфликт на Сенатской площади, иметь безопасный тыл — такова его мысль, его задача. Он боялся уличных боев, рассеянных по городу, неуловимой смуты и сам признается, что таково было не ясное сознание — «подобные рассуждения делаются после» — но инстинктивное чувство: «тогда же», записывал он позднее свои впечатления в привычной фразеологии, «один бог меня наставил на сию мысль». Этим об'ясняется и эпизод с проходом на Сенатскую площадь Панова с его лейб-гренадерами. Панов от ворот Зимнего дворца повел их через Дворцовую и Адмиралтейскую площади. Николай встретил их беспорядочно спешившую толпу на ходу, так как поехал в это время к Дворцовой площади навстречу артиллерийской бригаде. Увидав гренадер, Николай скомандовал: «Стой!» и собирался приказать им построиться в порядок, но получил ответ: «Да мы за Константина». «Тогда», рассказывает Николай, «я им сказал: так вам здесь не место, а ступайте на Петровскую площадь; и они прошли вокруг меня, меня не трогая». Последние слова показывают, как Николая изумляло отсутствие у восставших «мятежников» аггрессивности; так и потом он говорил принцу Евгению Виртембергскому: «самое удивительное в этой истории это то, что нас с тобой тогда не пристрелили». А Панов прошел мимо орудий гвардейской пешей артиллерии, не сделав попытки их захватить. Правда, ему было не до обдуманных действий. Сбитые с толку и со строя эпизодом в воротах Зимнего дворца, вовсе не ориентированные в обстановке, лейб-гренадеры отнюдь не представляли собой в эти моменты какой-либо боевой силы, несмотря на свою численность. Их масса стала таять. Ротный командир Мещерский, удержав часть своей роты от ухода с Пановым, погнался за ушедшими и на Дворцовой площади успел собрать многих солдат из разных рот, чтобы вести их назад в казармы. Но подоспевший сюда же полковой командир Стюрлер образовал из них отряд, который поручил кап. Наумову и поставил караулом у одного из под'ездов Зимнего дворца, а Мещерского послал в казармы привести остальных лейб-гренадеров. Их сам Николай встретил, присоединил к команде Наумова и поставил вместе с гвардейскими саперами на охрану дворца.

А Стюрлер с другими офицерами продолжали, по примеру Мещерского, преследовать лейб-гренадеров, чтобы удержать их от присоедине-

ния к восставшим, и прошли с ними на Сенатскую площадь. Тут выстрел Каховского ранил Стюрлера на-смерть, а когда Оболенский стал призывать солдат не слушать, а бить командиров, заставляющих их нарушить данную присягу, разбежались остальные офицеры. Лейб-гренадеры построились на левом фланге Московского карре несколько впереди его фронта. Но часть их ушла с площади — от «безначалия», как они об'ясняли: одни побрели через Неву к казармам и по дороге присоединились к отряду, выведенному из казарм Мещерским, другие примкнули к семеновцам, а Михаил Павлович распорядился построить их (127 рядовых и 10 унтер-офицеров с полк. Щербатским 1-м) особо, позади семеновцев.

Весь этот эпизод весьма потряс Николая. Он остался в уверенности, что Панов покушался «овладеть дворцом и в случае сопротивления истребить все наше семейство»; нервничал при мысли, что стоило только саперному батальону опоздать на несколько минут, «дворец и все семейство были бы в руках мятежников», так как сам он был занят на Сенатской площади и не думал об «иной важнейшей опасности» в тылу; радовался, что все прошло так, как прошло, «ибо иначе началось бы кровопролитие под окнами дворца, и участь бы наша была более чем сомнительна». Выступление лейб-гренадеров и гвардейского экипажа развернуло события в их полном об'еме. И Николай, «видя, что дело становится весьма важным и не предвидя еще, чем кончится, послал Адлерберга с приказанием шталмейстеру кн. Долгорукому приготовить загородные экипажи для матушки и жены и намерен был, в крайности, выпроводить их с детьми под прикрытием кавалергардов в Царское Село».

Московское карре усилилось лейб-гренадерами. Рядом построился в колонне «к атаке» гвардейский экипаж. На этом закончился приток сил к восставшим. Только кадеты морского и 1-го кадетского корпусов прислали к ним депутатов за разрешением притти на площадь и сражаться в их рядах; но Михаил Бестужев на это не решился, благодарил их за «благородное намерение» и советовал «поберечь себя для будущих подвигов».

А к Николаю подходили новые полки. Появился, наконец, Измайловский полк. Николай встретил его у Синего моста и, продолжая принятую тактику, заявил, что если есть между ними такие, кто хочет итти против него, он им не препятствует присоединиться к мятежникам; потом, когда никто не решился итти на такой вызов, приказал зарядить ружья и поставил полк «в резерве» на Адмиралтейской площади, спиной к лобановскому дому, напротив кавалергардов. Пришел и Егерский полк,

его привел ген. Бистром, командир всей пехоты гвардейского корпуса. Поведение этого генерала казалось Николаю «странным»; в то время как разыгрывались события, его «нигде не можно было сыскать», пока он не пришел с Егерским полком. Бистром, прежний командир этого полка, и в день 14 декабря повел себя полковым командиром, под предлогом, как отметил Николай, недолюбливающий Бистрома как прежнее свое начальство и относившийся к нему недоверчиво из-за близости к нему его ад'ютанта, декабриста Оболенского, что полк колебался [1]). Егерей Николай поставил в еще более глубоком резерве — на Адмиралтейской площади, позади кавалергардов и измайловцев.

Всякая возможность движения восставших с площади ко дворцу была отрезана при том, конечно, предположении, что «правительственные» войска захотят оказать им надлежащее сопротивление, а в этом как по всему видно, не были уверены ни сам Николай ни окружавший его генералитет. Как бы то ни было, по общей диспозиции оставалось замкнуть восставшим пути отступления по Галерной и по Английской набережной, а также прочнее преградить выход на Исаакиевский мост. На это была прежде всего отряжена часть конной гвардии — ее первый дивизион (2 эскадрона). Дивизион направился в об'езд Исаакиевского собора, где у Синего моста к нему примкнули гвардейские конно-пионеры под командой полк. Засса. Дивизион конной гвардии в'ехал мимо своего манежа и Адмиралтейского канала в узкий проезд, оставшийся между сенатом и карре восставших войск, так что оказался в 10 — 12 шагах от этого фаса карре. Встреченные криком: «Ура, Константин!», конногвардейцы отвечали: «Ура, Николай!» и тотчас получили в правый фланг ружейный залп [2]); были раненые, один солдат свалился с лошади. Под'ехав к сенату, дивизион повернул по-взводно во фронт и стал вдоль бокового фасада сената. Новым залпом был тяжело

---

[1]) При выступлении Егерского полка произошла действительно некоторая заминка, которую Николай так записал: «У Каменного моста стрелковый взвод 1-й карабинерной роты, состоящий почти весь из кантонистов, вдруг бросился назад, но был сейчас остановлен поручиком Живко-Миленко-Стайковичем». Ходивший позднее между декабристами рассказ, что это замешательство егерей было вызвано тем, что Якубович встретил их и скомандовал «налево кругом», вызывает сомнение: не сам ли Якубович пустил его в оборот; своих свидетелей не могло быть, а в «деле» нет обвинения Якубовича в таком «покушении».

[2]) Восставшие сперва приняли движение конной гвардии за присоединение их к себе; обмен лозунгами вскрыл ошибку; по свидетельству Сутгофа, боевыми патронами стреляли только моряки.

ранен полк. Велио в руку; он выбыл из строя, а команду над 2-м эскадроном принял Василий Каульбарс. Стрельба давала мало результатов, потому что люди из карре стреляли без прицела, держа ружья «наруку», беспорядочно и больше на воздух. Несмотря на стрельбу, войска были окружены густой толпой народа, все больше выражавшей сочувствие восставшим. Положение конногвардейцев, прижатых к сенатской гауптвахте и сенатскому зданию, было незавидным. Их особенно беспокоило поведение толпы, часть которой взобралась на крышу сената и оттуда бомбардировала кавалерию поленьями, захваченными с сенатского двора. Один из офицеров, Игнатьев, получил такой удар поленом, что его вынесли из строя в бессознательном состоянии. А напротив в немногих шагах стояли «мятежники», поддерживавшие общее напряжение почти непрерывной стрельбой и криками: «Ура, Константин!». Кавалерия была крайне беспомощна в этот день на Сенатской площади. Ее лошади были на мирном, не походном положении — подкованы плоскими подковами, не перекованы на шипы, и при сильной гололедице, какая в те дни держалась, скользили и падали при сколько-нибудь неосторожном движении и повороте.

Простояли эскадроны конной гвардии у сената около часу, когда услыхали сзади себя барабанный бой. Это Павловский полк входил с противоположного конца в Галерную улицу. За Павловским полком Николай давно послал своего ад'ютанта А. А. Кавелина. Этот полк большей своей частью был в этот день распределен по очередным караулам в разных пунктах. Из остальных образовался один сводный батальон, который Кавелин привел к Зимнему дворцу и поставил на обоих мостах через Зимнюю Канавку. Отсюда, когда восставшие окончательно собрались на Сенатской площади, Павловский батальон был двинут для их окружения. Батальон пошел кругом, огибая Исаакиевский собор мимо лобановского дома, по Большой Морской, и вступил в Галерную, но не продвигался в ее устье, где теперь арка между зданиями сената и синодом. Тогда конногвардейцев освободили от их неприятнейшей стоянки между карре восставших и народом на сенатской крыше. Им велено передвинуться на набережную к Исаакиевскому мосту. Первый их эскадрон прошел, прокладывая дорогу сквозь густую толпу народа, к мосту и стал, пройдя его, левее, уже в виду эскадронов своего же полка, стоявших вдоль Адмиралтейского бульвара спиной к адмиралтейству. Второй эскадрон стал против самого моста, впереди стоявшей тут гренадерской роты Преображенского полка. Тут вышел к ним из карре кн. Одоевский, сам офицер конной гвардии, со словами: «Конногвардейцы, неужели вы хотите проливать русскую кровь?», но

в ответ получил только крик: «Ура, Николай!» и «несколько злобных слов» от товарищей-офицеров.

Следом за эскадронами конной гвардии проехали конно-пионеры, стоявшие перед Адмиралтейским (Крюковым) каналом, мимо Галерной и Сенатской гауптвахты и стали у сенатского здания, на углу его и Английской набережной. Окружение было закончено. А по Исаакиевскому мосту подходил еще батальон Финляндского полка. Ген. Орлов, командир конной гвардии, под'ехал к своим эскадронам и велел тому, что стал против моста, вздвоить ряды и дать дорогу. Но финляндцы остановились, только один взвод прошел на площадь. Тогда проход закрылся. Две роты Финляндского полка остались на мосту в нерешительном ожидании.

В Финляндском полку влияние декабристов было слабо. Репин был прав, когда говорил Рылееву, что тут один Розен за себя отвечает, но и то неясно, что сможет он сделать. А Розен командовал только стрелковым взводом, который только утром, когда все дело с присягой было кончено, сменился с караула в Галерной гавани. В казармах Финляндского полка оставался только 1-й его батальон, так как второй весь был в караулах (частью во дворце), а третий зимовал за городом. В этот день, еще до рассвета, полковой командир ген. Воропанов собрал всех офицеров, познакомил их с манифестом Александра, отречением Константина и манифестом Николая и велел приступить к присяге. Попытка Розена вступить в обсуждение создавшегося положения не встретила никакой поддержки и заглохла без последствий. Присяга прошла беспрепятственно, но взвода Розена, как и всей роты (карабинерной) при этой присяге не было. Офицеры с'ездили к Зимнему дворцу к разводу 2-го батальона по караулам: на Сенатской площади еще никого не было. Розен вернулся домой и нашел тут записку Рылеева, звавшего его в казармы Московского полка. Было уже 10 ч. утра, когда Розен через Исаакиевский мост пробрался через толпу народа к Московскому карре. «Достань еще помощь», сказал ему И. И. Пущин, пришедший к карре. Розен поспешил в казармы Финляндского полка, прошел по всем ротам, приказывая солдатам спешно одеться, приготовить ружья, вложить кремни, взять патроны (а патронов было по 5 штук на солдата) и выстроиться на улице. Он не рискнул на прямую агитацию, говорил только, что надо итти на помощь своим. А пока получен был бригадным командиром приказ вести батальон. Генерал-ад'ютант Комаровский, посланный Николаем за Финляндским полком, встретил батальон уже у Морского корпуса. Финляндцы вышли на Исаакиевский мост, тут остановились, чтобы зарядить ружья. Розен поясняет в своих «Записках»,

что был в большом затруднении. С одной стороны, он не чувствовал себя в состоянии оставаться в рядах правительственных войск, а с другой — ему было ясно, что восстание неорганизовано, нет у него начальника, невозможно единство в действиях. Но чувствуя в войсках большое колебание, Розен рассчитывал выждать благоприятной минуты. Он ожидал, что на площади начнется бой, и тогда надеялся увлечь финляндцев три с половиною роты, до 800 солдат, на помощь своим, пробившись сквозь роту преображенцев. А пока решил остановить движение полка. Когда гр. Комаровский и бригадный командир Головин скомандовали «вперед», взвод Розена не двинулся, а громко повторил его команду: «стой», и на настояния Комаровского отвечал: «мы не присягали; худого ничего не делаем, по своим стрелять не будем». С трудом удалось кап. Вяткину двинуть до конца моста шедший перед Розеном карабинерный взвод финляндцев, а командиру 3-й роты, не вступавшей на мост, перейти на площадь по льду. Две роты остались стоять за взводом Розена; они не слушались своих командиров, а твердили, что впереди командир стрелков знает, что делает. Так и остались стоять час за часом, ожидая развязки.

А какая-либо развязка все оттягивалась. Восставшие были парализованы «безначалием» и сознанием слабости собранных сил, Николай — неуверенностью в настроении войск, даже их командного состава, и сознанием, что солдаты не захотят биться за него со «своими». Обе стороны, по крайней мере в некоторой части, рассчитывали выиграть на выдержке, на выжидании. На стороне Николая кое-кто из стариков, вроде г.-ад. И. В. Васильчикова, долго твердил, что надо еще подумать, стоит ли прибегать к пушкам, и были даже против тактики окружения, рассчитывая, что «бунтовщики» кончат тем, что к ночи разойдутся по казармам; им скоро пришлось, как тому же Васильчикову, изменить свое суждение. На стороне восставших руководители внушали солдатам, изнемогавшим в бездействии: «Погодите, братцы, погодите маленько, мы скоро дело кончим». Тут, наоборот, рассчитывали, что к сумеркам правительственные войска начнут переходить на сторону восстания; сочувственные отклики доходили из их рядов [1]); рабочие и разночинцы ободряли, уговаривали держаться еще часок и «все пойдет ладно». А держаться было нелегко. Дул северный ветер, холодный, про-

---

[1]) «Во время нашего стояния на площади, — сообщает в своих записках мичман А. П. Беляев, — из некоторых полков приходили посланные солдаты и просили нас держаться до вечера, когда все обещали присоединиться к нам; это были посланные от рядовых, которые без офицеров не решались возмутиться против начальников днем, хотя присяга их и тяготила».

низывающий. Стояли в одних мундирах и мерзли. Было и холодно и голодно. Посылали за хлебом на сенатскую гауптвахту, где все время продержался караул Финляндского полка; посылали за вином, чтобы согреться. Настроение было томительное. Нарастало возбуждение, беспредметное нервничанье, выражавшееся в беспорядочной стрельбе, криках, расстройстве рядов. Терялась начальная спаянность, терялось и представление определенной цели, какого-либо задания. Невозможно же было провести «восстание» на одной отрицательной выдержке. А на ударный почин нехватало силы, уверенности, не нашлось инициативы. Но выдержка была. На капитуляцию отнюдь не шли.

Войска еще подходили, когда Николай послал за митрополитом Серафимом, который и под'ехал к Сенатской площади с киевским митрополитом Евгением Болховитиновым и диаконом и пошел к восставшим с крестом. Солдаты гвардейского экипажа встретили его почтительно, но на все его увещания раздались голоса о необходимости личного подтверждения Константина; раздавалось и имя Михаила Павловича, митрополита просили его прислать; кое-кто вызывал на об'яснение Николая. Оболенский и другие руководители настаивали, чтобы митрополит не мешался не в свое дело и уходил, и заставили его поспешно удалиться. Такую же попытку сделал Михаил Павлович. Увлеченный выступлением своим перед оставшейся в казармах частью Московского полка, он просился у Николая на переговоры. После сцены с митрополитом Николай приехал к нему, об'ехал Исаакиевский собор и послал его к гвардейскому экипажу. Михаил под'ехал к рядам, поздоровался и получил обычный ответ. Михаил стал уговаривать моряков, но те отвечали указанием на святость присяги и на необходимость личного подтверждения Константином своего отречения, а то неизвестно даже, где он. Успеха Михаил, по собственному его рассказу, записанному с его слов Корфом, не имел, но его пререкания с солдатами не могли не тревожить руководителей. И. Пущин, увидя пистолет в руках. В. Кюхельбекера, посоветовал ему «ссадить» Михаила Павловича. Кюхельбекер выстрелил, но пистолет дал осечку. Вокруг этого эпизода тотчас сложилась легенда, ставшая официальной версией, о «спасении» Михаила тремя матросами, которые будто выбили пистолет из рук Кюхельбекера; их показания, сохраненные в следственном деле, сами обличают несообразность рисуемой сцены с тем, как было, и опровергаются отрицанием Кюхельбекера, который попросту рассказал, как было дело, только уверял, что негодность пистолета была ему известна. Михаил Павлович тогда вернулся к своему отряду, «видя, что все усилия обратить непокорных остаются бесполезными», по словам его рас-

сказа Корфу. Тогда Николай тоже вернулся, опять в об'езд Исаакиевского собора, на свой пост. В этот момент и было решено покончить дело картечью. С этой минуты Михаил «ожидал условленного сигнала». Николай прислал ему одно орудие, «чтобы, по его словам, усилить сию сторону, как единственное отступление мятежников».

Вопрос о единственном остающемся средстве разрешить напряженное положение был решен. На картечи настаивали и другие, особенно гр. Толь, сразу указавший на опасность бездействия. И Васильчиков изменил свое мнение: «Государь», говорил он теперь, «нельзя терять ни минуты; ничего не поделаешь — нужна картечь». Кавалерия была бесполезна на некованных лошадях по гололедице, с тупыми, неотпущенными палашами. Попыткой атаки на восставших, или вернее, по выражению кавалериста-очевидца, «атакообразной демонстрации», она только насмешила толпу и отступила, встреченная выстрелами при первом выезде и только насмешками в карре при повторении. Этот первый залп и беспорядочная стрельба, вспыхнувшая затем, заносили пули в сторону преображенцев, стоявших недалеко от Николая. Нарастало напряжение. Николай сделал еще попытку обращения к восставшим: послал Сухозанета, который смело в'ехал в среду восставших, расступившихся и пропустивших его, когда он галопом под'ехал. Он заговорил о «помиловании» под условием выдачи «зачинщиков». Его встретили насмешками и вопросом: не привез ли он конституцию? Сухозанет заявил, что прислан не для переговоров, и гневно повернул назад. Вслед он получил залп, от которого, впрочем, пострадали только перья на султане его головного убора.

Все эти неудачи, все эти сцены бессилия производили впечатление на зрительницу — народную толпу. Не одним конногвардейцам у сената приходилось с нею считаться. Николай тревожно приглядывался к ее настроениям. «После первых же выстрелов со стороны восставших», рассказывал он, «рабочие Исаакиевского собора из-за забора начали кидать в нас поленьями». А толпа, стоявшая вокруг него без шапок, при одном из залпов начала шапки надевать и вести себя все более вызывающе. Николай заметил эту перемену в толпе и «невольно» крикнул: «шапки долой!». Шапки-то сняли, но и отхлынули все от него прочь. Настроение толпы все более определялось. Николай видел, что колеблется оно не в его сторону, что «многие перебегали к мятежникам». Из толпы подходили к карре, суля народную поддержку; какой-то отставной ротмистр предлагал себя в организаторы этой поддержки,

уверял, что знает, где припасено оружие [1]). Руководители восстания весьма сдержанно относились к союзу с толпой, но это сближение солдат и народа бросалось в глаза и тревожило противную сторону. Была сделана попытка очистить площадь от толпы. По мере увеличения числа войск, окружавших площадь, полиция становилась смелее и настойчиво разгоняла народ с площади. Не всегда это сходило с рук даром. Кюхельбекер с товарищами вырвали из рук толпы полицейского драгуна, у которого толпа оружие отняла, а самого чуть не растерзала. Но многие уходили, на прощанье ободряя восставших с советом не уступать.

При таких условиях — сумерки, всякое замешательство, которое нарушило бы локализацию конфликта на одной площади, неизбежное, хотя бы частичное колебание в рядах правительственных войск, столь же неизбежный, хотя бы и частичный, переход отдельных их отрядов на сторону восстания, сколько-нибудь значительная активность со стороны восставших могли, казалось, создать коренное изменение всей обстановки борьбы, при беспомощности наиболее «надежной», и то весьма относительно, кавалерии и слабой, вовсе ненадежной артиллерийской силы, привлеченной Николаем на площадь: всего 4 орудия пешей артиллерии, получившей боевые снаряды с большим запозданием. Но инициатива осталась в руках Николая. «Безначалие», растрата и без того ничтожного запаса патронов, усталость от бездейственного стояния в течение ряда часов, отсутствие ясного лозунга для борьбы, так как лозунг «Ура, Константин!» как-никак, а подрывался появлением Михаила, — все сходилось к подрыву почина к борьбе со стороны восставших. Конечно, ходкий анекдот о том, что солдаты «конституцию» считали «женой Константина», остается тенденциозно раздутой наивностью — из единичного случая, повидимому, действительно приключившегося такого изречения; но и без того ясно, что политическое знамя не было поднято руководителями движения и обеспечено сознательной более или менее поддержкой солдатской массы. Да и помимо того некому было взять на себя боевой почин, раз признанные вожди сдали свои позиции до начала борьбы, а случайный по существу их

---

[1]) Сочувствие народа, собравшегося на площади, восставшим производило настолько определенное впечатление, что гр. Толь, учитывая в своем «Журнале» силы противников Николая, записал, что было восставших до 3 тысяч, и, кроме того, «на стороне бунтовщиков была довольно значущая толпа черни, к ним приставшая». После эпизода с шапками место на площади было очищено от толпы и у выходов с улиц расставлены пикеты, чтобы никого не пропускать на площадь с этой стороны. Об отставном ротмистре — показание В. Кюхельбекера.

заместитель Евгений Оболенский был весьма далек от способности разыграть роль подлинного революционного вождя.

Инициатива осталась в руках Николая, несмотря на затяжную вынужденную его нерешительность. Об'ективные условия слагались в его пользу, вопреки всем отрицательным данным его шаткого в этот день положения. В этом — корень рокового трагизма революционного дня, который закончился победой самодержавия.

Было уже 3 часа пополудни. По зимнему времени начинало смеркаться. Николай понял, что дольше тянуть рискованно. Артиллерийская рота стояла, в ожидании снарядов, на углу Адмиралтейского бульвара перед кавалергардами. Прибыли снаряды [1]), решено ими действовать. Выдвинуты три орудия, готовые к стрельбе. Но прежде, чем дать команду к стрельбе, Николай, по совету Толя, послал еще одного «парламентера», ген.-м. Мартынова, столь же безуспешно, как и раньше. Переговоров вести и не хотели. Пытались добиться капитуляции. Помимо естественного желания ликвидировать конфликт возможно легче («Вот так начало царствования!» — такими словами встретил Николай под'ехавшего к нему гр. Толя по-французски: «Voilà un joli commencement de règne!»), для таких повторных, хотя бы и безнадежных попыток был и другой, более «деловой», политический мотив. Вспомним, что говорил Татищеву, военному министру, Николай в пояснение, почему не хочет он ареста заговорщиков до их открытого выступления: он боялся дурного впечатления, всячески старался так дело поставить, чтобы вся «вина» за конфликт пала не на него, а суровая репрессия казалась вынужденной.

С сумерками настал решительный момент. Окружавший Николая генералитет теперь единодушно стоял за применение крайних мер. Даже из рядов войск раздавались восклицания — «Пора кончать!», и такие крики требовали внимания: солдаты теряли терпение, а общее их настроение грозило дать делу такой оборот, что упускать инициативу развязки из своих рук Николаю было никак невозможно. Он

---

[1]) Привезли всего по одному снаряду на орудие; полк. Нестеровский послал подп. Вахтина с зарядным ящиком на извозчике в лабораторию на Выборгскую сторону еще за несколькими боевыми снарядами; но смотритель лаборатории отказался их выдать без письменного предписания (сообщение Вахтина в «Русской Старине» за 1880 г., май, стр. 134). По вторичной посылке пор. Булыгина — подвезли снаряды, что дало гр. Толю возможность обстрелять беглецов на Неве (ср. сообщения Фелькнера в «Русской Старине» за 1870 г. и Сухозанета в «Русском Архиве» за 1873 г., кн. 7).

и дал команду первому орудию к стрельбе, но дважды «отставлял». А на третий раз за командой «пли!»—выстрела не последовало. Командовавший орудиями поручик Бакунин соскочил с лошади, бросился к орудию и спросил фейерверкера, зачем он не дает выстрела. Ответ был: «свои, ваше благородие». Бакунин вырвал у него запал и сам произвел выстрел [1]). Но наводка была взята слишком высоко. Картечь ударила через площадь в верх сенатского здания, сразив нескольких из людей, находившихся на его крыше. Конногвардейцы, озлобленные той бомбардировкой поленьями, какой подверглись, встретили этот выстрел криками «ура!» и даже «фора, фора!», как тогда в театре кричали вместо позднейшего «bis», требуя повторения понравившегося публике номера. Этот первый выстрел сразу вызвал замешательство на площади. Оболенский, Пущин и Сутгоф стояли в этот момент шагах в 30 перед фронтом, и, когда добежали до карре, беспорядок был уже общий. Сутгоф отрицает в своих замечаниях на повествование Корфа, что на первый выстрел отвечали криками «ура» и «беглым огнем»—«ружейных выстрелов», говорит Сутгоф, «не было». Но повидимому гвардейский экипаж еще пытался отстреливаться; не было выстрелов из московского и гренадерского карре.

Николай скомандовал «второе...», затем «третье...». Второй выстрел ударил картечью прямо в толпу восставших и вызвал их бегство, третий поразил бегущих врассыпную. Они бросились с площади по Английской набережной, на Неву через гранитную набережную, в Галерную улицу и к Адмиралтейскому каналу. Главная масса рванулась на Английскую набережную и смяла стоявших тут конно-пионеров. В свалке было убито несколько пионеров, а ими заколоты несколько человек против дома Лаваля [2]). Часть бежавших пробилась вдоль набережной, а большинство кинулось на Неву, чтобы перебежать по льду через реку. Другие бросились в Галерную и наткнулись на Павловский батальон; павловцы взяли ружья «на руку», но бежавших сюда было немного, рукопашной схватки не произошло, беглецы скрывались во дворы домов. Стрельбы тут не было, вопреки сообщениям Корфа, будто павловцы открыли «батальонный огонь», и Комаровского — о награде полку за «сей подвиг верности и неустрашимости». Свидетельство Николая Бестужева, столкнувшегося в Галерной с братом Александром, и Сутгофа устанавливают четко, что и эта подробность —

[1]) По официальной версии у Корфа: «пальник повиновался» на окрик Бакунина.

[2]) Позднее это — дом Половцева, затем присоединенный к сенату; ныне помещение библиотеки государственных знаний.

одна из тех «легенд» разного рода, какими обросли бурные события 14 декабря с того же вечера и во все следующие дни... Но сюда, в устье Галерной улицы и в глубь ее, залетела картечь второго и третьего выстрелов. Досталось от нее и павловцам. Действовала картечь тут рикошетом, на излете, разбиваясь о стены домов и отбивая с их стен штукатурку, наподобие крупной ружейной дроби, и так поранила до 30 солдат Павловского батальона [1]). Прямее поражала картечь беглецов, в которых ударила, когда братья Бестужевы попытались собрать часть людей и построить взвод в устье Галерной, чтобы прикрыть отступление и сдержать приближавшуюся для преследования кавалерию; тут были и раненые и убитые, пока взвод не разбежался. Большая толпа отхлынула с площади в сторону Адмиралтейского канала, грозя смять ряды Семеновского полка. Тут было также артиллерийское орудие, присланное Николаем, и Михаил Павлович дал приказ встретить бегущих картечью. «Картечь на таком близком расстоянии», замечает Михаил Павлович в своих воспоминаниях об этом дне, «произвела ужасное опустошение, и в числе самых первых жертв пало несчастное дитя, флейтщик морского экипажа [2]); тогда толпа, сжатая с обеих сторон, в одно мгновение рассыпалась;... «все бежали в разных направлениях, и площадь, за миг перед тем кипевшая народом, совершенно очистилась скорее, нежели сколько нужно нам было, чтобы написать эти строки».

Картечь, пущенная от Семеновского полка вдоль линии сенатского здания, поражала не только ближайшую, надвинувшуюся в этот угол толпу; она врезалась и в свалку беглецов с конно-пионерами, и под нее чуть не попали конногвардейцы, посланные А. Орловым вслед бежавшим на Английскую набережную. От этого преследования и бросилась значительная толпа на лед реки.

Показания о том, что на льду Невы происходило, странным образом расходятся. Руководивший тут беглецами Михаил Бестужев повествует, как он бросился сюда со своими московцами, остановил их на льду и стал их строить, с помощью унтер-офицеров, в густую колонну, с намерением итти по льду Невы к Петропавловской крепости, чтобы ее занять и отсюда, собрав в крепость всех своих, начать с Николаем переговоры при пушках, обращенных на дворец. Успел, продолжает Бестужев, построить три взвода, когда раздался орудийный выстрел, завизжало ядро, ударило в лед. Бестужев оборотился, чтобы посмотреть,

---

[1]) Были убитые и раненые также возле Адмиралтейского канала — картечным рикошетом.

[2]) Федор Андреев.

откуда палят, и «по дыму из орудий увидел батарею, поставленную около середины Исаакиевского моста». Летели новые ядра; под их ударами и тяжестью столпившихся людей лед не выдержал, несколько солдат упало в воду. Тогда «солдаты бросились к берегу Невы, к самой академии художеств». Картина, рисуемая Мих. Бестужевым, как будто отчетлива, но реально она невозможна. Река была доступна беглецам только в одном месте — против сенатского здания; выстрелы шли отсюда же, с набережной против сената. Увидать «по дыму орудий» батарею (?) по середине Исаакиевского моста Бестужев мог бы, если бы находился выше моста по течению реки на линии от него к Петропавловской крепости, притом довольно далеко от моста. А затем — солдаты бегут к академии художеств. Чтобы все так произошло, они должны были бы дважды пройти под мостом, что было бы отмечено в рассказах, так как на мосту находились войска [1]). Мост был занят ротами Финляндского полка, а когда они отошли на Васильевский остров, за ними через мост двинулась конная гвардия, по команде А. Орлова, для преследования бежавших через лед: «за ними, на Васильевский остров». Стрелять в эту сторону было невозможно.

Линия отступления по льду была — от начала Английской набережной на остров между 1-м кадетским корпусом и академией художеств. Вслед за разбежавшимся карре двинулся, по приказу Николая, через площадь ген. Толь с двумя орудиями. На углу сената орудия сняли с передков и артиллеристам пришлось их втащить на панель, так как высокие гранитные перила набережной мешали наводке на реку. Отсюда было сделано три выстрела. Беглецы бросились в беспорядке к берегу на Васильевский остров. Попытка укрыться во двор академии художеств не удалась: привратник захлопнул ворота. Бестужев рассказывает, что увидал кавалергардов, мчавшихся к ним «во весь карьер». Но то были не кавалергарды, а конногвардейцы, и притом, по собственному признанию командовавшего их передним эскадроном Каульбарса, отнюдь не в таком состоянии, чтобы мчаться в карьер. Когда конная гвардия двинулась на мост, очищенный финляндцами, ее лошади из-за гололедицы скользили на все ноги, падали чуть не на каждом шагу, люди сходили с коней и пробовали вести их в поводу, но и то безуспешно: увлекаемые лошадьми и сами падали. Перебравшись через мост, конногвардейцы уже не увидали беглецов, которые тем временем разбежались и скрылись по разным линиям Васильевского острова.

[1]) По свидетельствам Розена в его «Записках», гр. Толя в его «Журнале», В. Каульбарса в его «Конной гвардии 14 декабря 1825 года», ясно, что все происходило ниже моста.

Орлову ничего не оставалось, как повернуть полк обратно, и конная гвардия перебралась с таким же трудом на площадь, чтобы снова выстроиться на прежнем месте по эскадронам, вдоль Адмиралтейского бульвара, лицом к сенату.

С площади убирали убитых и сносили их за забор, окружавший Исаакиевскую церковь. Каульбарс насчитал 56 тел, в том числе двух маленьких флейтщиков гвардейского экипажа и унтер-офицера Московского полка с оторванными головами: таково было действие картечи, пущенной на близком расстоянии. Среди убитых, кроме солдат, были и рабочие или ремесленники из толпы. Всего убитых считали человек 70—80 [1]). На площади пошло спешное «мытье да катанье», как выразился извозчик в разговоре с Михаилом Бестужевым; замывали кровь, засыпали снегом и укатывали его. Только на здании сената остались кровавые пятна: о них вспоминает А. В. Каратыгин, о них упоминает и Корф.

---

[1]) Ср. попытку более тщательного подсчета в заметке «О числе жертв 14 декабря 1825 года» в «Былом», 1907 г., кн. 3.

VI.
ЛИКВИДАЦИЯ ВОССТАНИЯ.

Начальник гвардейской пехотной дивизии стал в этот день императором. Усердный штабной писарь вписал в его формуляр следующие строки: «1825, декабря 14-го, во время возникшего в Санкт-Петербурге бунта командовал главною гауптвахтою Зимнего дворца и с находившеюся тогда на оной 6-ю егерской ротой лейб-гвардии Финляндского полка занимал ворота, ведущие на большой двор; потом, по прибытии 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка, лично вел оный и занял им Адмиралтейскую площадь; с приходом же лейб-гвардии конного полка занял и Петровскую площадь под огнем бунтовщиков; а наконец принял начальство и над прочими собравшимися войсками лейб-гвардии, в сей день в столице находившимися и пребывшими верными долгу присяги; когда же при неоднократных увещаниях толпа бунтовщиков не покорялась, то рассеял оную картечными выстрелами 4-х орудий легкой роты 1-й гвардейской артиллерийской бригады, коими командовал тогда поручик Бакунин; а по совершенном рассеянии злоумышленников занял окрестности Зимнего дворца и продолжал начальствовать войсками до минования опасности и роспуска оных по квартирам».

Николай еще не был уверен, что опасность миновала, что восстание не вспыхнет заново. Ряд военных мероприятий должен был закрепить ликвидацию восстания.

Преследование «мятежников» и их аресты начались тотчас, на площади, которую по следам отступивших в полном беспорядке повстанцев заняли Преображенский и Измайловский полки, в то время как конная гвардия повела преследование по Английской набережной и через мост на Васильевский остров. Щепин-Ростовский и Сутгоф были арестованы тут же на площади; остальные успели скрыться, и их разыскивали всю ночь; одни сами являлись в штаб-квартиру арестов и допроса, какой стал Зимний дворец; других туда приводили, даже со связанными

за спину руками. Первый допрос был поручен гр. Толю, но руководил начатым розыском сам Николай. Ему тотчас докладывались полученные показания, он ставил дополнительные вопросы, распоряжался новыми арестами; главнейших из арестованных вводили к нему для допроса, при чем личное впечатление Николая от их ответов и поведения при такой встрече сразу определяли их ближайшую судьбу. Каждый допрос кончался тем, что Николай писал «своеручно» записку коменданту Петропавловской крепости Сукину, указывая «под каким арестом содержать каждого». Активность Николая только возросла после победы над восставшими. Он предался расправе с побежденными и расследованию их дела. С тревожной жадностью всматривался он в мотивы и в организацию восстания, в намерения декабристов, в об'ем их влияния, связей и отношений. Представление об опасности, пережитой лично им и в еще большей мере русским самодержавием, росло и углублялось в его сознании, впервые поставленном перед значительными вопросами политической и общественной жизни.

Допросы тянулись непрерывно с 7 час. вечера 14-го до полудня 15 декабря. Продолжались и нарастали аресты. Солдаты в большинстве вернулись в свои казармы растерянные и подавленные. Офицеры, причастные к движению (а показания арестованных все умножали число тех, кто был причастен, хотя не примкнул к восстанию и даже оставался в рядах правительственных войск), разыскивались, а задержанные шли к допросу и под арест. Победа Николая над восстанием была полной и не только внешней: декабристы остро пережили свое поражение, большинство было разбито в глубине личного настроения и сознания и, за немногими исключениями, давало показания с такой откровенностью и в таком покаянном тоне, что их записи тяжело и теперь читать, через столетие после всех этих происшествий.

Однако первые шаги розыска происходили еще в боевой и весьма напряженной обстановке. Приняты были решительные меры, чтобы не дать рассеянным силам противника снова собраться, а захватить в руки властей разбежавшихся мятежников. Эта задача была возложена на ген.-ад. Бенкендорфа с 4 эскадронами конной гвардии и конно-пионерами. Наряды Павловского полка, измайловцев и семеновцев задерживали беглецов в ближайших улицах и обыскивали дома, куда часть их скрылась; так обыскали ночью и дом Лаваля, чтобы взять там бумаги Трубецкого.

Город пережил часы восстания в мертвом затишьи. Все напряжение этого дня сосредоточилось на Сенатской площади. «Улицы опустели», сообщает обыватель-современник, «казалось, что все сбежались на пло-

щадь, оставив дома свои пустыми: везде ворота были заперты, магазины закрыты, и только одни дворники изредка выглядывали из калиток и узнавали, что делается на улице». Не коснулось восстание и войск, расквартированных в окрестностях столицы. 14-го их вызвали из мест стоянки и двинули было к городу, но к ночи вернули по домам, оставив только по эскадрону гусар и уланов, чтобы ловить на путях к Петербургу тех, кто попытается спастись бегством за город; гвардейских драгун назначили в раз'езды по городу.

Улицы ожили после катастрофы на площади. В пятом часу толпа стала разбегаться в давке и панике. Конные и пешие давили друг друга. Отбежав подальше, группы останавливались, толковали о происшедшем, ловили ходкие слухи. Раз'езды их разгоняли. Патрулям и полиции велено было прислушиваться к толкам и следить за тем, чтобы солдаты не агитировали в толпе. Бенкендорфу доносили о разных толках и пересудах, вроде рассказов о том, что Константин Павлович приезжал в Петербург, но уехал, никого не видав, и т. п., докладывали о задержании гвардейского солдата, который о чем-то беседовал с толпой на Сенной, или солдата Московского полка, переодетого в крестьянское платье, который упрекал конногвардейцев за действия против товарищей. Переодевания бывали, но как попытка скрыться от ареста; бывали и толки между солдатами с упреками, зачем своих не поддержали, и ответом, что-де пошли бы, да зачем восставшие стояли на одном месте, как будто примерзли к мостовой (разговор измайловца с арестованным московцем, подслушанный Мих. Бестужевым). Все это была только мертвая зыбь после рассеянной бури. Николай постепенно убеждался, что сопротивления его воцарению больше не будет. А он ждал новой вспышки и укреплял свою позицию. Дворец был с вечера окружен войсками. Николай сам их расставил по местам. Окрестности дворца обратились в настоящий военный лагерь. Дворцовую площадь занял Преображенский полк с двумя ротами Егерского полка и тремя эскадронами кавалергардов при 10 орудиях; отсюда выставлены посты часовых и патрулей по Невскому до Полицейского моста и по Мойке. В начале Б. Миллионной — у Эрмитажного мостика и у моста на Зимней Канавке — расположены 2 роты егерей при двух орудиях; отсюда выставлялись посты по Миллионной и по Мойке до стыка с преображенскими патрулями. Между Зимним дворцом и адмиралтейством поставлены батальон Измайловского полка и эскадрон кавалергардов при 4-х орудиях. На Адмиралтейской площади — 2-й батальон Егерского полка, а на Сенатской — по батальону семеновцев, московцев и измайловцев при четырех орудиях и с 4-мя эскадронами конной гвардии; павловцы

занимали Галерную. На этой стороне Невы командовал ген.-ад. Васильчиков, а Бенкендорф — на Васильевском острове с батальоном Финляндского полка при четырех конных орудиях с двумя эскадронами конной гвардии и конно-пионерами. На охране дворца остались гвардейские саперы и лейб-гренадеры. Раз'езды были на ночь усилены; их возложили на гвардейский казачий полк.

Так войска простояли всю ночь на бивуаках вокруг разложенных огней. Молебен в церкви Зимнего дворца по случаю нового восшествия на престол, назначенный накануне на 11 ч. утра, потом на 2 часа, отслужить удалось только вечером, около половины 7-го часа. Николай пошел к войскам — закреплять еще непрочную показную связь свою с ними. Гвардейским саперам, охранявшим внутренний двор Зимнего дворца, он представил сына-наследника, будущего Александра II, которому тогда шел восьмой год; просил солдат полюбить его и служить ему верной службой; передал его на руки георгиевским кавалерам и велел первому человеку каждой роты подойти и поцеловать его. Затем вызвал священника и послал его обойти все бивуаки с крестом и кропить войска освященной водой. Из дворца разносили еду и чай.

Возвратясь во дворец, Николай созвал государственный совет и пришел в его собрание с братом Михаилом. Тут он сообщил в кратких словах о создавшемся положении и о целях восстания, насколько они ему выяснились в ночных допросах. «Никто в совете не подозревал сего», отметил он в своих записках, но отметил и то впечатление, какое произвел на него в этот момент адмирал Мордвинов: «выражение его мне показалось особенным», что «об'яснилось» ему позднее: не тогда ли, когда Мордвинов, назначенный в состав «верховного уголовного суда» над декабристами, один нашел в себе мужество голосовать против применения смертной казни к кому-либо из них?

Утром 15 декабря Николай сам об'ехал все войска по местам их стоянки, сходил с коня, обходил ряды, благодарил офицеров и солдат, даже целовался с некоторыми лично ему известными рядовыми гренадерских рот. Войскам велено было разойтись по казармам. Поспешил Николай помириться и с восставшими войсскими частями. Гвардейский экипаж был выведен на Адмиралтейскую площадь; Николай говорил с ним и велел вернуть ему знамя, заново освященное; вернули знамя и Московскому полку [1]).

[1]) Нижние чины, причастные к восстанию, были затем исключены из гвардии с переводом в армейские части — это те, кто был взят на площади и на улице и не успел вернуться в казармы; несколько сот солдат было в ближайшие дни после 14-го выведено из города и разослано по разным

В тот же день лица командного состава, прошедшие в глазах Николая испытание пережитого критического момента, были назначены — все полковники флигель-ад'ютантами, а генералы — полковые командиры — генерал-ад'ютантами: Николай начал набор своей «свитской» дружины, которой предстояла такая видная роль среди органов его личного, императорского управления. . . . .

Так забирал Николай власть в свои руки и утверждался на престоле. Петербург был усмирен. Но что будет в провинции? Этот вопрос оставался открытым. С напряженным, тревожным ожиданием сосредоточилось внимание Николая на том, как пройдет «новая присяга» по всей стране, и прежде всего в Москве и в военных поселениях. Во вторую столицу империи надо было послать с об'явлениями о восшествии его на престол вполне надежного человека. Николай выбрал для этого графа Комаровского, генерал-ад'ютанта, инспектора так называемой «внутренней стражи» — этой первичной схемы будущего «отдельного корпуса жандармов». 15 декабря в 3 ч. дня Комаровский спешно выехал. Московское шоссе шло через Новгород; Николай поручил Комаровскому «удостовериться в духе поселенных войск» и сообщить эстафетой «в собственные руки», притом секретно, не из Новгорода, а «из первого удобного места», для чего Комаровскому был дан особый фельд'егерь. В Новгороде Комаровский убедился, что сюда еще не проникли сведения о петербургских событиях 14 декабря, а манифест о присяге Николаю получен, поселенным войскам известна перемена в присяге и волнения не вызывает; об этом и послал он эстафету Николаю.

Комаровскому не удалось приехать в Москву раньше не только частных, но и официальных известий о «новой присяге». Он не смог догнать курьера, посланного в Москву военным министром Татищевым с манифестом Николая и оправдательными приложениями к нему. Частные же сведения о ходе дел в Петербурге приходили, конечно, и раньше. В кругу декабристов известие о решении петербургской «верховной думы» использовать для выступления момент второй присяги было получено 15 декабря в форме письма от И. И. Пущина к С. М. Семенову. Пущин сообщал об отречении Константина и о решении не допустить

близким пунктам, а затем — перечислено в негвардейские части. Роты Московского и лейб-гренадерского полков, участвовавшие в восстании, были выделены приказом от 17 февраля 1826 года в состав особого лейб-гвардии сводного полка и отправлены на Кавказ — в составе 1.336 нижних чинов — для участия в военных действиях против Персии. Об этом полку см. Скрутовского, «Лейб-гвардии сводный полк на Кавказе в персидскую войну с 1826 по 1828 год», СПБ., 1896.

присяги Николаю, а москвичей призывал «по возможности содействовать». Только поздно ночью сообщил об этом письме Якушкину Алексей Шереметев. У Якушкина и осталось в памяти обстоятельство, показательное для первого впечатления от такого призыва: он удивился, что Фонвизин, раньше узнавший о получении письма, не сообщил ему в течение дня столь важных известий — за недосугом, занятый происходившими в те дни в Москве дворянскими выборами. Сам Якушкин вернулся незадолго перед тем (8 декабря) в Москву и нашел тут довольно значительную группу членов тайного общества. Они собирались либо у Фонвизина, либо у Митькова, и на этих собраниях, казалось, господствовало одушевленное настроение ожидания крупных и решительных событий. С юга и сюда шли вести, что там все подготовлено к восстанию с расчетом на «огромное количество штыков»; держалось и мнение, что «петербургская дума» может рассчитывать на большую часть гвардейских полков. Новые вести ставили однако вопрос о немедленном действии и о том, что могут сделать москвичи при данных обстоятельствах. В ночь с 15-го на 16-е Якушкин, Шереметев, Фонвизин сошлись у Митькова. Толковали о том, что надо «под каким бы то ни было предлогом» поднять войска, привлечь к выступлению начальника штаба 5-го корпуса полк. Гурко, бывшего члена «союза благоденствия». Намечали и план действий. Алексей Шереметев, который был ад'ютантом при командире 5-го корпуса гр. П. А. Толстом, должен был отправиться к войскам, расквартированным под Москвой, с приказом итти в Москву, а «на походе» с помощью члена общества полк. Нарышкина и нескольких офицеров — прежних семеновцев из раскассированного состава полка — подготовить войска к восстанию. Остальные члены тайного общества выведут войска из городских казарм и арестуют военного ген.-губернатора кн. Д. В. Голицына и корпусного командира гр. Толстого. Успех петербургского восстания нашел бы таким образом поддержку и завершение захватом власти в Москве, а при неудаче, так рассуждали москвичи, были бы, по крайней мере, до конца исполнены принятые на себя обязанности. Однако все эти рассуждения, слишком явно беспочвенные, закончились решением, что четверо заговорщиков «не имеют никакого права приступать к такому важному предприятию». Порешили, поэтому, собраться на следующий день у Митькова и призвать к участию в почине выступления ген.-м. М. Ф. Орлова.

Член «союза благоденствия», одно время близкий к Александру I, родной брат Алексея Орлова, этой правой руки Николая в день 14 декабря, Михаил Орлов считался в кругу членов тайного общества самой видной фигурой. Намечая в «диктаторы» Трубецкого, «петербургская

„дума» мечтала, как и сам Трубецкой, о прибытии М. Орлова в Петербург к моменту выступления как его вождя и руководителя. Однако сам Михаил Орлов после деятельного участия в формальной ликвидации «союза благоденствия» вовсе отстранился от какого-либо участия в делах тайного общества, хотя и поддерживал личные отношения с его членами, был для них «своим» и держался прежних своих либеральных воззрений. Либерализм этот был весьма умеренный, в духе «союза благоденствия», отнюдь не революционного и склонного сводить практические задачи к «распространению идей свободы.., не разрушающих настоящего, но могущих приготовить лучшее будущее», по формуле самого же Орлова. К тому же Орлов с апреля 1823 года потерял прямую связь с войсками, будучи отрешен от действительной службы за свой «либерализм», проявившийся за время командования дивизией на юге в насаждении ланкастерских школ взаимного обучения, в борьбе против крайностей жестокой дисциплины и весьма активном участии в просветительной деятельности киевского отдела библейского общества. Он жил в Москве без дела — «состоящим по армии», ушел в частную жизнь и сторонился от всякой общественности, рассчитывать на него было самообманом. 16 декабря намеченного собрания с участием Орлова не состоялось. Повидимому (показания об этих днях довольно-таки сбивчивы[1]), Фонвизин попал к Орлову только вечером и привез ему письмо И. Пущина к Семенову; Орлов письмо прочел и тут же сжег. Сообщив Якушкину, что Орлов предупрежден, Фонвизин поручил ему заехать за Орловым и привезти его к Митькову на следующий день. 16-го в Москву уже стали приходить вести о петербургских событиях, к вечеру был получен и манифест Николая, — прежде всего по морскому ведомству, раньше чем получил его генерал-губернатор и раньше прибытия не только Комаровского, но и курьера, посланного военным министром. Уже ночью с 16-го на 17-е к архиепископу Филарету явился священник из церкви у Сухаревой башни, где

---

[1]) Сбивчивость эта, отчасти намеренная, чтобы снять с М. Орлова обвинение в «недонесении» об умысле, ему заранее известном, по крайней мере у самого Орлова; ср. сопоставление дат у В. И. Семевского в статье о Фонвизине: «Общественные движения в России в первую половину XIX века», т. I, «Декабристы», стр. 48 — 49. У Семевского выходит, что Фонвизин и Якушкин были у Орлова в один и тот же вечер 17-го, что явно ошибочно. Орлов отнес визит Фонвизина на вечер 17-го, а о разговоре с Якушкиным и другими вовсе не упомянул. 19-го или 20-го, по словам Орлова, ему Ипп. Муравьев сообщил о письме Трубецкого, которым тот звал Орлова в Петербург, и о том, что он это письмо сжег. Оправдательная записка Мих. Орлова — у Довнар-Запольского «Мемуары декабристов».

помещалась морская команда, за разрешением приступить к присяге, так как у начальника есть-де на то печатный манифест. Филарет снесся с генерал-губернатором, но, не дожидаясь ответа, разрешил приступить к присяге, когда убедился в подлинности пред'явленного ему манифеста. Так с Сухаревой башни и началась присяга Москвы Николаю. А ответ генерал-губернатора был, что надо повременить, пока он сам получит официальные указания из Петербурга.

Под утро прибыл курьер. Он привез кн. Д. В. Голицыну письмо, которым Николай поручал ему, «приняв нужные меры предосторожности, приступить к распечатанию пакета, хранящегося в Успенском соборе, и по открытии оного приступить немедленно ко всем приличным торжеством к отданию ему присяги». Сообщалось Голицыну и о восстании, и о смерти Милорадовича, с предписанием разыскать Никиту Муравьева и доставить его «жива или мертва» к новому императору. Но письмо, хоть и «рескрипт», как называли собственноручные письма государей, не было документом, который можно было бы обнародовать, а печатные экземпляры манифеста не заменяли экземпляра основного, полученного генерал-губернатором от вступившего на престол императора. Все эти формальные затруднения разрешены были только приездом гр. Комаровского, который привез подлинный манифест и явился уполномоченным Николая для присутствия при вскрытии пресловутого «пакета» и дальнейших действий по новой присяге. Комаровский прибыл уже ночью с 17-го на 18-е; за ту же ночь наспех подготовили все нужное для предстоящего торжества, в том числе и отпечатание достаточного количества экземпляров манифеста для рассылки по всем церквам.

Конечно, уже 17-го по всей Москве распространились вести о происшедших в Петербурге событиях, о них толковали в собрании дворянства, о них сообщали по городу. Вечером Якушкин явился к М. Орлову, как сам рассказывает, со словами: «Ну что, генерал? все кончено?», на что Орлов ему ответил: «Как кончено? Это только начало конца». А между тем сам был в парадной форме, хотя и уверял, что для возможности уклониться от присяги сказался больным. Это и послужило ему предлогом к отказу ехать на совещание у Митькова.

Зато Якушкин встретил у Орлова штабс-капитана Измайловского полка Муханова, москвичам незнакомого, который мог рассказать подробности о происшествиях 14 декабря, и вместе с ним поехал к Митькову. Тут они застали М. Фонвизина, Нарышкина, Семенова и Нелединского-Мелецкого. О каком-либо выступлении и речи уже не могло быть. Муханов рассказывал, что знал о восстании и судьбе его участников, произносил горячие слова о том, что надо ехать в Петербург вы-

ручать товарищей, что надо убить Николая и в то же время, что необходимо поспешно уведомить «южное общество», чтобы оно себя ничем не обнаруживало. Муханов заплатил за резкие слова 12 годами каторги, но то была только вспышка горечи за погибавших, проявление больше товарищеского чувства, чем какого-либо политического замысла.

Утром 18 декабря собрались московские департаменты сената для того, чтобы выслушать манифест о восшествии на престол Николая и приложенные к нему оправдательные документы, а затем все военные и гражданские чины были собраны в Успенский собор. Тут Филарет торжественно вынес на голове из алтаря серебряный ковчежец, в котором хранились государственные акты, и, поставив его на стол перед алтарем, снял с него печать и вынул пакет, который, по освидетельствовании целости печати, был вскрыт; архиепископ прочел хранившиеся в нем акты Александра и Константина и затем благословил присутствующих со словами: «Разрешаю и благословляю». Присяга была проведена беспрепятственно.

В Петербурге всю эту сцену весьма одобрили. Сообщение о ней, полученное Николаем 21-го, сильно его успокоило. При дворе толковали о том, что в Москве «лучше взялись за дело, чем здесь». Только Филарету пришлось потом об'ясняться из-за нареканий, что он взял на себя «разрешать» от присяги, не ему принесенной, и в своем изложении московского присяжного действа подчеркнуть, что основанием для его действий было уничтожение силы прежней присяги отречением Константина. Но это была лишь незначительная формальная подробность. Николай, напротив, остался доволен «догадкою архипастыря».

Такие же успокоительные вести приходили из Варшавы. Константину манифест о восшествии на престол Николая был послан 13 декабря; получив его, он 21-го привел к присяге Варшавский гарнизон, обратившись к нему предварительно с речью на русском и польском языках. Сообщая в тот же день Николаю, что присяга прошла в порядке, он отмечает, что его речь была встречена не криками «ура», которых он вообще не допускал, считая их выражением каких-то настроений, вовсе неуместных в строю, а стройным и дисциплинированным «рады стараться». Через несколько дней письмом от 3 января 1826 года Константин сообщил, что присяга закончена по всем польским войскам и прошла также в полном порядке и спокойно. Постепенно приходили в Петербург донесения о «новой присяге» из разных областей. Тут при медлительности тогдашних сообщений, обычной торопливости в обращении к войскам и воззрении, что гражданское общество для

власти — дело второстепенное, происходили иной раз такие курьезы, что воинские части, давно присягнувшие Константину, уже переприсягали на имя Николая, а гражданские власти, получившие по своему ведомству распоряжение о присяге с значительным запозданием, только еще выполняли первую присягу, так как по их ведомству никто не брал на себя ее отменить. Но вся эта путаница, характерная для тогдашнего неслаженного управления, не вызвала сколько-нибудь серьезных недоразумений.

Только восстание Черниговского полка прорезало громовым ударом обывательское затишье страны после 14 декабря. Николай получил донесение об этом восстании 5 января, а 8-го о том, что и тут все кончено. С большой тревогой ждали известий с Кавказа; как поступит Ермолов, этот кавказский «проконсул», одинаково враждебный и Николаю и Константину; как отнесется к присяге его кавказкая армия. Николай писал Дибичу в Таганрог в тревожный для него вечер 12 декабря, когда из Варшавы «решительный курьер воротился», что он «послезавтра поутру или государь или без дыхания», и думал при этом не только о том, что произойдет в Петербурге, но и о том, что будет в России, что будет в армии, особенно же в Тульчине и на Кавказе. Дибичу он поручал послать на Кавказ под каким-нибудь предлогом надежного человека и вообще уведомлять обо всем, что вокруг происходить будет, «особливо у Ермолова», которому он «менее всех верит». Тревога была напрасной: борьба с Персией за господство в Закавказьи создала тут условия, мало пригодные для вовлечения армии во внутренние политические конфликты, и присяга кавказских войск завершила утверждение Николая на престоле.

Так закончилась «революция-выкидыш», по меткому выражению М. Н. Покровского, в истории которой центральное событие — день 14 декабря. Закончилась торжеством самодержавия, которое развернулось в течение следующих десятилетий в самых крайних своих проявлениях. Кое-кто из либеральничавших сановников того времени упрекал декабристов, будто они несвоевременным выступлением отодвинули Россию на много лет назад, как будто это выступление оборвало наметившееся при Александре I движение правительственной политики в сторону либеральных преобразований. В этом упреке была двойная ошибка.

Разрыв Александра I с мечтами о широких преобразованиях во всем строе империи — в ее социальных основах и политической организации — был вполне завершен к двадцатым годам; последние годы его правления отмечены решительным поворотом к националистическому

консерватизму и подавлению всякой общественной самодеятельности. Четверть века реакционной политики Николая Павловича — только продолжение последних лет александровского царствования. Связывать ее с впечатлением от 14 декабря не приходится. Напротив, само обострение относительной революционности в настроениях тайного общества было обусловлено явной безнадежностью расчетов на преобразовательную работу самой правительственной власти.

А с другой стороны, крушение попытки восстания было обусловлено тем же самым сдвигом в массовых интересах господствовавшего землевладельческого класса, которым определился и «перелом» правительственной политики в сторону реакции. Экономическая депрессия 20-х годов питала, конечно, общественное недовольство; но она же подтачивала корни его активности. Основные явления русской экономики конца XVIII и начала XIX века — усиленная тяга к расширению производства и его возможной интенсификации в добывающей промышленности и сельском хозяйстве, развитие промышленности обрабатывающей, позволяющее говорить о зарождении уже в эту эпоху элементов промышленного капитализма, при своеобразных сочетаниях крепостного хозяйства с промышленным предпринимательством — явления, обусловленные развитием спроса на русское сырье и русские полуфабрикаты за границей и крепнущим потреблением внутреннего рынка, породили в общественной и государственной жизни сильный уклон в сторону экономического и политического буржуазного либерализма. Но общественные корни этого движения не были ни широко раскинуты, ни глубоки и крепки. Само движение оказалось полным противоречий и колебаний. Нарождающейся крупной промышленности было тесно в рамках самодержавно-крепостнического строя, но исторически молодому русскому капитализму, еще не вышедшему из периода первоначального и хищнического по приемам накопления, была нужда в поддержке и покровительстве сильной государственной власти. Не имея силы захватить эту власть в свои руки, нарождающаяся русская буржуазия готова была примириться с самодержавием за цену такого покровительства. Борьба дворянской и купеческой фабрик, помещичьей и купеческой торговли тем более разлагала элементы буржуазно-прогрессивного общественного движения. И в среде самого землевладельческого класса были сильны элементы внутреннего антагонизма. Вторая половина XVIII века и первая XIX — время усиленной концентрации землевладения, роста крупных владений за счет мелких и средних; эта концентрация вызывалась общими условиями русской экономики этой поры в связи с тенденцией к усиленному насаждению промышленного

и торгового предпринимательства средствами крупных землевладельческих хозяйств. Этот процесс, недостаточно еще изученный и составляющий одну из очередных задач разработки так называемых «вотчинных» архивов, вносил значительные осложнения и противоречия в русское общественное движение первой четверти XIX века. Если он вскормил тип «либерального» землевладельца-магната, довольно впрочем редкий, то, с другой стороны, рост землевладения на окраинах империи, связанный с колонизацией слабо заселенных местностей, поддерживал экономическую ценность крепостного права в его худших проявлениях: скупки крестьян на своз и их эксплоатации в условиях экстенсивного, почти первобытного хозяйства. Среднее и мелкое дворянство, из среды которого вышло большинство декабристов, в массе своей также не поддержало движения. Придавленное в бытовых своих интересах экономическим кризисом, особенно обостренным в 20-х годах падением хлебных цен на международном рынке, оно остро переживало понижение доходности имений, теряло свое благосостояние и положение, не выдерживало напора крупных землевладельческих сил и ощущало уход почвы из-под ног. Если этот процесс порождал среди наиболее сознательных и просвещенных элементов данного класса острое настроение недовольства и стремление к коренным преобразованиям политического и социального строя, то в массе только усиливал страх перед новшествами, перед грозящим, казалось, переходом к новым формам хозяйства, на которые, при отмене крепостничества, не хватит ни средств, ни технических навыков. Для экономически-ослабевших и культурно-низких помещичьих хозяйств частичная продажа людей без земли служила слишком часто хозяйственным подспорьем, а привычные приемы крепостного хозяйства — даровая барщина и усиленный оброк — оставались наиболее надежным способом пережить трудные времена и сохранить основу своей обеспеченности. «Удручение земледельческого состояния» и «пренебрежение дворянством» выступают определенно среди причин общественного недовольства в показаниях декабристов; но только среди незначительного меньшинства их класса вырастало на почве переживаемого социально-экономического кризиса сознание, что кризис этот явление не временное и случайное, а показатель процесса, который ведет к сдвигу с крепостнических основ всего быта и строя к буржуазному типу всех производственных и общественных отношений. Большинство дворянства осталось консервативным и дало опору — на несколько десятилетий — правительственной реакции. Победа самодержавия была победой крепостничества, и его идеологи заговорят в николаевское время словами графа Уварова: «Вопрос о кре-

постном праве тесно связан с вопросом о самодержавии; это две параллельные силы, которые развивались вместе; у того и другого одно историческое начало и законность их одинакова», и сделают отсюда политический вывод словами кн. Васильчикова: «Власть помещичья необходима для поддержания власти самодержавной».

Однако трещины в самодержавно-крепостническом строе были слишком глубоки и слишком отчетливо вскрыты движением декабристов, чтобы оно прошло бесследно. Если оно не заглохло, возникши в дворянской землевладельческой среде, а дошло до попытки восстания, то потому, что захватило нарождавшийся в недрах старого строя новый общественный элемент — мелкую буржуазию и неотделимую от него деклассированную интеллигенцию. Политические процессы конца двадцатых и тридцатых годов [1]) вскрывают черты продолжающегося в этой среде революционного брожения, связывающие непрерывной традицией движение декабристов с «заговором» петрашевцев и со всем далее нараставшим русским революционным движением.

Не осталось 14 декабря 1825 года без влияния и на правительственную политику.

Систематический свод показаний декабристов «о взгляде их на внутреннее состояние государства», составленный правителем дел следственной комиссии А. Д. Боровковым преимущественно из ответов Батенкова, Штейнгеля, Ал. Бестужева и Перетца — остался у Николая настольным пособием, а списки его были переданы Константину Павловичу и председателю государственного совета Кочубею. Составитель отметил в своих «автобиографических записках» [2]), что ему приходилось наблюдать влияние своего свода «в разных постановлениях и улучшениях, выходящих с того времени». Он же передает и сообщение Кочубея, что Николай часто просматривал этот свод и «черпал в нем много дельного», как и сам Кочубей «часто к нему прибегает». Свидетельство Боровкова заслуживает полного внимания. Оно находит значительное подтверждение в «Полном собрании законов» за первые годы николаевского царствования и в материалах так называемого «Комитета 6 декабря». Самое учреждение в конце 1826 года этого секретного комитета для пересмотра основных вопросов государственного устройства и управления, а также положения и прав отдель-

---

[1]) Ср. указания, подобранные в статье М. А. Цявловского: «Эпигоны декабристов» в «Голосе Минувшего» за 1917 год, кн. 7—8.

[2]) «Русская Старина», 1898 г., ноябрь. В архивных материалах сохранились разные редакции этого свода, не вполне совпадающие с текстом, изданным в составе «Записок» Боровкова.

ных сословий было своеобразным откликом николаевского правительства на движение декабристов. В основу работ комитета были положены предположения и проекты о разных преобразованиях, намеченных при Александре I, и указания на неудовлетворительное состояние разных сторон существующего государственного порядка и общественных отношений в отзывах о них декабристов. Кочубею был вручен экземпляр свода, составленного Боровковым, как председателю не государственного совета, а именно «Комитета 6 декабря».

Закончив расправу над декабристами посредством «комиссии для изысканий о злоумышленных обществах» и «верховного уголовного суда», Николай далеко не исчерпал своего расчета с ними. Память о декабристах жила не только в общественной среде, как память о первых борцах против устарелого строя. Она не давала покою и носителю самодержавной власти. Он сам руководил розыском и расправой по их делу, сам рассудил их через подставной «верховный уголовный суд» и осудил заранее подготовленным приговором, и сам остался на всю жизнь их подозрительным и жестоким тюремщиком; следил за каждым их движением в далекой ссылке, получал донесения о подробностях их быта и поведения, решал — и всегда сурово — вопросы, даже очень мелкие, касавшиеся судьбы их самих и их семейств. Не с 19-м ноября (день смерти Александра) и не с 12-м декабря (дата манифеста о принятии Николаем власти), а с 14-м декабря связал Николай годовщину своего восшествия на престол: он твердо запомнил, что только победа этого дня укрепила за ним власть. «Друзья декабристы» вспоминались ему при каждой встрече с проявлениями общественного недовольства правительственной властью.

С войсками, с гвардией он внешне помирился. Но прошло немало лет. В юбилейный день двадцатипятилетия — 14 декабря 1850 г. — Николай призвал во дворец офицеров полков своего шефства: Преображенского, Семеновского и Лейб-гренадерского и сказал последним: «С с е г о д н я ш н е г о д н я у меня на сердце не осталось ни капли прошедшего», ввиду стольких лет их «примерной службы».

Было бы ошибкой об'яснять такую злопамятность Николая только личными его свойствами. Причины тому лежали много глубже. Показания декабристов выяснили ему источники революционного движения в назревавших запросах самой жизни, которая перерастала старые формы социального и политического строя. Николаевское правительство сознательно обманывало себя и пыталось других обмануть, когда выступило в манифесте по поводу приговора над декабристами с утверждением, что все это движение — нечто наносное с Запада, а на русской почве — случайное, и что «происшествия, смутившие покой России,

миновались навсегда и невозвратно». Тот же манифест признает, что тщетны будут все усилия правительств без поддержки общественной массы, и взывает к дворянству, как «ограде престола» на защиту «порядка, безопасность и собственность его хранящего».

Это и звучало и было определенной социально-политической программой. Николай утверждает свою власть на самодержавно-крепостнической основе. Но впечатления 14 декабря и всего розыска над декабристами безнадежно отравили его сознание самодержца явственной картиной ненадежности этой основы и ее разложения. Борьба с общественным движением, которое дошло было до революционной вспышки и, подавленное, неизбежно в силу об'ективных условий, тлело под пятой устарелого режима, стеснявшего развитие всей жизни страны, стала основной задачей самодержавной власти. Она напрягает всю силу, чтобы остановить поступательное движение этой жизни и сохранить свои изживаемые основы, но сама же идет, по необходимости, на уступки потребностям времени — в покровительстве торговле и промышленности, росту капитализма в народном хозяйстве, и обсуждает в бесконечном ряде «секретных комитетов» назревшие преобразования с мечтой найти такой выход, чтобы сохранить свое господство и свою социальную базу при удовлетворении — в неизбежном только минимуме — требований жизни, рвущей устарелые путы крепостного хозяйства и самодержавно-бюрократического властвования.

Исторический день 14 декабря 1825 года вскрыл коренные противоречия русской действительности, преодоления которых русская жизнь ищет в течение долгого ряда десятилетий. Половинчатые реформы шестидесятых годов, которые удовлетворили бы большинство членов «северного общества», были только промежуточным этапом этих исканий, нашедших свое разрешение через сотню лет — в великой русской революции наших дней.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ.

При восстановлении картины событий, разыгравшихся на Сенатской (Петровской) площади 14 декабря 1825 года, встречаются затруднения не от недостатка, а, напротив, от большого обилия свидетельств, которые во многих подробностях расходятся и противоречат друг другу. Первые краткие сообщения об этих событиях были напечатаны 19 и 29 декабря 1825 года в «Русском Инвалиде», №№ 300 и 305; они перепечатаны в издании Б. Базилевского «Государственные преступления в России в XIX веке» и в журнале «Всемирный Вестник» 1905 г., № 1; а первое из них — также в «Русском Архиве» 1881 г., кн. 2 и в приложениях к книге Шильдера «Император Николай Первый», т. I. Официальные сообщения эти дают только внешнюю, общую схему происшествий в казенном стиле.

Дальнейшие более подробные сведения дают записанные в разное время воспоминания участников и свидетелей. Этот материал можно разделить на группы источников, с одной стороны, по времени написания: тотчас после событий или много позднее, а с другой, — по происхождению: из правительственной среды, из среды восставших и от сторонних наблюдателей. Все эти свидетельства весьма пестрого состава: часть данных записана по личным сведениям писавшего очевидца, часть — по слухам и сообщениям третьих лиц, притом в суб'ективной окраске — с подчеркиваниями и преувеличениями или с умолчаниями — особенно в рассказах официальных лиц, но также и в среде участников восстания. Подробности событий часто переданы в искаженном виде, с явной тенденциозностью или с невольной путаницей, неизбежной при записи воспоминаний о пережитом в состоянии нервного напряжения и в обычной «суматохе нечаянных случаев».

Свою особую ценность имеют записи, сделанные наспех под свежим впечатлением происшедшего. Такие записи имеем, конечно, только от лиц из правительственной среды. Обе императрицы — Мария Федоровна и Александра Федоровна — вели дневники за дни междуцарствия, подготовляемые Центрархивом к изданию, но в них не могли дать чего-либо существенного для самого дня 14 декабря. Вел дневник и секретарь Марии Федоровны Г. И. Вилламов; дневник издан в «Русской Старине», 1899 года, кн. 1 и 2, и полезен для выяснения перипетий междуцарствия и некоторых второстепенных черт дня восстания. Основной материал для истории междуцарствия — в переписке между Петербургом, Таганрогом и Варшавой — издан в приложениях к книге Корфа в «Русской Старине», 1882 г., кн. 7-я в «Сборнике Русск. Историч. Общества», т. CXXXI и в приложениях к книге Шильдера

«Имп. Николай I»; в «Сб. Р. Ист. Общ.» т. XX—записки государств. секретаря А. П. Оленина; ряд дополнительных данных в мемуарах разных лиц. Материалы по библиографии «Междуцарствия» подготовляет к печати Е. В. Сказин, который издал в «Вестнике Коммунистической Академии», кн. 10, свод материала «К библиографии восстания 14 декабря 1825 г.».

Первым, кто начал собирать материал для истории восстания декабристов, был сам имп. Николай. Дело было поручено статс-секретарю барону М. А. Корфу и завершилось изданием его книги «Восшествие на престол императора Николая I»; после двух изданий, не вышедших за границы правящей среды, появилось третье — «первое для публики» — в 1857 году, одновременно с амнистией декабристам, пережившим каторгу и ссылку, как противоядие их популярности. Как источник сведений о междуцарствии и восстании, труд Корфа совсем неудовлетворителен. Помимо приторной и лакейской риторики придворного человека, мертвящей и искажающей все освещение событий, книга Корфа содержит множество фактических ошибок и искажений, частью связанных с ее официозной тенденцией, частью даже независимых от нее, просто по неумелости и небрежности автора в собирании и проверке сведений. Если книга Корфа имеет все-таки некоторую цену, то разве потому, что он использовал, хотя и плохо, довольно большой, им собранный материал. Материал этот сохранился в архиве самого Корфа, который хранился в архиве «Библиотеки Зимнего дворца», и в настоящее время находится в «Особом отделе Архива Октябрьской революции» в Москве. Собирая сведения преимущественно расспросом очевидцев, Корф работал под прямой редакцией Николая: докладывал ему по частям свои наброски, а затем и весь постепенно слагавшийся текст, а Николай делал на полях свои заметки и дополнения, далеко, впрочем, не полно использованные в окончательной редакции книги Корфа и то обычно в искажающей их стилизации. А заметки Николая часто такие: «справедливого много, но с прикрасами», «это не справедливо» или «это одна выдумка, и похожего ничего не было» и т. д. Николай и сам записал свои воспоминания о пережитом в декабре 1825 года, также для Корфа. Основные тексты изданы в журнале «Былое», 1907 г., кн. 10 и в «Красном Архиве», т. VI (1924 г.); но много отдельных его заметок и записей разбросано на рукописях Корфа и на других очерках этих событий; желательно было бы их собрать в одно издание, так как в них немало любопытных фактических указаний и характерных замечаний [1]). Записал Корф и рассказы Михаила Павловича; наиболее связный издан по копии в журнале «Минувшие Годы», 1908 г., кн. 10. В бумагах Корфа — ряд записей-свидетельств и Михаила Павловича и других лиц из военно-придворной среды.

Некоторые из очевидцев составили и самостоятельные обзоры пережитого и виденного. Граф Толь, вернувшись из Петербурга к месту службы, записал 22 декабря 1825 года, как и отметил на рукописи, фактически-подробный рассказ о событиях, в которых принимал такое деятельное участие; запись его издана дважды: в 1898 г. военно-ученым комитетом главного

[1]) Заметки Николая I на рукописях Корфа см. в выпущенном Центрархивом РСФСР сборнике: «14 декабря 1825 г. в мемуарах и переписке членов царской семьи». Лен. 1926.

штаба, и в 1910 г. — внуком автора, под заглавием — «Журнал ген.-ад. гр. Толя о декабрьских событиях 1825 года». Барон В. Р. Каульбарс, по прочтении книги Корфа, снабдил свой дневник за 1825 год примечаниями о тех ее местах, где нашел действительные события в более или менее извращенном виде; эти выдержки из его дневника с примечаниями изданы в 1880 г. в русском переводе с немецкого оригинала полк. Штакельбергом под заглавием «Конная гвардия 14 декабря 1825 года; из дневника старого конногвардейца». Отчетливые показания находим и в «Записках Е. Ф. Комаровского», СПБ, 1914. Характер записи рассказов очевидцев имеют сообщения о 14-м декабря в истории отдельных полков гвардии: эти рассказы многое уясняют во внешнем ходе событий (список их у Е. В. Сказина). Ряд свидетельств таких очевидцев-участников (в том числе таких, как Сухозанет, Бенкендорф и др.) разбросан в разных сообщениях, воспоминаниях и поправках к ним по историческим журналам. Обзор их — большое библиографическое задание, к которому и Е. В. Сказин приступил, так сказать, еще только начерно.

в) Свидетельства участников восстания имеем в двух видах: в их показаниях на допросах «следственной комиссии» и в их мемуарах. Следственный материал издавался до сих пор отрывочно и случайно: «Мемуары декабристов» Довнар-Запольского, Киев, 1906, издание, в котором, вопреки заглавию, изданы материалы, извлеченные из следственного дела; «Из писем и показаний декабристов» Бороздина, СПБ, 1906; «Декабрист Пестель перед «Верховным уголовным судом» Павлова-Сильванского, и др. Теперь Центрархив приступил к систематическому изданию: «Материалы по истории декабристов. Восстание декабристов. Дела «Верховного уголовного суда» и «следственной комиссии», касающиеся государственных преступников». Богатый материал для изучения движения декабристов в его идеологии и организации дает сравнительно немного для восстановления фактической стороны декабрьских дней и специально — дня восстания. Обширная литература мемуаров декабристов также лишь в небольшой части касается событий рокового дня, несколько больше — декабрьских дней вообще. На первом месте тут: «Воспоминания братьев Бестужевых» (под. ред. П. Е. Щеголева, П. 1917); «Записки декабриста» бар. А. Е. Розена (под ред. П. Е. Щеголева, П. 1907); «Записки князя С. П. Трубецкого» (издание его дочерей, ред. Свербеева, П. 1906). Трубецкой оставил записки, не приведя их в порядок; сопоставление их издания с подлинной рукописи (Свербеевского) с заграничными — Лондон 1863 и Лейпциг 1874 — оставляет впечатление, что их редакция стоила бы пересмотра, тем более, что при издании нет описания рукописей; «Воспоминания А. П. Беляева», СПБ, 1882.

Мемуарная литература обычно мало надежна для фактической точности, особенно когда касается напряженного, бурного течения событий; в тексте приходилось выше указывать на некоторые характерные аберрации памяти у Михаила Бестужева. Вообще конкретные черты этих событий выясняются только сопоставлением ряда разрозненных и противоречивых свидетельств, проверяемых на наличных условиях обстановки и каждого данного момента; аргументировать все подробности изложения можно было бы только во множестве примечаний, об'ем которых перерос бы, пожалуй, само изложение.

В исторической литературе наиболее обстоятельные изображения находим у Шильдера в I томе его книги «Император Николай I» и у Довнар-Запольского в статье «Декабрьская революция 1825 года» («Голос Минувшего», 1917 г., кн. 7—8); оба не дают отчетливого представления об общей картине событий и соотношении их моментов. Много сделал для уяснения хода восстания военный историк Г. С. Габаев, разработавший для этого значительный архивный материал; им составлена и схематическая карта к описанию дня 14 декабря, которая находится в Историко-революционном музее Ленинграда. Его работа «Гвардия в декабрьские дни 1825 г.», печатаемая ниже, дает разбор восстания декабристов с военно-исторической точки зрения. Автор этого очерка весьма обязан Г. С. Габаеву за разрешение использовать собранный им материал и приносит ему за это большую свою признательность.

Г. С. ГАБАЕВ

ГВАРДИЯ В ДЕКАБРЬСКИЕ ДНИ 1825 ГОДА

(Военно-историческая справка.)

От составителя.

В довольно обширной литературе о восстании 14 декабря 1825 г. наименее разработана и отчетлива военная сторона этого события. Настоящая справка отнюдь не претендует на систематическое исследование этого вопроса; она служит только дополнением военно-исторического и отчасти справочного характера к основному тексту А. Е. Преснякова и построена по следующему плану: Глава I. Обзор общего состояния гвардии к концу 1825 г.; основы организации и пополнения; настроения гвардейской офицерской и солдатской среды и взаимоотношения их с династией и высшим генералитетом. Глава II. Организация, состав, расквартирование и вооружение петербургских частей гвардии к концу 1825 г.; перечень отдельных войсковых частей, их группировка по войсковым соединениям, состав, вооружение и стоянка каждой части. Глава III. Разделение петербургской гвардии на два враждебных стана с возможно точным учетом состава и сил обеих сторон. Руководители и деятели этих сторон. Глава IV. Потери ранеными и убитыми с обеих сторон. Кары, наложенные на восставших, и награды правительственным войскам. Глава V. Краткий военный разбор вооруженного столкновения сторон 14 декабря, как попытка разобрать с военной точки зрения события 14 декабря как боевое столкновение. Краткий разбор деятельности вождей, штабов, связи, состава, организации, вооружения и снабжения сторон, планов действий и их выполнения как в отношении сосредоточения сил, так и их боевого применения.

К сожалению, не оказалось возможным уточнить в желаемой степени некоторые из приводимых данных как при детальном подсчете сил, так и в отношении данных об отдельных лицах.

К справке прилагаются два плана: А) Петровской площади с показанием распределения войск к заключительному моменту столкновения 14 декабря и Б) Петербурга с показанием казарм гвард. частей и пути их следования к сенату и дворцу.

При составлении очерка в основу было положено стремление к беспристрастному и спокойному отношению к сторонам, рассматривая их действия не с политической, а с военной точки зрения, по возможности учитывая особенность эпохи и психологию участников событий.

Приводимые данные являются результатом кропотливых изысканий как в печатном материале, так и в архивном. Из печатных источников использованы исторические труды по организации армии, полковые истории гвардейских частей, многочисленные мемуары участников, опубликованные мате-

риалы «следственной комиссии» и «верховного суда», «алфавит декабристов», общие основные труды по истории 14 декабря, «некрополи» и другие справочные издания. Перечень источников из экономии места не дается, так как по библиографии декабристов имеется достаточно трудов. По истории организации армии и по полковым историям достаточно полные библиографические данные имеются в трудах А. И. Григоровича «Перечень историй и памяток войсковых частей», изд. 1909 и 1913 г.г. и «Опыт руководства к составлению полковых историй», 1915 г.

Из архивных материалов 1825 и 1826 гг. использованы приказы высочайшие, центральных военных органов, по гвардейскому корпусу и по некоторым из гвардейских частей, списки, расписания, а также сравнительно необильный материал о 14 декабря в делах бывш. штаба гвардейского корпуса. Характер краткой справки, а не специального научного исследования, не позволил провести здесь ни детального обоснования каждого сведения ссылками на источники, ни критического разбора данных в случае противоречивых указаний разных источников. Составителю пришлось ограничиться детальным изучением довольно обширного материала, оказавшегося в его распоряжении, систематическим подбором и сопоставлением данных с тем, чтобы вынести из этого определенное представление о фактической стороне, которое и предлагается в настоящей справке.

Приводимый материал отнюдь нельзя считать окончательным и непогрешимым. Задача справки — облегчить первоначальное ознакомление с военной стороной событий 14 декабря и помочь дальнейшему углублению изучения вопроса.

Составитель считает своим долгом выразить искреннюю признательность профессору А. Е. Пресникову, А. А. Сиверсу, А. В. Шебалову и П. П. Потоцкому за любезно сообщенные сведения и представленные редкие и ценные исторические материалы и С. Г. Розен за неустанное, вдумчивое сотрудничество в работе, без которого она не могла бы быть исполнена.

Г. Габаев.

I.

Общий обзор состояния русской гвардии к концу 1825 г.

Рассматривая вооруженное столкновение, в которое вылились внешним образом события 14 декабря 1825 г. в Петербурге, нельзя не учесть, что действующими лицами с обеих сторон явились почти исключительно, как тогда их назвали бы, „чины императорской российской гвардии". Русская гвардия того времени имела совершенно определенные организацию и состав и во многом отличалась от прочих частей русской вооруженной силы. События 14 декабря могли вылиться в те формы, в которых они протекли, лишь при определенном составе, организации и настроениях тогдашней петербургской гвардии. Поэтому здесь уместно дать краткую сводку данных об общих основах организации и состава гвардии императора Александра I, оставленной им в наследие своему преемнику.

Гвардия, как вид военной организации, являлась одновременно и отрядом телохранителей главы государства — дворцовой стражей и отборною частью войска — последним решающим резервом на поле сражения, образцом для организации и обучения прочих войск, а также рассадником и школой командного состава всего войска. Первыми частями русской гвардии были петровские „потешные" — Преображенский и Семеновский полки и Бомбардирская рота. Анна Иоанновна добавила полки — Измайловский и Конный. В этом составе гвардия оставалась до Павла, если не считать мелких команд казаков, гусар и егерей, основанных при Екатерине II. Павел I, влив своих намуштрованных гатчинцев в состав избалованных и распущенных екатерининских гвардейцев, с настойчивостью и даже жестокостью добился стройной организации и доведенной до тонкости вымуштрованности своей гвардии. Что касается ее состава, то при Павле он увеличился не так значительно. Небольшие команды кавалергардов, гусар, казаков, артиллеристов и егерей были развернуты и получили законченную строевую организацию в виде Кавалергардского, Гусарского и Казачьего полков и Артиллерийского и Егерского батальонов.

Главным, хотя внешне и мало отмеченным, преобразованием характера гвардии к началу XIX века явился окончательный отказ от комплектования общего солдатского состава гвардии дворянской молодежью, будущими армейскими офицерами, и предъявление к гвардейскому солдату

не только всех требований, обычных для армейского, но даже значительно повышенных и более строгих.

Свержение Павла не изменило систему. Его сыновья всецело унаследовали болезненную страсть отца к плац-параду, муштре и трынчикам и с увлечением предавались личной муштровке войск. Главным объектом этой мучительной плац-парадной выучки являлась, конечно, гвардия, лично руководимая как августейшими инструкторами, так и пересаливавшими в своем стремлении им угодить помощниками, среди которых история запечатлела такие фигуры, как Аракчеев и герой семеновской истории Шварц.

В первую половину царствования Александра еще сказывалось смягчающее течение, особенно яркое в его шефском Семеновском и в Кавалергардском полках, рассадниках будущих декабристов. Если изменился со времен Павла солдатский состав гвардии, то среда гвардейских офицеров оказалась более устойчивой. Правда, в гвардию влилось немало офицеров гатчинского типа, особенно балтийцев, но господствовал все же еще тип гвардейского офицера-барича, воспитанного, отчасти, в екатерининских традициях дворянского достоинства и независимости и еще более в духе энциклопедистов и идей „Прав человека", завещанных французской революцией и широко разнесенных по барским усадьбам конца XVIII века французами-педагогами, своего рода маленькими Лагарпами.

Крутая реакция правительства после 1814 г. сильно отразилась на военном обиходе и особенно на обучении и быте гвардии. Усилились разрыв, недоверие и затаенная враждебность правительства и гвардейского начальства, с одной стороны, и гвардейской офицерской массы, с другой. Стремление правительства тверже забрать в руки гвардию путем замены прежних просвещенных и популярных командиров гвардейских полков грубыми, исполнительными и нерассуждающими фронтовиками аракчеевской школы не дало желаемых результатов.

История 1820 г. в Семеновском полку, выведенном из терпения грубостью и жестокостью командира нового типа, Шварца, раскассирование этого любимого полка Александра, рассылка в армейские полки семеновских офицеров, внесших в них революционные искры, вывод гвардии из Петербурга в Виленскую губернию на длительный 15-месячный политический карантин в 1821—1822 г.г. и закрытие масонских лож, наполненных гвардейским офицерством, — лишь придали новую энергию движению и загнали его в подполье, дальше от глаз правительства.

Так было с офицерством. Что касается гвардейских солдат, то и они по составу и подбору, а в особенности по условиям службы значительно отличались от армейских. После наполеоновских войн были проведены новые правила комплектования гвардии отборными солдатами армейских полков по очень сложной системе. Наиболее заслуженные в боях, лучшие по поведению и видные солдаты армейских полков ежегодно отбирались в гренадерские и кирасирские полки, и уже из этих отборных армейских полков лучшие солдаты отбирались в гвардию. Иногда допускался отбор прямо из армейских полков, из кантонистов и из рекрут. Отбор самый тщательный производился как специально посылавшимися доверенными гвардейскими офицерами, так и самими командирами армейских полков

под строжайшей их ответственностью. Прибывавшие на пополнение гвардии солдаты осматривались и проверялись лично государем или великими князьями. Признанные неудовлетворительными нередко отсылались обратно за счет командира, а неудачный выбор мог испортить всю карьеру такого начальника.

Естественно, что к концу 1825 г. солдатский состав гвардии представлял редкий подбор наиболее заслуженных ветеранов, проделавших войны с Наполеоном, Турцией и Финляндией.

На настроение солдатских масс гвардии громадное влияние оказал ряд общих причин, а именно:

а) Почти непрерывные походы 1805—1815 годов, постоянное соприкосновение, в лице и союзников и противников, с войсками и населением, жившими в иных, нередко более мягких, гуманных и заманчивых условиях.

б) Разочарование в несбывшихся надеждах войск и народа на улучшение и льготы после колоссальных напряжений указанного десятилетия.

в) Явное и обидное предпочтение, отдаваемое иностранцам, более льготные условия службы польской армии с 7-летним сроком службы вместо русского 25-летнего и освобождение Финляндии от набора рекрут.

Кроме этих причин, общих для всей армии, действовали и причины, специфические для самой гвардии, а именно:

г) Близость ко двору и высшим сановным кругам гвардейского офицерства, разговоры и настроения которого доходили до гвардейских солдат и держали гвардию в курсе многих событий и течений, не доходивших до армейских масс в провинцию.

д) Непосредственная тягость первых, наиболее жестких проявлений реакции и нового расцвета аракчеевщины, хотя бы, например, в смене гуманных командиров типа семеновского Потемкина печальной памяти Шварцами.

е) Неизбежное разочарование армейских солдат, переводимых в гвардию. Жизнь в столице, близость двора, сокращение срока службы (22 года вместо 25-ти), более красивое обмундирование и несколько повышенное жалованье не искупали неудобств, с ними связанных. Столица и двор требовали усиленной службы и подтянутости; близость высшего начальства и красивое обмундирование — больших забот о поддержании последнего в исправности и щеголеватости, что требовало даже расходов от солдат.

Но главной тягостью являлась усиленная муштра и наряды в караулы и самая тягость и строгость караульной службы. Караулы поверялись высшим начальством до государя включительно, а караулам предшествовали парадные разводы с придирчивыми смотрами Александра, великих князей и высшего генералитета. Вместо зимнего полуотдыха большинства армейских полков при расположении „на широких квартирах“ по деревням, большая часть гвардии проводила зиму в казармах, на глазах начальства. Таким образом почетный перевод в гвардию отравлялся тягостью гвардейской службы.

ж) Непосредственная муштровка государем и великими князьями и вызывавшееся этим усиленное обучение прочими начальниками с массой жестоких наказаний не могли не вызывать недовольства и не подрывать

традиционного обаяния царя и царской семьи, которое могло сохраняться неприкосновенным в отдаленных армейских полках.

Указанные причины создавали почву для событий, разыгравшихся 14 декабря, но руководители восстания использовали не ее, а верность присяге Константину.

За период наполеоновских войн и, отчасти, в подражание мощной наполеоновской гвардии, Александр I развернул свою гвардию до внушительного состава сильного боевого „Гвардейского корпуса“ из двух дивизий пехоты (по 4 полка и специальному батальону) и 2-х дивизий кавалерии (кирасирской в 4 полка и легкой из 5 полков и специального дивизиона) с соответствующей мощной артиллерией. Эти отборные войска стояли в Петербурге и его окрестностях. Кроме того при цесаревиче Константине в Варшаве стоял „Резервный корпус“ из гвардейских частей королевско-польской армии, учрежденной в 1815 г., и Литовского корпуса, учрежденного в 1817 г. в составе „Пехотной сводно-гвардейской и гренадерской дивизии“ (1 полк польской гвардии, Гренадерский, и 2 литовской гвардии: Литовский и Волынский, 2 гренадерских и 1 карабинерный Литовского корпуса) и гвардейской кавалерийской дивизии (из гвард. полков 3-х литовских—Уланского цесаревича, Подольского кирасирского и Гродненского гусарского и 1-го польского Конно-егерского) с соответствующей артиллерией и саперами (в том числе Литовск. гв., батар. арт. рота № 5 и конно-легкая батарея № 3 и польская конно-батарейная батарея).

Кроме полков старой гвардии, офицеры которой с Петра имели старшинство двух чинов, а солдаты — более высокие оклады, Александр I, по примеру Наполеона, учредил молодую гвардию (со старшинством одного чина у офицеров). К числу частей молодой гвардии относились: переведенные в 1813 г. в гвардию за отличие в отечественную войну полки л.-гв. Гренадерский, Павловский и Кирасирский и вновь сформированный в Версале в 1814 г. л.-гв. Конно-егерский полк. Из варшавской гвардии к числу молодой принадлежала вся польская гвардия (Гренадерский и Конно-егерский полки и конно-батарейная батарея), а из литовской гвардии лишь л.-гв. Гродненский гусарский полк. При составлении заново Семеновского полка в 1820 г., переведенным из армии, новым офицерам предоставлены на первое время права лишь молодой гвардии Все прочие гвардейские части принадлежали к числу старой гвардии а некоторые негвардейские части, состоявшие при гвардии (все учебные, 1-й конно-пионерный эскадрон, лейб-уральская сотня и лейб-кирасирский ее величества полк, а в Варшаве польские саперный батальон и ракетные части), гвардейских прав и преимуществ не имели. Точно так же старшинства в чинах перед остальными флотскими офицерами не имели офицеры гвардейского экипажа.

Верховным главой гвардии, как и всех вооруженных сил государства, являлся император, но относительно гвардии и в Петербурге такое главноначальствование проявлялось непосредственно и весьма реально. В Варшавской гвардии императора всецело замещал цесаревич. Ответственным начальником гвардии являлся командир гвардейского корпуса. Таковым,

с учреждения корпусов в 1812 г. был цесаревич Константин, но с 1814 г. он поселился в Варшаве и оставался лишь номинальным начальником петербургских частей гвардии. Таким же номинальным начальником был и генерал граф Ф. В. Сакен, главнокомандующий 1-й армией, к составу которой причислялся и гвардейский корпус. Фактически же начальником петербургских частей гвардии являлся официальный заместитель цесаревича, носивший звание „командующий гвардейским корпусом". На этой ответственной и видной должности сменяли друг друга такие заметные и популярные генералы, как граф М. А. Милорадович с 1814 г., И. В. Васильчиков с 1818 г. и Ф. П. Уваров с 1821 г. Только после смерти Уварова в конце 1824 г. был назначен бесцветный генерал А. Л. Воинов 1-й.

Среди начальников штаба гв. корпуса выделялся первый (в 1814—1819 г.г.) — гуманный и просвещенный ген.-ад. Н. М. Сипягин, организатор ланкастерских школ взаимного обучения при гвардейских полках, „Общества военных людей—любителей наук и словесности" при гв. штабе, литографии и типографии того же штаба и „Военного Журнала". С 1823 г. эту должность занимал ген.-м. А. И. Нейдгарт 2-й. (В промежуток начальниками штаба корпуса были: А. Х. Бенкендорф 1-й 1819—1821 г.г. и П. Ф. Желтухин 1821—1823 г.г.).

Командующий гв. корпусом в Петербурге фактически руководствовался непосредственными указаниями императора и отдавал в приказе по корпусу распоряжения государя, не запрашивая ни цесаревича, ни главнокомандующего 1-й армии.

Гвардейскими пехотными дивизиями в Петербурге командовали с марта 1825 г. великие князья: первою Михаил и второю Николай. Для руководства ими был приставлен ген.-лейт. К. И. Бистром, получивший при этом звание командующего всей пехотой гвардейского корпуса.

До этого, с 1818 г. великие князья командовали бригадами 1-й гвардейской пехотной дивизии, состоявшей под начальством И. Ф. Паскевича. Михаил Павлович командовал 1-й бригадой из преображенцев и семеновцев, а Николай Павлович 2-ю — из измайловцев, егерей и сапер. Весной 1825 г., при новых назначениях великих князей, перетасовали и полки так, чтобы только что названные полки остались под начальством тех же великих князей. Михаилу подчинили еще его шефских московцев, а также лейб-гренадер и гвардейских моряков, а Николаю—павловцев и финляндцев.

Из гвардейской кавалерии в Петербурге стояла 1-я бригада 1-й кирасирской дивизии (кавалергарды и конная гвардия), конно-пионерный дивизион (из лейб-гв. и 1-го конно-пионерных эскадронов) и часть лейб-казаков; кирасирской дивизией командовал ген.-ад. А. Х. Бенкендорф, а 1-й ее бригадой — ген.-ад. А. Ф. Орлов. Легкой кавалерийской дивизией командовал ген.-ад. А. И. Чернышов. Конно-пионерами командовал любимец вел. князя Николая полковник К. К. Засс.

Великие князья возглавляли и отдельные роды войск по специальностям. Наравне с ними такую же роль играл Аракчеев.

Цесаревич Константин с 1807 г. был генерал-инспектором всей кавалерии, а граф Аракчеев с 1803 г.— генерал-инспектором всей пехоты и артиллерии. С 1819 г. со вступлением вел. кн. Михаила в должность генерал-фельдцейхмейстера, управление артиллерией перешло к нему.

Вел. кн. Николай, с назначения в 1817 г. генерал-инспектором по инженерной части, руководил инженерным корпусом и инженерными войсками.

Если генерал-инспекторство Константина над кавалерией и Аракчеева над пехотой и артиллерией к 1825 г. сделалось номинальным, то управление молодых вел. князей артиллерией и инженерной частью было весьма действительное. Петербургские же части этих специальностей находились под непосредственным руководством великих князей.

Подшефные вел. кн. Николаю гвардейские саперы были предметом особых его забот, равно как и созданные по его почину и под его руководством 2 конно-пионерных эскадрона, учебный саперный батальон и Главное инженерное училище. Подобное же отношение вел. кн. Михаил Павлович проявлял к гвардейской артиллерии (2 бригады пешей и 1 конной артиллерии), учебной бригаде и Главному артиллерийскому училищу.

Стремление приблизить членов царской семьи к войскам выражалось не только по линии фактических назначений на высшие командные должности по гвардии и специальным войскам, но и назначением их шефами, т.-е. почетными начальниками, ряда полков, преимущественно гвардейских.

К концу 1825 г. члены императорской фамилии состояли шефами следующих полков и других частей:

Император Александр I	Л.-гв. Семеновского полка с 1796 г. Л.-гв. Преображенского, Кирасирского и Гренадерского полков с 1801 г. (преемственно после Павла). Польской гвардии: Гренадерского и Конно-егерского с 1818 г.
Цесаревич Константин Павлович	Петербургских полков л.-гв. гвардии: Конного с 1800 г. Уланского с 1803 г. Драгунского с 1809 г. Егерского и Финляндского с 1813 г. Полков Литовской гвардии в Варшаве. Л.-гв. Литовского с 1817 г. Волынского, Подольского, Кирасирского и Уланского цесаревича полков с 1818 г.

Кроме того, разновременно он получил звание главного начальника целого ряда военно-учебных заведений, а при Николае в 1826 г. — шефа л.-гв. Гродненского гусарского полка.

Вел. кн. Николай Павлович	Л.-гв. Измайловского полка с 1800 г. Северского конно-егерского п. с 1816 г. Л.-гв. саперного батальона с 1817 г. 5-го пионерного батальона с 1821 г. 1-го Егерского полка польской армии с 1821 г.

Вел. кн. Михаил Павлович	Гвардейской артиллерии с 1798 г. Переяславского конно-егерского полка с 1816 г. 1-го линейного (пехотного) полка польской армии с 1821 г. Л.-гв. Московского полка с 8 февраля 1824 г.

В приказе этого числа было объявлено: „По желанию е. и. в. цесаревича назначается е. и. в. великий князь Михаил Павлович вместо него шефом л.-гв. Московского полка“. (Константин Павлович уступил Московский полк, где он был шефом с 1815 г., любимому брату Михаилу. В 1800 г. по его просьбе Павел обменял шефскими полками Константина с малолетним Николаем, дав первому конную гвардию, а второму измайловцев.)

Императрица Мария Федоровна	числилась шефом лейб-кирасирского ее величества полка с 1796 г.
Вел. кн. Александр Николаевич	числился шефом л.-гв. Гусарского полка с 1818 г., т.-е. с рождения.

Типично, что в 1818 г. для того, чтобы почетную должность шефа лейб-гусар дать новорожденному вел. кн. Александру, с нее сместили заслуженного боевого шефа — графа Витгенштейна, а 19 декабря 1825 г. также поступлено было с графом Остерманом-Толстым при назначении семилетнего Александра шефом Павловского полка.

В кавалергардском полку со смерти Уварова в конце 1824 г. новый шеф не назначался до 1826 г., когда назначена императрица Александра Федоровна.

Из лиц, не принадлежавших к императорской фамилии, к концу 1825 в гвардии шефами состояли только 3 генерала: уже названный ранее гр. Аракчеев (в артилл. роте своего имени), Остерман-Толстой (в Павловском полку) и Васильчиков (в конно-егерском полку).

Таким образом к 14 декабря гвардия была связана с Константином не только как с императором, которому незадолго перед тем присягнула, но и как со своим корпусным командиром, хотя и номинальным, а из петербургских полков его шефскими являлись Конный, Егерский и Финляндский, драгунский и уланский и бывший шефский Московский. Николай был ближе к своим шефским частям: Измайловскому полку и Саперному батальону и — как генерал-инспектор — к прочим инженерным частям (Учебный саперный батальон и Конно-пионерный дивизион), как начальник 2-й дивизии — еще к егерям, финляндцам и павловцам.

Михаил, как фельдцейхмейстер, был ближе к гвардейской артиллерии, как шеф — к московцам и как начальник дивизии — к преображенцам, семеновцам, гренадерам и морякам.

События 14 декабря отчасти подтвердили предначертания лиц, распределявших шефство: подшефные и подчиненные части Николая не

выступали против него, а восставшие оказались из чужой ему 1-й дивизии Михаила Павловича.

Одним из объяснений того, что конная гвардия, стоявшая в 30 шагах от стрелявших по ней карре, понесла столь малые потери, современники считали уверенность восставших в том, что конная гвардия, имевшая шефом Константина, ждет только удобной минуты, чтоб открыто перейти на сторону восставших под знаменем их шефа.

II.

Организация, состав, расквартирование и вооружение войск гвардейского корпуса к концу 1825 г.

Как указано выше, к 1825 г. войска гвардии были сгруппированы около двух центров: Петербурга и Варшавы. Петербургская гвардия составляла Гвардейский корпус, и в его-то рядах разыгрались события 14 декабря 1825 г. Варшавская гвардия, из польских и литовских полков, составляла Резервный корпус войск цесаревича, и в ней аналогичные события разыгрались 18 ноября 1830 г.

В настоящей главе рассмотрен лишь Гвардейский корпус.

Пехота Гвардейского корпуса.

1-я Гвардейская пехотная дивизия.

1-я Гвард. пехотная бригада — полки л.-гв.:	Преображенский и Московский.
2-я " " " " "	Семеновский и Гренадерский и Гвардейский экипаж.

2-я Гвардейская пехотная дивизия.

3-я Гвард. пехотная бригада — полки л.-гв.:	Измайловский и Павловский и л.-гв. Саперный батальон.
4-я " " " " "	л.-гв. Егерский и Финляндский.

Во всех 4 пехотных бригадах первые полки, поступившие весной из бывшей 1-й Гвард. пехотной дивизии, именовались еще старшими, а вторые (из бывш. 2-й Гвард. дивизии) младшими.

Легкая Гвардейская кавалерийская дивизия.

1-я бригада — полки л.-гв.	Драгунский и Уланский.

2-я бригада — полки л.-гв. { Гусарский,
Конно-егерский

и при той же дивизии { л.-гв. Казачий полк с
л.-гв. Черноморским эскадроном,
лейб-Уральская сотня (не гвард.).

л.-гв. Конно-пионерный эскадрон
1-й Конно-пионерный эскадрон (не гвард.) } сведенные в Конно-пионерный дивизион.

Артиллерия Гвардейского корпуса.

Л.-гв. 1-я артиллерийская бригада { Батарейная, рота е. и. в. вел. князя Михаила Павловича (№ 1),
Батарейная рота № 2,
Легкая рота № 1.

Л.-гв. 2-я артиллерийская бригада { Батарейная рота генерала от артиллерии графа Аракчеева (№ 3),
Батарейная рота № 4,
Легкая рота № 2.

Л.-гв. Конная артиллерия.

Л.-гв. конно-батарейная батарея.
Л.-гв. конно-легкая батарея № 1.
Л.-гв. конно-легкая батарея № 2.

Кроме того, имелись еще л.-гв. батарейная рота № 5 и л.-гв. конно-легкая батарея № 3, но они стояли в Варшаве.

В состав Гвардейского же корпуса входил:

1-й Резервный кавалерийский корпус.

1-я Кирасирская дивизия.

1-я бригада — полки: { Кавалергардский,
л.-гв. Конный.

2-я „ „ { л.-гв. Кирасирский и
л.-Кирасирский ее величества (не гвард).

1-я Уланская дивизия (не гвардейская).

1-я бригада — уланские полки: { Владимирский,
Сибирский.

2-я „ „ „ { Оренбургский,
Ямбургский.

Артиллерийская бригада { Конная рота № 9,
Конная рота № 10.

В состав Гвардейского корпуса входили и не распределенные по дивизиям следующие части:

Лейб-гвардии гарнизонный батальон (в него переводились гвардейские солдаты, потерявшие способность к полевой службе).

Гвардейский жандармский полуэскадрон.

Гвард. фурштадтская бригада (4 батальона обоза).

Гвард. инвалидная бригада (15 рот инвалидов из гвард. солдат).

Гвард. берейторская школа (для подготовки инструкторов верховой езды).

Кроме этих штатных частей, существовали еще временные части учебного характера с переменным составом:

Школа гвардейских подпрапорщиков (для подготовки к офицерскому званию молодых дворян гвард. пехоты, по 24 от полка);

Гвардейский учебный образцовый батальон (4 роты из временно командированных) для введения однообразия обучения унтер-офицеров и рядовых полков гвардейской пехоты;

Школа фейерверкеров гвард. артиллерии.

При Гвардейском же корпусе состояли не гвардейские „учебные части", пополнявшиеся кантонистами и подготовлявшие унтер-офицеров, музыкантов и писарей для армии. Это были:

Учебный карабинерный полк (в ведении командующего гв. пехотой — 3 батальона);

Учебный кавалерийский эскадрон;

Учебная артиллерийская бригада (в ведении нач. гв. артиллерии — 2 батарейные и легкая роты);

Учебный саперный батальон (в ведении нач. инж. гв. корпуса — 4 саперных роты).

При Гвардейском корпусе состоял свой „гвардейский генеральный штаб" и свои „гвардейские инженеры", ведавшие и фортификационным делом и гвардейскими казармами.

Кроме гвардии и состоявших при ней частей, в Петербурге были части „Отдельного корпуса внутренней стражи" для охранной, конвойной и полицейской службы, а именно:

Санкт-Петербургский внутренний гарнизонный батальон,

Санкт-Петербургский жандармский дивизион.

Таков был состав единиц вооруженных сил в столице к 14 декабря 1825 года. Из этих-то единиц и руководители восстания и правительство выхватывали нужную им боевую силу. Вдали, под командой цесаревича, находилась варшавская гвардия.

Расквартирование гвардейских частей.

Все 8 гвардейских пехотных полков на зиму посменно высылали по одному батальону в окрестности и лишь два батальона размещались в петербургских казармах. К зиме 1825 года во всех 8 полках за городом были 3-и батальоны, а в казармах 1-е и 2-е. Из кавалерии в городе стояли кавалергарды, конногвардейцы и на окраинах лейб-казаки. (См. план.)

Артиллерия, саперы, конно-пионеры и гв. моряки были в городе.

Полки лейб-гвардии были размещены так:

Преображенский: 1-й батальон на Миллионной, рядом с Эрмитажем; 2-й на Кирочной, 3-й в Стрельне.

Семеновский: 1-й и 2-й б. на Загородном проспекте, 3-й в Павловске.

Измайловский: 1-й и 2-й б. на Измайловском проспекте, в „Ротах" и доме Гарновского, 3-й в Петергофе.

Егерский: 1-й и 2-й б. на Рузовской и на Звенигородской (тогда 5-я и 7-я линии), 3-й б. за городом.

Московский: 1-я и 2-я гренадерские и 4-я фузилерная роты в Семеновских казармах на Звенигородской, 1-я, 2-я, 3-я, 5-я и 6-я фузилерные роты и штаб полка в доме Глебова, на углу Гороховой и Фонтанки (проходные казармы); 3-й бат. в окрестностях Красного Села.

Гренадерский: 1-й и 2-й б. в Петровских казармах на Большой Невке, Карповке и Б. Вульфовой ул.; 3-й за городом.

Павловский: 1-й и 2-й б. на Марсовом поле, 3-й в Ораниенбауме.

Финляндский: 1-й и 2-й б. на Васильевском острове, 19 линия; 3-й б. в д. Гостилицах.

Кавалергардский полк — весь на Захарьевской улице.

Конный: 1-й и 2-й эскадроны в жандармских казармах на Звенигородской (тогда на 7-й линии), остальные 5 эскадронов и штаб полка на Конногвардейском бульваре.

Казачий: 1-й, 3-й и 6-й эскадроны были на льготе на Дону и к концу года собраны в Таганрог. Остальные эскадроны — 2-й, 4-й и 5-й, стояли на окраинах Петербурга: один в старых Гусарских казармах, на Рожке за Александро-Невской лаврой, два по обывательским квартирам в деревнях Смоленской и Волковой.

Л.-гв. Черноморский эскадрон в Кавалергардских казармах.

Л.-гв. Кирасирский п. в Новой Ладоге.

Л.-Кирасирский ее величества п. на мызе Пелло.

Драгунский — в Петергофе.

Уланский — в Стрельне.

Конно-егерский — в Новгороде.

Гусарский — в Павловске.

Учебный карабинерный п.: 1-й и 2-й батальоны в Аракчеевских казармах на Шпалерной, 3-й батальон в Казани.

Л.-гв. Саперный батальон на Кирочной.

Учебный Саперный батальон на углу Инженерной и Садовой.

Л.-гв. Гарнизонный батальон в Усть-Ижоре и селе Рыбацком.

Конно-пионерный дивизион в доме Гарновского на Измайловском проспекте.

Гвардейский экипаж на Екатерингофском проспекте.

Экипажи Балтийского флота на Крюковом канале.

Школа гвардейских подпрапорщиков в доме гр. Чернышева у Синего моста.

Гвардейская берейторская школа на Инженерной у манежа (где позднее стояла Уральская сотня).

Л.-гв. жандармский полуэскадрон на Звенигородской (тогда 7-й линии; по некоторым данным, временно с берейторской школой).

Учебный кавалерийский эскадрон в Петергофе.

Л.-гв. 1-я артиллерийская бригада на Литейном, Басковой и Артиллерийской улицах.

Л.-гв. 2-я артиллерийская бригада на Охтенском пороховом заводе.

Учебная артиллерийская бригада по-ротно при 1-й и 2-й бригадах.

Л.-гв. конная артиллерия стояла по-батарейно: Конно-батарейная между Ярославской и Костромской улицами (тогда Песочная ул. и Манежный пер.), где позднее построена часть Николаевского госпиталя; Конно-легкая № 1-й на Охтенском пороховом заводе; Конно-легкая № 2-й на мызе Пелло.

Гвардейские инвалидные роты №№ 1—6 стояли при загородных дворцах и садах, прочие по частям при полках; №№ 7—10 по $^1/_2$ роты при 8 пехотных полках; № 11 — по $^1/_4$ роты при Кавалергардском, Конном и Кирасирском полках и Саперном батальоне; № 12 по $^1/_3$ роты при 1-й и 2-й гв. артиллерийских бригадах и гв. конной артиллерии; № 13 по $^1/_4$ роты при Драгунском, Гусарском, Уланском и Конно-егерском полках; №№ 14 и 15 при варшавской гвардии.

Роты гвардейского учебного образцового батальона стояли при полках (гренадерская при Преображенском, 1-я и 2-я учебные при Семеновском и 3-я учебная по частям при Измайловском, Гренадерском, Павловском и Финляндском).

Состав полков и других частей гвардии, стоявших в С.-Петербурге.

Пехота.

Стоявшие в столице полки гвардейской пехоты, кроме Егерского и Финляндского, принадлежали к составу линейной или тяжелой пехоты и состояли каждый из 3 батальонов. Батальон состоял из 4 рот: трех „фузилерных“ и одной „гренадерской“. Роты делились на 2 взвода. В гренадерской роте один взвод был „гренадерский“ из заслуженнейших и отборнейших старых солдат, другой взвод—„стрелковый“ из самых молодых, ловких и подвижных солдат. В фузилерной роте оба взвода были фузилерными. В развернутом строю батальона (в 3 шеренги) на правом фланге стоял гренадерский взвод, в середине 6 фузилерных взводов по порядку №№ и на левом стрелковый взвод. Знамя стояло посредине. В бою фузилеры составляли главные силы, стрелки должны были вести застрельщичий рассыпной бой, а гренадеры составляли резерв для последнего удара. Так было по теории, на практике разницы между взводами было мало.

Роты распределялись по-батальонно и именовались:

В 1-м	батальоне	1-я	гренадерская	1, 2, 3	фузилерные.
„ 2-м	„	2-я	„	4, 5, 6	„
„ 3-м	„	3-я	„	7, 8, 9	„

Полки Егерский и Финляндский принадлежали к составу егерской или легкой пехоты. Вместо гренадерских старшие роты в них и старшие взводы этих рот именовались „карабинерными“. Стрелковые взводы сохраняли то же название, а прочие роты и взводы вместо фузилерных именовались „егерскими“.

В гвардейском саперном батальоне было 2 минерных и 2 саперных роты. В учебном саперном батальоне все 4 роты были саперные.

Гвардейские батальоны были так называемого сильного состава, в 1.000 штыков. В каждой роте было 4 офицера, 20 унтер-офицеров, 230 рядовых и несколько музыкантов (в тяжелой пехоте 4 барабанщика, 4 флейтщика и два горниста, в легкой пехоте и у сапер — три барабанщика и 3 горниста). При полках состояли небольшие хоры музыки (2 гобоя, 2 кларнета, 2 флейты, 2 трубы и 1 барабан; у сапер был первый в России хор медной музыки), команды инвалидов и нестроевые. При естественной убыли, расходе больными, должностными и иными в строй батальоны могли вывести не более 900 штыков. В полках средним числом было по штату 60—65 офицеров, но, за нахождением 3-их батальонов за городом, в Петербурге оставалось 50—55 офицеров на полк.

Гвардейский экипаж состоял из 8 рот строевых половинного состава (3 офицера, 10 унтер-офицеров, 115 матросов); ластовой роты (нестроевая) — такого же состава и артиллерийской команды — 4 пушки и при них 4 офицера и 93 нижних чина.

Вооружение унтер-офицеров и рядовых состояло из ружей со штыками и тесаков. Пехотные ружья были 7-линейные образца 1808 г., гладкоствольные, кремневые, заряжающиеся с дула, с 3-гранными штыками, весом со штыком около 12 ф., длиной 6 фут. 2 дюйма. Кольца и прибор были медные, ложе черное. Пули круглые, свинцовые, весом 6 золотников. Дальность боя была 250—300 шагов, максимальный процент попадания в мишень 25; время заряжания и подготовки к выстрелу было $1^1/_2$ минуты, комплект патронов до 60.

Тесаки в пехоте были типа полусабель с литым медным эфесом с дужкой (сохранились у дворцовых гренадер до 1917 года) и с темляком ротного цвета. Егерские роты и моряки тесаков не имели.

У музыкантов были только тесаки, у офицеров—шпаги, у конных офицеров (штаб.-офицеров и адъютантов) — еще пара пистолетов в чушках седла. Знамена имелись по одному на батальон.

У сапер и моряков были драгунские ружья образца 1809 г. От пехотных они отличались лишь тем, что были короче (5 фут. 6 дюйм.) и легче (около 10 фунтов). Дальность была меньше (150—200 шагов). Тесаки у сапер были широкие, с черным эфесом и железной крестовиной.

У флотских офицеров вместо шпаг были сабли.

Тяжелая пехота и саперы имели амуницию из белой лосиной кожи, погонные ремни на ружьях красные; егеря и моряки — все ремни черные вощеные.

Кавалерия.

Ниже приводятся данные лишь о тех кавалерийских частях, которые стояли в Петербурге, т.-е. о кавалергардах, конной гвардии, конно-пионерах, лейб-казаках и жандармах.

Кавалергардский и л.-гв. Конный полки, принадлежа к числу кирасирских полков, состояли каждый из 3 дивизионов по 2 эскадрона и еще 7-го запасного эскадрона. В эскадроне было 4 взвода, а чинов: 7 офицеров, 18 унтер-офицеров, 180 кирасир и 3 трубача; всего 205 сабель, но выводили в строй не свыше 150—170 сабель.

В полку было около 1.250 сабель, офицеров 55.

Вооружены были чины этих полков сточеными старыми палашами, 7-линейными пистолями образца 1809 г. (весом $3^{3}/_{4}$ ф., дальностью боя 30 шагов, с попаданием лишь в упор или случайным). Лошади были тяжелые, не перекованные на шипы (у конной гвардии вороные, у кавалергардов—гнедые). Оборонительным вооружением была тяжелая черная железная кираса (действительно, почти все ранения конногвардейцев 14 декабря были вне поля кирас). Трубачи кирас не имели.

Лейб-гвардии и 1-й конно-пионерный эскадроны имели усиленный состав, а именно в эскадроне по 9 офицеров, 24 унтер-офицера, 280 пионер и 3 трубача; всего 312 сабель, а в дивизионе—615 сабель; в строй дивизион мог вывести до 500—550 сабель. Пионеры были вооружены, как конно-егеря, саблей в железных ножнах, парой пистолетов и карабином образца 1817 г. со штыком (семилинейный, короткий, весом около $8^{1}/_{2}$ фунтов). Офицеры, унтер-офицеры и трубачи имели только сабли и пистолеты.

Гвардейский жандармский полуэскадрон и СПБ-кий жандармский дивизион имели: в полуэскадроне конных 4 офицера, 10 унтер-офицеров, 80 жандармов и 2 трубача; в дивизионе было конных 25 офицеров, 35 унтер-офицеров, 264 жандарма и 4 трубача и пеших — 1 офицер, 18 унтер-офицеров и 102 жандарма. Жандармы имели драгунские палаши, драгунские ружья со штыками образца 1809 г., а конные еще и пистолеты.

Действовали жандармы не в строю, а небольшими командами или в одиночку.

Из 6 эскадронов л.-гв. казачьего полка в Петербурге находились лишь 2, 4 и 5 эскадроны и состоявший при полку в качестве 7 эскадрона л.-г. Черноморский эскадрон. Состав каждого из этих 4 эскадронов был в 5 офицеров, 14 унтер-офицеров, 128 казаков, 2 трубача, всего по 149 сабель, а в полку 596, но в строй можно было вывести навряд ли более 550. Кроме кавалерийских сабель и карабинов, казаки имели еще пики без флюгеров.

Прочая кавалерия стояла за городом, откуда 14 декабря были вызваны ближайшие полки.

Драгунские и гусарские эскадроны были того же состава, как и кирасирские, уланские — несколько меньше по числу рядовых (104). Драгуны имели палаши, пистолеты и драгунские ружья со штыками; уланы—сабли, пистолеты и пики с флюгерами; гусары—сабли, пистолеты и карабины. Офицеры, унтер-офицеры и трубачи имели только сабли или палаши и пистолеты. В числе рядовых каждого эскадрона было 16 карабинеров, вооруженных штуцерами в $6^{1}/_{2}$ линий с 8 нарезами, весом $12^{1}/_{3}$ фунтов и хорошим боем.

Артиллерия.

Боевая сила артиллерии учитывается по числу и мощности орудий. Боевой единицей и пешей и конной артиллерии в 1825 году являлась 12-орудийная артиллерийская рота, а в гвардейской конной артиллерии —

8-орудийная батарея. Роты и батареи были двух родов: батарейные с более тяжелыми орудиями и крупным калибром, типа позиционной полутяжелой артиллерии, и легкие. В каждой роте или батарее были орудия двух типов: пушки и единороги. Последние являлись переходом к гаубицам, действуя и перекидным огнем. Снаряды были следующих видов: картечь с чугунными пулями в жестянках, ядра круглые сплошные чугунные и гранаты круглые чугунные полые, наполненные порохом и имевшие фитиль во втулке. У орудий крупных калибров их называли не ядрами, а бомбами. Кроме того были зажигательные снаряды—брандскугели. Картечь была двух сортов: для ближнего действия (до 200 сажений) по 90—100 пуль и для дальнего действия (до 400 саженей) по 40—45 пуль. На орудие в передке и зарядных ящиках возилось 120 снарядов: 30 картечей (10 ближнего и 20 дальнего боя), 10 брандскугелей и 80 чугунных снарядов (у пушек—ядер, у единорогов легких—гранат и у единорогов батарейных — бомб). Орудия батарейных рот весили 40—50 пудов и имели запряжку в 8 лошадей; легких рот—20—30 пудов и имели запряжку в 6 лошадей. Зарядных ящиков полагалось на орудие в батарейных ротах по 3, в легких—по 2. Запряжка ящика была в 3 лошади.

На вооружении рот и батарей состояло:

В батарейной роте: $^1/_2$-пудовых единорогов—4; 12-фунтовых пушек—4; 12-фунтовых облегченных пушек—4.

В легкой роте: $^1/_4$-пудовых единорогов—4; 6-фунтовых пушек—8.

В конно-батарейной батарее: $^1/_2$-пудовых единорогов—4; 12-фунтовых пушек—4.

В конно-легкой батарее: $^1/_4$-пудовых единорогов—4; 6-фунтовых пушек—4.

Калибры эти, считавшиеся по артиллерийскому весу чугунного ядра, при переводе на нынешний счет по внутреннему диаметру канала ствола, примерно соответствуют: $^1/_2$-пудовый—64-лин.; $^1/_4$-пудовый и 12-фунт.—48-лин. и 6-фунт. — 38-лин. калибрам. Дальность действия снарядов была 1.200—1.800 сажен, но обыкновенно стреляли на 1 и редко на 2 версты.

Личный состав рот и батарей был следующий:

Бат. рота—7 офицеров, 24 фейерверкера, 72 бомбардира, 192 канонира и 2 барабанщика.

Легкая рота—7	офиц.,	24 фейерв.,	40 бомбард.,	180 кан.	и 2 барабан.
Бат. батарея 10	„	16 „	82 „	172 „	и 4 трубача.
Легкая 5	„	16 „	48 „	97 „	и 3 трубача.

В пеших ротах, где орудийная прислуга была пешком, на 12 орудий приходилось примерно по 240 лошадей, так как, кроме орудий и зарядных ящиков, возились еще запасные лафеты, колеса и инструменты. В конных батареях, где орудийная прислуга была верхом, на 8 орудий приходилось свыше 300 лошадей. Упряжка под орудия содержалась и в мирное время полностью, а под зарядные ящики — по одной упряжке на роту. Для самообороны артиллеристы были вооружены: пешие — тесаками, а конные — саблями. Как указано выше, в л.-гв. 1-й, 2-й

и в учебной арт. бригадах было 2 батарейных и по одной легкой роте; в гв. конной артиллерии — одна батарейная и 2 легких батареи, а всего в составе петербургской гвардии имелось 132 полевых орудия да 4 малых пушки при гв. экипаже.

Номенклатура рот и эскадронов.

Чтобы яснее разобраться в действиях сторон с точностью до отдельных рот и иногда даже взводов, необходимо отметить еще одну особенность в их наименованиях. В тех полках и отдельных батальонах, где шеф был император, старшая рота или эскадрон официально именовались ротой или эскадроном „его величества“, а там, где шефами были великие князья, — ротами или эскадронами „его высочества“, сохраняя впрочем и название по № и специальностям. Ко дню смерти Александра I такие наименования носили в рядах Петербургской гвардии:

Роты его величества: 1-е гренадерские роты полков: л.-гв. Преображенского, Семеновского и Гренадерского и эскадрона его величества — 1-й эск.. л.-гв. Кирасирского полка.

По шефу цесаревичу ротами его высочества именовались 1-е карабинерные роты полков л.-гв. Егерского и Финляндского и эскадронами его высочества — 1-е эскадроны полков л.-гв. Конного, Драгунского и Уланского. При провозглашении с 27 ноября цесаревича императором Константином I эти роты и эскадроны были названы ротами и эскадронами его величества, что было отменено приказом 15 декабря.

По великому князю Николаю ротами его высочества именовались 1-я гренадерская рота л.-гв. Измайловского полка и 1-я саперная рота л.-гв. саперного батальона. С 14 декабря они начали именоваться ротами его величества. Такое же наименование сохранили прежние роты его величества Преображенского, Семеновского и Гренадерских полков и эскадрон его величества л.-гв. Кирасирского полка.

По шефу великому князю Михаилу ротами его высочества именовались 1-я гренадерская рота л.-гв. Московского полка и батарейная № 1 рота л.-гв. 1-й артиллерийской бригады.

Эскадроном ее величества по шефу императрице Марии Федоровне назывался 1-м эскадрон л.-Кирасирского ее величества полка.

Эскадроном его высочества по малолетнему шефу великому князю Александру Николаевичу назывался 1-й эскадрон л.-гв. Гусарского полка. Кроме них, официально по шефу именовалась батарейная № 3-й рота генерала от артиллерии графа Аракчеева лейб-гв. 2-й артиллерийской бригады.

В гвардейской кавалерии сохранялось еще обыкновение называть первые эскадроны лейб-эскадронами, а все вообще эскадроны — по фамилиям неофициальных шефов из старших офицеров полка.

Подводя итоги, видим, что 14 декабря Петербург был густо наполнен войсками, имевшими стройную организацию, многочисленное, связанное с интересами династии начальство, а сами войска, до солдат включительно, были связаны с династией близкими служебными отношениями, сложными нитями симпатий, антипатий и личных расчетов.

Что касается численности войск, которых можно было вызвать под ружье к 14 декабря, то, считая исключительно гвардейские и учебные строевые части без гарнизонных частей и военно-учебных заведений и исходя из выше приведенного состава частей, можно считать приблизительно, что под ружьем могло оказаться: пехоты и сапер в 8 гвардейских полках пехотных, гв. саперном батальоне и экипаже и учебном полку и саперном батальоне — 21 батальон — 18—20 тысяч штыков. Если отбросить, примерно, 4 батальона, занимавших караулы и прикованчых этим к месту, свободных для действия можно было насчитать 14—16 тысяч штыков. Кавалерии в 3 полках и в конно-пионерном дивизионе 20 эскадронов около $3^1/_2$ тысяч сабель. Артиллерии в 9 пеших ротах и в 2 конных батареях (не считая конно-легкой батареи № 2 в Пелло) 124 орудия.

Итого в самом городе было: батальонов 21 (до 20 тысяч штыков), эскадронов 20 (до $3^1/_2$ тысяч сабель), артиллерийских рот и батарей 11 (124 орудия).

Кроме того, в окрестностях готовыми к вызову были 8 третьих батальонов гв. пехотных полков, л.-гв. гарнизонный батальон, полки л.-гв. Уланский, Драгунский, Гусарский, Кирасирский (по 7 эскадронов каждый), л.-Уральская сотня и л.-гвардии конно-легкая батарея № 2, всего: 9 батальонов—8 тысяч штыков, 29 эскадронов—$4^1/_2$ тысячи сабель, 1 батарея — 8 орудий.

Как известно, 14 декабря из загородных частей были вызваны лишь 3-и батальоны 8-ми полков, уланы, гусары и драгуны, а стоявшие по Неве кирасиры, гарнизонный батальон и батарея вызваны не были.

III.

Разделение петербургской гвардии 14 декабря 1825 года на два враждебных стана. Состав и сила сторон. Руководители и деятели обеих сторон.

При рассмотрении событий 14 декабря было бы весьма желательно с полной точностью установить состав обеих сторон. К сожалению, полных материалов к точному учету найти не удалось. Почти точен материал о Московском полку, так как по приказанию шефа Михаила Павловича было произведено подробное расследование событий в полку. Дело с этим расследованием широко использовано составителем истории полка Н. С. Пестриковым (том II, главы 1, 2 и 3).

Относительно Гренадерского полка имеется рукопись „Описание участия лейб-гренадер в происшествии 14 декабря 1825 года, случившемся в С.-Петербурге“, составленная автором истории полка Пузановым в 1853 г. Хранилась она в библиотеке Зимнего дворца (Рукоп. отд. № 1905). Использовать ее вновь для составления настоящей сводки не удалось за вывозом из Ленинграда. Пришлось пользоваться старыми выписками своими и новыми А. Е. Преснякова и косвенными указаниями труда С. Э. Скрутовского „Лейб-гвардии Сводный полк на Кавказе“, в котором имеются данные о числе отправленных на Кавказ с этим полком московцев и гренадер.

О гвардейском экипаже до последнего времени не было [1]) военного издания, но в 1925 г. появились статья А. Дрезена „Матросы-декабристы" (Журн. „Каторга и Ссылка" № 4/17) и книга И. В. Егорова „Моряки-декабристы", в которой использована рукописная история гв. экипажа, сост. в 1860 г. адм. М. Лермонтовым, участником событий 14 дек. В полковых историях Павловского и Финляндского полков, действовавших раздробленно и по частям, нет необходимых подсчетов сил, а в Павловском полку — даже распределения рот.

При тщательном сопоставлении печатного и архивного материала, который удалось использовать, можно установить картину разной точности для разных полков.

В основу деления можно положить 4 группы:

1) Войска, принявшие открытое участие в восстании.

2) Войска, отказавшиеся действовать против восставших.

3) Войска, собранные правительством для активных военных действий против восставших на Петровскую (Сенатскую) площадь и к заставам.

4) Войска, занимавшие караулы и хотя оставшиеся на стороне правительства, но прикованные к месту, с ограниченной пассивной задачей. К числу последних можно отнести и войска, собранные на защиту Зимнего дворца.

5) Войска, не вызванные вовсе.

Как известно, открытое участие в восстании приняли части полков Московского и Гренадерского и весь гвардейский экипаж (но без своих 4 пушек и почти без патронов), собравшиеся на Петровской площади у сената.

Отказавшимися от действий против восставших были $2^1/_2$ роты Финляндского полка, остановленные поручиком бароном Розеном на Исаакиевском мосту. Имеются указания, что и в других частях было нежелание действовать, и даже в 1-й батарейной роте вел. князя Михаила Павловича были перерублены постромки на орудийных упряжках.

Караулами были прикованы к месту 2 роты Московского, 2 роты Гренадерского, 4 роты Финляндского и 5 рот Павловского полка и батальон Учебного карабинерного полка.

Временно на защиту Зимнего дворца были отвлечены 4 роты Преображенского и 3 роты Павловского полка, а затем остались на защите дворца 4 роты Гвардейского и 4 роты Учебного саперных батальонов и рота Гренадерского полка, что с ротою Финляндского полка, бывшего в карауле, составило 10 рот только в Зимнем дворце. В остальных местах в карауле было 16 рот, а всего прикованных к месту—26 рот, или $6^1/_2$ батальонов.

Против восставших были двинуты на Петровскую площадь и заняли все выходы из нее следующие войска (см. план.):

От Исаакиевского моста к адмиралтейству 7 эскадронов л.-гв. Конного полка, из них 2 тылом к Неве и 5 тылом к адмиралтейству. Перед самым Исаакиевским мостом рота преображенцев и $1^1/_2$ роты финляндцев. У сената, закрывая выход на Английскую набережную,— $1^3/_4$ эскадрона конно-пионер. На Галерной —3 роты Павловского полка и взвод конно-пионер. Между стройкой Исаакиевского собора и Конногвардейским

---

[1]) Была лишь статья Гастфрейнда во „Всемирном Вестнике" 1903 г.

манежем —8 рот Семеновского полка, сводная рота л.-гв. гренадер полковника Щербацкого, 1 орудие легкой роты № 1-й л.-гв. 1-й артиллерийской бригады и конвой Михаила Павловича из взвода кавалергардов.

У противоположного конца стройки, примыкая к Адмиралтейской площади,— приведенный Михаилом Павловичем сводный батальон Московского полка полковника Неелова[1]), рассчитанный на 4 роты.

Между ними и конной гвардией, спиной к адмиралтейству —7 рот Преображенского полка. Около преображенцев стояло 3 орудия легкой № 1-й роты, а за ними император Николай с небольшой свитой.

На Адмиралтейской площади в резерве стояли полки: Кавалергардский (7 эскадронов), Измайловский и Егерский (по 8 рот) и л.-гв. 1-я артиллерийская бригада — остальные 32 орудия.

Всего было собрано против восставших к Сенатской площади $40^1/_2$ рот, или $10^1/_2$ батальонов, 16 эскадронов и 36 орудий, из них на позиции — 4 орудия: именно те 2 четверть-пудовых единорога и 2 двенадцати-фунтовых пушки, которые ныне выставлены в зале Декабристов Музея Революции в Ленинграде.

В городе еще находились: 1 батальон учебного карабинерного полка, 4 эскадрона казаков, $2^1/_2$ эскадрона жандармов и 88 орудий, не считая военно-учебных заведений и внутреннего гарнизонного батальона.

Из загородного расположения были вызваны третьи батальоны 8 гвардейских пехотных полков, по 7 эскадронов драгун, улан и гусар и сотня лейб-уральцев. Итого —8 батальонов и 22 эскадрона. Эти войска были оставлены в качестве резерва на заставах.

Уточнение данных относительно восставших частей можно сделать не в полной мере.

Лейб-гвардии Московский полк.

Братьям А. и М. Бестужевым и кн. Щепину - Ростовскому удалось увлечь за собой на Сенатскую площадь большую часть 6-й фузил. роты кн. Щепина, 3-й фузил.— М. Бестужева, 2-й фузил.— Броке, 5-й фузил.— Волкова и часть 1-й гренад.—Ф. Ф. Моллера.

От других рот примкнуло по несколько человек. Всего с Бестужевыми и Щепиным, по точному подсчету полкового историка на основании особого расследования событий 14 декабря в полку (дело полкового архива, о нем в „Алфавите декабристов", стр. 261), пошло 671 чел.

2-я гренад. и 4-я фузил. роты были в карауле. 1-ю фузил. роту командир гр. Ливен удержал в казармах, а равно и бывшую при его роте, оставшуюся от караула часть 4-й фузил. роты; командир 2-й гренад. роты Корнилов точно так же удержал оставшуюся от караула часть своей роты. В общем в казармах осталось, считая с музыкантами, инвалидами и нестроевыми, 943 человека. После неудачных попыток Бистрома и Воинова, шеф полка Михаил Павлович привел их к присяге, отобрал из них 641 строевых, составил из них сводный батальон под командой полковн. Неелова [1]) и привел его на Сенатскую площадь. В 3 батальоне на заставе было 826 челов. (3-я гренад., 7, 8 и 9 фузил. роты).

[1]) По некоторым данным Неелов оставался в казармах, а батальон повел полковник Б. Фредерикс.

Из числа вышедших на площадь арестовано 2 офицера, 1 фельдфебель, 24 унт.-офицера, 3 музыканта, 341 рядовой. Смертельно ранены 1 унт.-офицер, 1 рядовой, ранены 1 унт.-офицер и 13 рядовых, с повинной явилось 288 человек. Не выяснена судьба лишь 13 человек, так что число убитых и без вести пропавших не может превышать эту цифру.

Из названных руководителей восстания в полку членами „северного общества“ были братья Бестужевы: Александр, лейб-драгун, адъютант герцога А. Виртембергского, и Михаил, командир 3-й фузил. роты Московского полка, лишь за 10 месяцев переведенный из флота. Командир 6-й фузил. роты князь Щепин-Ростовский, также бывший моряк, не был членом тайного общества, но привлеченный М. Бестужевым к участию в восстании, проявил пыл, пугавший его товарищей. В казармах, вооружившись вместо форменной шпаги хорошей восточной саблей, он рубил сплеча, изранив генералов: бригадного командира Шеншина и полкового — Фредерикса, полковника Хвощинского и во время свалки за знамена — унт.-офицера 5 фузил. роты Моисеева и гренадера Андрея Красовского. По некоторым указаниям, Щепин в свалке рубил в каком-то исступлении, не разбирая своих и чужих. На площади он уже был более вялым, хотя и имеются указания, что, командуя южным и восточным фасами карре, он открыл огонь. А. Бестужев только грозил пистолетом Ливену, Ф. Моллеру и ген. Фредериксу. На площади и он и М. Бестужев старались уменьшить кровопролитие. Командуя западным и северным фасами, М. Бестужев приостановил залп по прорвавшимся между карре и сенатом дивизионам: 1-му конной гвардии и конно-пионерному.

Командовавшие фузилерными ротами, 5-й — Волков и 2-й — Броке, первоначально следовали указаниям братьев Бестужевых и помогли поднять свои роты. Кн. Кудашев агитировал против присяги. Прикомандированный шт.-кап. Лашкевич вначале следовал за Бестужевыми.

Из деятелей правительственной стороны, кроме указанных выше, раненых П. А. Фредерикса и Хвощинского и удержавших свои роты Ливена и Корнилова, можно отметить полковника Неелова, которого тоже рубанул Щепин, но попал по киверу.

Командир 4-й фузил. роты Куприянов занимал с ротой караул в Измайловском полку. Рота присягнула с измайловцами. А. Кушелев занимал караул у Нарвской заставы: на него рассчитывали, чтобы перехватить Михаила Павловича, но попытки М. Бестужева склонить его к этому и воздействовать на караул успеха не имели.

Для Московского полка является возможным уточнить данные не только об офицерах, но и о нескольких солдатах. Так, из сопоставления выборок судного дела 1826/27 года, приложенных к „Алфавиту декабристов“ („Восстание декабристов“. Материалы, т. VIII. Центрархив. М. 1925, стр. 253—259), с данными полковой истории получается интересная картина поведения 14 декабря двух представителей солдатской массы Московского полка: унтер-офицера из вольноопределяющихся Луцкого и рядового фузилера Поветкина.

2-й фузил. роты унтер-офицер Луцкий (сын чиновника) 14 декабря проявил особое возбуждение, кричал: „Измена!“. На площади, будучи одним

из старших в цепи из 40 человек, выставленной князем Оболенским шагов на 50 впереди карре, он не пропускал Милорадовича, а когда последний крикнул на него: „Что ты, мальчишка, делаешь?“ ответил: „Изменник, куда девали нашего шефа?“. С несколькими рядовыми он избил прикладами разгонявшего толпу жандарма Коновалова и исколол его лошадь штыком. После картечи Луцкий укрылся в доме гр. Лаваль и был арестован при выходе. Приговор к смертной казни был заменен Николаем I ссылкой на каторгу пожизненно, с лишением унтер-офицерского и воинского звания и преимуществ обер-офицерского сына.

6-й фузил. роты фузилер Поветкин при уводе роты Щепиным остался на полковом дворе в числе 76 человек 2-й, 3-й и 6-й фузил. рот, стоявших отдельной группой, не пристраиваясь к сохранившим повиновение ротам. Стоя впереди, на требование ком-ра корпуса Воинова присягать, ответил: „Мы уж присягали, более не хочем; присягай каждый день, так заставят присягать каждому приезжему принцу“. Воинов ударил Поветкина шпагой плашмя. Тогда окружавшие надвинулись угрожающе со штыками. По прибытии шефа, Михаила Павловича, Поветкин не присягал и не пошел на площадь с батальоном. (Сослан на каторгу.)

Отдельно приходится упомянуть и единственного фельдфебеля Московского полка, принявшего участие в восстании, а именно 6-й фузил. роты Клементьева. Остальные фельдфебели были деятельными сторонниками правительства. Фельдфебелю 2-й фузил. роты Сергузеву удалось удержать от участия в восстании около половины роты. В свалке за знамена унт.-офицер Моисеев получил сабельный удар Щепина, ответив на его вопрос, что он „за Николая“. Щепиным же ранен грен. Андрей Красовский. В свалке за знамена сильно избит прикладами грен. Соломон Красовский.

Гренадер роты его выс. Григорьев, подставив ружье, ослабил удар Щепина, чем спас жизнь ген. Шеншина, а фузилер 2-й р. Сугоняев вынес раненого из свалки. Ген. Фредерикса вынесли полковой барабанщик Шепакин и горнист Акулович. Рядовой Вдовенко понизил настроение карре московцев, принеся в него известие, что шеф полка Михаил Павлович не в цепях, а лично привел остальную часть полка к присяге. А. Бестужеву пришлось поставить московцев внутрь карре, окружив их гренадерами.

Лейб-гвардии Гренадерский полк.

Точных числовых данных о Гренадерском полку выяснить не удалось. Приходится говорить почти исключительно о целых ротах.

Из 1-го батальона 2-я и 3-я фузил. роты занимали караулы в Петропавловской крепости и остались в руках правительства. 1-я фузил. рота была выведена на площадь своим командиром Сутгофом.

Рота его величества (1-я гренад.) сперва последовала за ротами 2-го батальона, но затем ком-ру стрелкового взвода Тутолмину удалось вернуть к повиновению свой взвод, а за ним ком-ру роты кн. Мещерскому и шт.-кап. Наумову удалось собрать остальную часть роты (гренад. взвод) и некоторых людей других рот. По приказанию императора рота была пристроена к гв. саперам на защиту дворца.

Большая часть 2-го батальона (2-я гренад., 4-я и 5-я фузил. роты) и оставшиеся от караула солдаты 2-й и 3-й фузил. рот были выведены бат. адъютантом Пановым и бросились сперва в Зимний дворец, а затем на Петровскую площадь. Старания ком-ра полка Стюрлера, ком-ров батальонов Зайцева и Шебеко и полкового адъютанта бар. Зальца вернуть лейб-гренадер к повиновению и отобрать знамена успеха не имели, но после ранения Стюрлера часть гренадер стала покидать ряды восставших, и Михаил Павлович составил из них сводную роту в 10 унтер-офицеров и 127 рядовых под командой полковника Щербацкого. Рота пристроилась к Семеновскому полку.

3-й (загородный) бат. (3-я гренад., 7, 8 и 9-я фузил. роты) прибыл на заставу.

Таким образом на стороне восставших оказались большая часть 1-й фузил., 2-й гренад., 4-й, 5-й и 6-й фузил. рот и отдельные люди 2-й и 3-й фузил. рот, оставшиеся от караула, примерно 1.250 человек, а после ухода части гренадер — человек 1.100. При гренадерах оставались подпоручики Шторх и Прянишников и прапорщик Лелякин и одно время шт.-кап. А. Пущин и Штакельберг. Можно только указать, что арестовано было 276 человек, смертельно ранен 1 рядовой, ранено 13 рядовых. В Сводно-гвардейский полк на Кавказ, куда отправлялись почти сплошь добровольно вернувшиеся, было назначено 807 гренадер, а всего подверглось взысканию 1.083.

Из названных лиц членами „северного общества“ были только Сутгоф и Панов. Некоторые указания о принадлежности к обществу были еще относительно Корсакова. Он состоял в загородном батальоне, но по болезни был в Петербурге. Пострадал еще А. Кожевников, агитировавший против присяги, правда безуспешно.

Гвардейский экипаж.

Все 8 строевых рот и артиллерийская команда, всего около 1.100 чел. из штатного числа 1.280, вышли на площадь и построились колонной к атаке. В строю находились 7 ротных ком-ров: Э. Мусин-Пушкин, Баранцев, М. Кюхельбекер, Арбузов, Акулов, А. Цебриков и Д. Лермонтов 2-й, и младшие офицеры: Вишневский, Б. Бодиско 1-й, кн. Колунчаков, А. Литке, Миллер, Шпейер, М. Бодиско 2-й, А. Беляев 1-й, Тыртов, Овсов, Дивов и Беляев 2-й — все под общей командой капитан-лейтенанта 8-го флотского экипажа Н. Бестужева и гв. экипажа лейтенанта Арбузова. Впрочем, 3 ротных ком-ра — Лермонтов, Баранцев и Цебриков и 3 младших оф-ра — Колунчаков, Миллер и Литке поспешили оставить строй, и большая часть их вернулась в казармы, к ком-ру экипажа капитану 1-го ранга Качалову. При нем оставались капитан-лейтенанты Казин (восстанавливал порядок по возвращении матросов) и М. Лермонтов 1-й (вел переговоры с Николаем о покорности экипажа), ком-р 1-й роты Тимирязев, экипажный адъютант Дудинский, дежурный по экипажу Доливо-Добровольский (сохранял повиновение караула) и артиллерийской команды С. Семенов. Остались старики—ластовая рота. Сгоряча большая часть рот вышла без патронов и с деревянными учебными кремнями вместо боевых. Оставашееся

в казармах начальство занялось приведением патронов в негодность. Хуже было то, что артиллерийская команда не захватила своих 4-х пушек. Данные числовые довольно - сбивчивы. Николай I писал, что арестовано было 38 матросов. В списке, помещенном в журнале „Былое“ 1907 г. (№ 3, стр. 196—197), дан список на 19 раненых, из числа которых 6— смертельно. В заметке А. Дрезена „Матросы-декабристы“ (журн. „Каторга и ссылка“ 1925 г., № 4, стр. 110—123) дан список на 89 нижних чинов, исключенных из списков экипажа после 14 декабря. В заметке того же автора „Столетие выступления декабристов“ (журн. „Красный Флот“ кн. 12. Дек. 1925, конец стр. 24) внесены поправки. Во вновь выпущенном труде И. В. Егорова „Моряки-декабристы“ тот же список приведен в более полной редакции, на 90 человек, не вполне совпадающий. Из сопоставления всех этих данных можно вывести следующие цифры потерь гв. моряков, а именно: убитых 5, смертельно раненых 5, раненых 15; прочих арестованных 52 чел.; пропавших без вести—14. Из числа гв. моряков, переведенных в армию в 1826 г., возвращено в 1827 г. в Сводно-гвардейский полк 37, а назначено непосредственно в начале 1826 г. не свыше 70-ти. Все остальные, кроме раненых, арестованных, убитых и пропавших без вести, около 1.000 ч. добровольно вернулись в казармы. 15 декабря Михаил Павлович арестовал офицеров, участников восстания, и привел экипаж к присяге, торжественно на Адмиралтейской площади, с возвращением знамени.

Из офицеров экипажа членом тайного общества формально был только Арбузов. Более активными его помощниками являлись Дивов, М. Бодиско и М. Кюхельбекер. Тыртов пытался еще привлечь измайловцев.

Из числа гв. матросов награждены производством в офицеры трое: 8-й роты Дорофеев, Федоров и Куроптев за то, что, по мнению правительства, спасли жизнь вел. кн. Михаила Павловича от покушения В. Кюхельбекера. Фельдфебель 4-й роты Т. Федоров охранял митрополита. Унт.-офицер Хорошилов подал пример ухода из строя восставших. За остававшимися в казармах немногими матросами наблюдение нес унт.-оф. Мартюшин, а непосредственным исполнением порчи патронов руководил баталер Кокошкин.

Общий состав восставших и их строевые начальники.

Указанными частями двух полков и экипажем ограничивается состав восставших войск. Как известно, первыми на площадь прибыли роты Московского полка с А. и М. Бестужевыми и Щепиным во главе. К ним присоединились отдельные руководители восстания, а затем пристроились вокруг московского карре и заняли фасы прибывшие роты лейб-гренадер с Сутгофом, Пановым, Шторхом, П. Прянишниковым и Лелякиным. Согласно приведенных выше подсчетов (московцев 671 чел., л.-гренадер около 1.250) в этом карре было не свыше 1.900 человек.

В колонне моряков было сперва 7 ротных ком-ров и 12 младших офицеров, но до конца оставалось 4 ротных ком-ра, 9 младших офицеров не свыше 1.100 матросов: итого в обоих карре, примерно, 2.850 человек, около 3.000 штыков. Кроме 19 офицеров, прибывших со своими частями при карре и колонне, были еще следующие лица: гв. ген. штаба

гр. П. Коновницын и Палицын; адъютанты: А. Бестужев и кн. Е. Оболенский; флотские офицеры: Н. Бестужев и П. Бестужев; кавалергард Горожанский, конногвардеец кн. Одоевский; Финляндского полка — Репин и Н. Цебриков; Нижегородского драгунского полка — Якубович и в штатском: Каховский, И. Пущин, В. Кюхельбекер, Горский и Глебов, т.-е. еще 16 человек. По некоторым данным при карре были еще англичане Буль и Гайнам.

Из остальных полков уточнение необходимо для Финляндского, где часть рот была в карауле, часть в рядах правительственных войск и, наконец, некоторая часть отказалась действовать против восставших.

Лейб-гвардии Финляндский полк.

2-й батальон занимал караулы по 1-му отделению, при чем 6-я егерск. рота поручика Греча при подпоручике Боасселе — на главной гауптвахте Зимнего дворца; караульным начальником был шт.-кап. Прибытков. 2-я караб. и 4-я и 5-я егерск. роты занимали остальные караулы 1-го отделения; в числе их в районе событий 14 декабря был внутренний караул Зимнего дворца подпор. Н. Тулубьева 2-го, у присутственных мест (Гороховая, 2) — подп. Куткина, у адмиралтейства — поруч. Зейфарта и у сената — подпор. Насакена 1-го (Якова) (3 унт.-офицера, 2 муз. и 35 рядов.).

Караулу при адмиралтействе пришлось пробиваться сквозь толпу л.-гренадер. Особенно трудно было положение караула Насакена у сената. На пост у дома князя Лобанова приходилось посылать смену сквозь цепи восставших. Оставшиеся 2 смены в 24 штыка были выведены Насакеном на платформу и простояли под ружьем лицом к лицу и почти вплотную к карре восставших, отдавая честь, когда вдали показывался Николай.

Особенно важна была роль дежурного по караулам 1-го отделения, которому подчинялись караулы от Зимнего дворца до нового адмиралтейства. Таковым был 14 декабря ком-р 2-го батальона полковник А. Моллер. На него, как бывшего члена тайного общества, сильно рассчитывали, но он решительно отказался от участия в восстании.

1-й батальон был вызван под ружье участником восстания бар. Розеном; помогал ему ком-р батальона А. Тулубьев, а затем подошло приказание с правительственной стороны вести батальон на Сенатскую площадь. Во главе стали генералы, ком-р 4-й гв. бригады Головин и ком-р полка — Воропанов. Затем с подтверждением вызова прибыли ген.-адъютант Комаровский и принц Евгений Виртембергский. На Исаакиевском мосту ком-р стрелкового взвода (т.-е. 2-й полуроты) головной роты его величества — (1-й карабинер.) бар. Розен сумел остановить свой взвод и шедшие за ним 1-ю и 2-ю егерск. роты Титова и Румянцева и удержать их от действий против восставших. Ни уговоры; ни угрозы многочисленного начальства не сдвинули с места эти $2^1/_2$ роты. Командиру роты его вел. Вяткину удалось вывести на площадь лишь головной караб. взвод, бывший впереди Розена. Ком-р 3-й егерск. роты, поставленной сперва на Васильевском острове у мостков, Белевцев перевел ее по этим мосткам и присоединился к Вяткину. Ком-р батальона А. Н. Тулубьев покинул батальон и вернулся в казармы к семье.

3-й загородный батальон (3-я караб., 7-я, 8-я и 9-я егерск. роты) прибыл на заставу.

Бар. Розен не был членом тайного общества. Членами „северного общества“ были — Митьков, Репин, Добринский и, по некоторым показаниям, Н. Синявин. Митьков был в Москве. Репин собирал у себя офицеров и деятельно агитировал против присяги. Рота Репина была за городом, и 14 декабря он был то при карре, то при взводе Розена. Из не-членов общества к восставшим присоединился Н. Цебриков и агитировал против присяги. М. Богданов — единственный пострадавший из всех молодых офицеров, собиравшихся 11 декабря у Репина и решивших не присягать (кроме него было человек 15, из них известны Розен, А. Бурнашов, Базин, Я. Насакен, Г. Насакен, Гольдгоер, А. Моренширльд, Ф. Моренширльд и Нуммерс).

Наконец, в Финляндском полку числился последний, правда, почти лишь номинальный главный начальник восставших, князь Е. Оболенский.

Подводя итоги составу 4 групп, на которые разбилась гвардия 14 декабря, можно получить, правда, весьма приблизительные и теоретические цифры:

1) У восставших.

Сводн. бат. л.-гв Московского полка	2 оф. 666 штыков (671 чел.).
„ „ „ Гренадерского полка	5 оф. и около 1.250 чел.
Батальон гв. экипажа	12 оф. и около 1.000 штыков (1.100 чел.).
Общих руководителей	11 оф. и 5 не-военных.

Всего 3 батальона, 1 шт.-оф. (Н. Бестужев), 29 обер-офицеров, 5 невоенных и около 3.000 солдат и матросов, или 2.850 штыков.

Единого руководителя и начальника не было; главными из руководителей являлись Н. и А. Бестужевы, кн. Е. Оболенский, Ив. Пущин, Каховский, а в своих частях — в Московском полку — М. Бестужев и кн. Щепин, в Гренадерском — Сутгоф и Панов, в гвардейском экипаже — Арбузов, Дивов, М. Бодиско и М. Кюхельбекер.

2) У нейтральных.

$2^1/_2$ роты Финляндского полка, 1 обер-офицер — барон Розен и не свыше 500 штыков.

3) В караулах и на усиление их.

В Зимнем дворце под начальством коменданта города ген. Башуцкого 10 рот — до 2.000 штыков.

По 1-му отделению — от Зимнего дворца до нового адмиралтейства под командой полковника А. Моллера 3 роты — 400 — 500 штыков. В Петропавловской крепости под начальством коменданта крепости ген. Сукина 2 роты — до 400 штыков.

В прочих караулах 12 рот — 1.800—2.000 штыков.

Всего в караулах 26 рот, т.-е. до 4.000 штыков.

4) **У собранных правительством для активных действий против восставших под личным начальством Николая I.**

а) Сосредоточенных у Сенатской площади, окружая восставших и закрывая им все выходы:

Пехоты гв. полков $10^1/_2$ бат., около 9.000 штыков.

Кавалерии — 16 эскадронов, около 3.000 сабель.

Артиллерии 3 роты — 36 орудий, из них на позиции 4 орудия и в резерве 32 (по некоторым данным 16).

б) В районе города, могущими прибыть по вызову:

Кавалерии (казаков и жандармов) $6^1/_2$ эскадронов, 800—1.000 сабель.

Артиллерии 6 рот и 2 конных батареи — 88 орудий.

в) Вызванных из-за города и остановленных на заставах в качестве резерва:

Пехоты 8 батальонов, свыше 7.000 штыков.

Кавалерии 22 эскадрона, свыше 3.000 сабель.

Не считая ни гарнизонных частей, ни военно-учебных заведений, получается, что против 3 тысяч штыков восставших, не имевших ни общего начальника, ни артиллерии, ни конницы, правительство успело сосредоточить в первой линии с непосредственным окружением восставших пехоты втрое больше, чем у восставших; кавалерии — по числу восставших и артиллерии до 36 орудий, т.-е. на каждого восставшего приходилось 3 штыка, 1 сабля и, считая по 100 картечных пуль на снаряд, по 1—2 картечной пули первого залпа. В случае затяжки, почти такой же силы резерв мог быть притянут от застав и пущено в дело еще около 100 орудий.

Приходится повторить, что подсчеты приблизительны, но пропорцию соотношения сил сторон можно считать весьма близкой к действительности.

Руководители и участники восстания гвардии.

Не вдаваясь в подробности о каждом из руководителей или участников восстания в отдельности, здесь приводится лишь общая сводка по группам.

Общие руководители восстания.

Большие надежды возлагались на ген.-м. Орлова 1-го (Михаила). За неприбытием его главное начальство над восставшими войсками решено было поручить назначенному диктатором полковнику князю Трубецкому, имевшему некоторый военный опыт по своей прежней боевой службе в Семеновском полку. Он должен был назначить командиров в восставших полках и других частях. Заранее были намечены руководители восстания лишь в некоторых частях: для Московского полка штабс-капитан А. Бестужев, для Гренадерского бывший лейб-гренадер полковник Булатов и для гвардейского экипажа и Измайловского полка прибывший с Кавказа нижегородский драгун капитан Якубович. Как известно, Трубецкой и Бу-

латов командования не приняли, Якубович вел переговоры с обеими сторонами. Свое обязательство выполнил лишь А. Бестужев, сумевший с помощью своего брата М. Бестужева и кн. Щепина поднять Московский полк и привести его на площадь. В Гренадерском полку поднять часть рот удалось офицерам полка Сутгофу и Панову; приведенные на площадь лейб-гренадеры стали на фасах московского карре, а московцы были поставлены внутрь карре. Это перестроение было сделано под руководством А. Бестужева, и вообще его можно признать фактическим начальником карре. В гвардейском экипаже главными руководителями явились из посторонних экипажу капит.-лейтенант Н. Бестужев и отст. кирас. поручик Каховский, а из офицеров экипажа Арбузов. Общее командование над карре московцев и гренадер и над командой моряков так и не создалось. Единственный штаб-офицер, Н. Бестужев, отказался, как моряк, неподготовленный к командованию в сухопутном бою. Имеются указания, что командование предлагали странному авантюристу, израненному боевому артиллерийскому полковнику, статскому советнику и бывшему кавказскому вице-губернатору Горскому. Этот „штатский генерал“, явившийся в парадном мундире и всех орденах, с пистолетом и шпагой в руках, вел себя возбужденно и сильно импонировал солдатам. Однако как не пехотный офицер, от командования он отказался. Принял под конец общее начальствование поручик кн. Е. Оболенский, но исправить вред, нанесенный предшествовавшим безначалием, было уже поздно.

Небезынтересно кратко отметить роль виднейших участников восстания при восставших войсках на площади. С особым подъемом, стараясь примером подбодрить солдат и помешать воздействию представителей правительственной стороны, держал себя Каховский, смертельно ранивший из пистолета ген.-губернатора Милорадовича, командира лейб-гренадер Стюрлера и серьезно — штабс-капитана Гастфера. Кн. Е. Оболенский также нанес рану Милорадовичу; В. Кюхельбекер пытался стрелять в Михаила Павловича и командира корпуса генерала Воинова; бывший гвардейский конно-артиллерист Ив. Пущин и не-военные Глебов (давший 100 рублей на покупку водки), Горский и В. Кюхельбекер усердно подбадривали солдат. Менее активными из присоединившихся к восставшим были кавалергард Горожанский, конногвардеец кн. Одоевский, адъютант ком-ра Кронштадтского порта мичман П. Бестужев, л.-гв. Финляндского полка Репин и Цебриков. Молодые офицеры гв. ген. штаба гр. П. Коновницын и Палицын сперва поддерживали связь и передавали приказания, но не остались до конца.

К группе не полковых, а как бы общих участников восстания могут быть отнесены офицеры, агитировавшие против присяги в чужих частях: адъютант Смоленского генерал-губернатора князя Хованского конно-егерь А. Чевкин — в казармах 1-го батальона преображенцев на Миллионной; конно-артиллерист гр. И. Коновницын—среди гвардейских сапер на улице и лейб-улан Скалон (Антон) — в 3-м батальоне Измайловского полка на походе из Петергофа; в остальных батальонах этого полка — гвардейского экипажа Тыртов, пытавшийся склонить их к переходу на сторону восставших.

Руководители восстания, участники заговора и причастные к тайным обществам в отдельных частях.

О руководителях восстания и причастных к заговору офицерах восставших частей, т.-е. Московского и Гренадерского полков и гвард. экипажа, а равно и об офицерах Финляндского полка, часть которого оказалась нейтральной, сказано выше. Ниже необходимо указать причастных к восстанию и заговору офицеров остальных частей гвардии, не примкнувших к восстанию, и где самое большее проявление было — заминка с присягой.

В Кавалергардском полку, где было наибольшее число членов тайных обществ, часть отсутствовала из столицы, а именно: „северного общества“ Кологривов, гр. З. Чернышев, Свиньин, Васильчиков и Свистунов; члены „южного общества“ адъютанты главнокомандующих 1-й и 2-й армией Крюков и Ивашев. Из наличных в Петербурге членов „северного общества“ только Горожанский пытался противодействовать присяге и сбору полка, а затем присоединился к восставшим, прочие же выехали в строй полка, а именно: Анненков, А. М. Муравьев, Арцыбашев, князь Вяземский и Депрерадович.

В л.-гв. Измайловском полку из членов „северного общества“ вне Петербурга был адъютант главнокомандующего 1-й армией гр. В. Мусин-Пушкин, в загородном батальоне – Гангеблов и Лаппа и в столице — командир 2-й гренад. роты Богданович, Н. Кожевников и Андреев. В полку, главным образом в роте Богдановича, кроме Андреева, сопротивление присяге оказали молодые офицеры, не бывшие членами тайных обществ: Фок, кн. А. П. Вадбольский и Малютин. Членом „южного общества“ из офицеров полка был адъютант ген. Раевского Муханов; пострадал (перевод в армию) и Гудим, но лишь за неосторожные разговоры.

В л.-гв. конной артиллерии член „северного общества“ установлен один — Кривцов; сопротивление присяге оказали молодые офицеры, не члены тайных обществ: Вилламов, Лукин, кн. А. Гагарин 5-й, Малиновский и гр. И. Коновницын. Пострадал лишь последний (откомандирован от гвардии). Малиновский, пытавшийся рубить часового, взят под надзор.

В л.-гв. Конном полку вполне выяснена принадлежность к „северному обществу“ 3 офицеров: князя Одоевского, агитировавшего против присяги и присоединившегося к восставшим, Ренкевича, бывшего на площади в штатском в качестве зрителя, и Алексея Плещеева, бывшего вне Петербурга. Были показания о принадлежности к „северному обществу“ Александра Плещеева, Барыкова, князя М. Ф. Голицына и эстанд.-юнкера кн. Италийского, гр. Суворова-Рымникского. Все они присягнули и, кроме заболевшего Голицына, были в строю полка и оставлены без взыскания. Суворов даже произведен в корнеты, но послан на Кавказ, где его выдержали более 2 лет. Были показания о принадлежности к „южному обществу“ адъютанта главнокомандующего 1-й армии Ф. Бреверна (взят под надзор.)

В гв. генеральном штабе видным членом обоих обществ был Никита Муравьев — по службе ближайший сотрудник вел. князя Николая, как

квартирмейстер (фактически — начальник штаба) 2-й гв. пехотной дивизии, бывшей под командой вел. князя. 14 декабря он был вне Петербурга. Членами „северного общества" были Корнилович и Искрицкий, явившиеся на площадь лишь как зрители, и гр. П. Коновницын и Палицын, как указано выше, несшие службу связи.

В л.-гв. Конно-пионерном эскадроне членом „северного общества" был подавший в отставку и отсутствовавший М. Назимов. Пострадал не выехавший в строй по болезни, а главное не донесший о заговоре, не-член тайного общества командующий эскадроном любимец Николая М. Пущин.

В л.-гв. Гусарском полку — члены „северного общества" адъютант главнокомандующего 2-й армией кн. Барятинский и адъютант 2-го пехотного корпуса Сабуров. Были показания о принадлежности к тайному обществу и Колокольцова (взят под надзор).

В л.-гв. Егерском полку член „южного общества" — адъютант главнокомандующего 2-й армией Басаргин. Имеется ряд показаний о принадлежности к „северному обществу" и Я. И. Ростовцева, числившегося в полку.

В л.-гв. Преображенском полку член „северного общества" — прапорщик Н. Шереметев и только числившийся в полку, никогда в нем не служивший, бывший коренной семеновец, диктатор кн. С. Трубецкой.

В л.-гв. Конно-егерском полку, по некоторым показаниям, членом „северного общества" был адъютант финляндского ген.-губернатора Закревского — Путята; против присяги агитировал среди преображенцев адъютант смоленского генерал-губернатора князя Хованского — А. Чевкин.

В других полках были лишь единичные члены тайных об-в или причастные к заговору.

В Павловском полку адъютант ген. Потемкина — кн. К. Оболенский.

В л.-гв. Кирасирском полку адъютант главнокомандующего 1-й армией П. П. Титов, член „северного общества".

В лейб-Кирасирском ее вел. гр. Н. Булгари, член „южного общества".

В л.-гв. Гродненском гусарском полку в Варшаве любимый адъютант цесаревича Константина Павловича Лунин, член „северного общества".

В л.-гв. Казачьем полку состоящий при ген.-ад. Чернышеве войсковой историк Сухоруков, считавшийся членом тайного общества (оставлен под надзором).

В прочих гвардейских частях петербургского гарнизона (новом Семеновском полку, Саперном батальоне, л.-гв. 1-й и 2-й арт. бригадах и, само собой разумеется, в гарнизонном батальоне, инвалидных ротах и фурштадтской бригаде) участников восстания и заговора обнаружено не было.

Из приведенных сведений видно, какое громадное количество членов тайных обществ и участников заговора состояло адъютантами высших начальствующих лиц: при цесаревиче—Лунин; при принце А. Виртембергском — А. Бестужев; при главнокомандующих: 1-й армией гр. Сакене — Крюков, Титов, Мусин-Пушкин и Бреверн и 2-й армией Витгенштейне — Ивашев, Басаргин и кн. Барятинский; при дежурстве гвард. пехоты — Е. Оболенский и Ростовцев; при ген.-губернаторах: Закревском — Путята и Хованском — А. Чевкин; при 2-м корпусе — Сабуров; при генералах Раевском — Муханов, Потемкине — В. Оболенский и Чернышеве — Сухо-

руков; при главном командире Кронштадского порта Ф. И. Моллере — П. Бестужев.

Кары, понесенные гвардейскими офицерами, причастными к тайным обществам, заговору и восстанию, указаны в гл. IV, где группировка дана не по полкам, как здесь, а по наказаниям.

Кроме членов „северного и южного" обществ, руководители восстания рассчитывали на содействие многих прежних членов тайных обществ, иногда имевших связи и с новыми обществами. Если бы расчеты на содействие этих лиц оправдались, то среди них восстание нашло бы многих опытных старших офицеров, т.-е. именно то, чего недоставало восставшим. В числе этих лиц были командиры гвардейских полков: Кирасирского — Кошкуль, Семеновского — С. Шипов, командовавший в то время и бригадой и поставленный в очень затруднительное положение при приведении к присяге гвардейского экипажа, и командир бригады 1-й улан. дивизии ген.-м. кн. П. П. Лопухин.

Из строевых полковников старыми членами тайных обществ были: Преображенского полка — Ив. Шипов, Московского — Хвощинский, Финляндского — А. фон-Моллер и А. Тулубьев и Кавалергардского — Владимир Пестель. Особо значительную роль мог сыграть Моллер, бывший дежурным по караулам 1-го отделения. Все они оказались на стороне правительства, а Хвощинский даже в числе раненых.

Из адъютантов бывшими членами тайных обществ были: флиг.-адъютант Александра I — гр. Л. Витгенштейн, адъютанты Михаила Павловича Бибиков (Илья) и кн. Долгорукий (Илья) и даже самого Николая Павловича — Перовский, Кавелин и Н. Годеин. Из гв. ген. штаба — Вальховский, Оленин и Скалон (Ал-др.)

Начальники правительственных войск и гвардейские офицеры и солдаты, оказавшие услуги правительству.

Естественным начальником правительственных войск должен был быть военный генерал-губернатор, граф Милорадович, но он не придал значения доходившим до него сведениям и не принял никаких предупредительных мер. Личное воздействие на восставшие войска этого легкомысленного администратора, но храброго, заслуженного и популярного в гвардии генерала было остановлено пулей Каховского и штыком Е. Оболенского. Непосредственный начальник гвардии, ген. Воинов, был чужд гвардии, стар, совершенно растерялся, и его добросовестные, но неумелые попытки „вразумить" восставших не привели ни к чему, и его самого пришлось выручать из толпы атакой взвода конногвардейцев.

Командование пришлось принять воцарившемуся императору. Учитывая полную неизвестность, кто за кого из войск гарнизона, противоречивые тревожные донесения, задержку прибытия подкреплений, растерянность многих из ближайших сотрудников и, наконец, такие положения, как нахождение его одно время в толпе восставших лейб-гренадер, с военно-технической точки зрения, приходится отдать должное твердым, быстрым и целесообразным распоряжениям Николая Павловича по сбору войск и

окружению противника. Медлительность в решении употребить артиллерию понятна, но принятое решение проводится уже твердо.

Ближайшим, весьма энергичным помощником нового императора явился его брат Михаил, проведший присягу в конной артиллерии и среди оставшейся в казармах более чем половины Московского полка. Приведя к Петровской площади эту часть Московского полка, а затем и Семеновский полк и собрав роту из оставивших ряды восставших лейб-гренадер, Михаил Павлович пытался лично воздействовать и на гвардейский экипаж,— словом, он выполнил свои обязанности и как фельдцейхмейстер, и как шеф артиллерии и Московского полка, и как начальник дивизии, из состава которой были все восставшие части.

Из других лиц, сопровождавших Николая I, своими советами помогали ему такие опытные боевые генералы, как принц Евгений Виртембергский и ген.-адъютанты Толь и кн. Васильчиков. Кроме них, при новом императоре оказались из свиты Александра I ген.-адъютанты Бенкендорф, Голенищев-Кутузов, Депрерадович, Комаровский, Левашев и кн. В. Трубецкой и флиг.-адъютанты: Бибиков (Илларион), кн. Голицын (Андрей Мих.) и Дурново. Из великокняжеской свиты Николая Павловича были — ген. Стрекалов и почти все его адъютанты (см. ниже, стр. 198), а из других лиц — генералы Демидов, Ушаков и Потапов. Большая часть этих лиц рассылалась с приказаниями привести ту или иную гвардейскую часть (за преображенцами посылались Стрекалов, Адлерберг, Голенищев-Кутузов, за саперами — кн. Голицын, за финляндцами — принц Виртембергский и гр. Комаровский, за кавалергардами — Бенкендорф, за конногвардейцами — Перовский, за измайловцами — Кавелин и Левашев, за павловцами — и для перевозки семьи Николая Павловича из Аничковского в Зимний дворец — тот же Кавелин, за гвардейским экипажем — Бибиков, сильно избитый при этом). Гвардейским генералам пришлось главным образом озаботиться проведением присяги, приносившейся в присутствии не только полковых, но и бригадных командиров.

Присяга прошла „благополучно", кроме Московского полка, где ранены были бригадный и полковой командиры (Шеншин и П. Фредерикс), гвардейского экипажа, где арестованных С. Шиповым ротных ком-ров освободили, гвардейской конной артиллерии, где начальнику артиллерии корпуса Сухозанету пришлось арестовать нескольких молодых офицеров, и Измайловского полка, где не полковому ком-ру Симанскому и не бригадному Мартынову, а адъютанту Николая Павловича Кавелину удалось добиться присяги.

Версия о заминке с присягой в л.-гв. 1-й артиллерийской бригаде и указания М. Бестужева, что пешая артиллерия не присоединилась к восставшим только потому, что кн. Александр Мих. Голицын и другие офицеры дали арестовать себя полковнику Сумарокову, навряд ли достоверны. Сумароков с 1824 г. был в отставке, а о Голицыне расследование установило („Алфавит декабристов", стр. 67) лишь, что ему в 1823 г. предлагали вступить в тайное общество, но он отказался.

В Кавалергардском полку присяге не помешали многочисленные члены тайных обществ, но чуть не испортил всего начальник дивизии Бенкендорф, потребовавший присяги без рассуждений и объяснений. Командиру полка гр. С. Ф. Апраксину пришлось его удалить и с толковыми разъ-

яснениями провести присягу. В конном полку проявил сомнение и колебание полковой священник Петр Поляков. Командир полка А. Ф. Орлов вырвал у него присяжные листы и сам привел полк к присяге.

В Финляндском полку присяге не помешали многочисленные молодые офицеры, решившие это сделать 11 декабря на собрании у Репина, но частично испортил дело бригадный ком-р Головин, запретивший без него приводить к присяге возвращавшиеся из караула части. Из-за этого взвод бар. Розена прибыл к месту сосредоточения не присягнувши и легко отказался от действий против восставших.

В остальном роль гвардейских генералов и командиров свелась к сосредоточению своих частей к точно указанным императором местам, к выжиданию и преследованию. Активную роль пришлось играть только конной гвардии, конно-пионерам и 4-м орудиям легкой роты № 1.

Выше, при описании действий трех восставших частей и л.-гв. Финляндского полка, часть которого оказалась нейтральной, обрисованы действия главных участников обеих сторон, а затем ниже отмечены кратко действия участников восстания и заговора в прочих частях. Здесь остается отметить действия командиров, офицеров и некоторых солдат тех же „прочих частей“.

В л.-гв. Преображенском полку ком-р полка Исленьев, ком-р и мл. шт.-офицер 1-го батальона Микулин и Н. А. Титов первые привели батальон к Николаю Павловичу и составили ядро его войск, а ком-р роты его вел. П. Н. Игнатьев был затем выделен из состава батальона и со своей ротой сперва составил конвой императора, а затем закрыл выход на Исаакиевский мост. Фельдфебель 2-й гренад. роты Косяков задержал А. Чевкина, когда он уговаривал роту не присягать.

В л.-гв. Егерском полку, по некоторым данным, ком-р стрелкового взвода роты его выс. Стойкович вернул к повиновению свой взвод, пожелавший вернуться с дороги в казармы. Имеются указания на колебания у егерей, из-за которых не попал в свиту командир батальона Буссе и под подозрением был даже Бистром.

В л.-гв. Павловском полку 5 рот были в караулах по 2, 3 и 5 отделениям города. Начальник караула в Московских казармах унт.-офицер Тюриков и 24 рядовых сохранили повиновение правительству; оставшиеся от караула роты Макшеева, Федяева и Ярца составили батальон под командой Берхмана и под общим начальством ком-ра полка А. Ф. Арбузова прибыли сперва к Зимнему дворцу, а затем закрыли выход на Галерную. Здесь они попали под картечь своих же орудий и выдержали натиск части бросившихся в этом направлении восставших и толпы, потеряв 30 ранеными (1 смертельно, 6 тяжело, остальные — легко).

В л.-гв. саперном батальоне ком-р батальона Геруа предусмотрительно оставил всех 4-х ротных ком-ров в казармах. По первому вызову старший из ротных ком-ров Витовтов быстро построил батальон, роздал патроны и бегом привел ко дворцу, так что саперы только что успели выстроиться ко времени появления Панова с лейб-гренадерами, чем, как считал Николай, были спасены царская семья и дворец. Из прочих ротных ком-ров (Квашнин-Самарин, Баранов и кн. А. Н. Вадбольский) Квашнину-Самарину пришлось еще удержать в повиновении взвод роты его

вел., когда по относе знамени в Аничковский дворец конно-артиллерист И. Коновницын пытался на улице возбудить сапер против присяги.

В л.-гв. 1-й артиллерийской бригаде ком-р бригады Нестеровский собрал и привел бригаду на Дворцовую, затем на Адмиралтейскую площадь, но не позаботился о снарядах и зарядах, и пришлось за ними посылать бриг. адъютанта Философова, Булыгина и Вахтина и часть привезти на извозчиках. Наиболее решающая роль выпала временно командовавшему легкой № 1 ротой поручику Бакунину, первому приведшему те 4 орудия, картечь которых окончательно решила участь военного столкновения 14 декабря.

В л.-гв. конной артиллерии ком-ры конной артил. Гербель и батарейной батареи Пистолькорс и гр. Кушелев восстановили повиновение среди нижних чинов, так что Сухозанету и Михаилу Павловичу пришлось иметь дело лишь с офицерами.

В Кавалергардском полку ком-ру полка гр. С. Ф. Апраксину, как указано выше, пришлось проявить решительность и находчивость при присяге. Из братьев Бутурлиных один (Сергей) был во внутреннем карауле с 13 по 14 декабря, другой (Алексей) со взводом кавалергардов составил конвой, сопровождавший Михаила Павловича, 14 декабря во внутреннем карауле был Андрей Чоглоков (брат декабриста).

В л.-гв. Конном полку ком-ру полка Орлову 2-му со 2-м дивизионом Захаржевского и 3-м под командой Куликовского пришлось произвести те пресловутые короткие с 30 шагов атаки-демонстрации по гололедице, на гладких подковах и с тупыми палашами, которые, конечно, не дали никаких результатов, кроме небольших потерь (смертельно ранен 1 и ранено 2 конногвардейца).

Сменивший кн. Одоевского во внутреннем карауле кн. В. А. Долгоруков на вопрос Николая I, может ли он на него рассчитывать, ответил: „Я — князь Долгоруков". Это не было забыто и явилось началом блестящей карьеры.

Командовавшему 6-м эскадроном фон-Эссену пришлось с 4-м взводом выручать из толпы корпусного ком-ра Воинова и довелось захватить на Васильевском острове последнюю группу московцев со знаменем.

1-му дивизиону гр. В. С. Апраксина пришлось прорваться между сенатом и карре восставших, чтобы закрыть выход на Галерную, а затем по прибытии павловцев — на Исаакиевский мост.

При прорыве, принятом за атаку, и выстраивании, хотя, по словам М. Бестужева, он и отставил залп своего фаса по конногвардейцам, тяжело ранены ком-р шедшего во главе 2-го эскадрона бар. Велио и рядовой Хватов, которым ампутированы руки, и ранены поручик Галахов и 3 конногвардейца. Много пуль попало в кирасы.

В 7-м эскадроне тяжело ушиблен поленом шт.-ротм. Н. А. Игнатьев и ранен его денщик Иванов.

Командир конно-пионерного дивизиона полк. Засс провел его за 1-м дивизионом конногвардейцев и выстроился рядом с ним; по приходе павловцев оставил им взвод и с остальными 7 закрыл выход на Английскую набережную. Эскадронами командовали — гвардейским И. Г. Гагарин и 1-м — Бартоломей. После картечи главная масса бегущих бросилась на набережную и прорвала конно-пионер; при этом под Зассом была убита

лошадь, и ему пришлось саблей отбивать штыки. В свалке убито 2 и ранено 8 конно-пионер. Конно-пионеры в свою очередь убили и ранили нескольких человек.

В Гвардейском генеральном штабе — распорядительность проявили и были за то награждены орденами К. Чевкин 2-й и Траскин.

IV.

Потери ранеными и убитыми с обеих сторон. Кары, наложенные на восставших. Награды правительственным войскам и их начальникам.

Потери сторон.

Из сподвижников воцарившегося императора и вообще из лиц, не принадлежавших к строевому составу войск, 14 декабря пострадали:

СПБ-ский военный генерал-губернатор граф Милорадович, смертельно раненный Каховским и Е. Оболенским и скончавшийся того же 14 декабря.

Командир 1-й гв. пех. бригады ген. Шеншин, раненный саблей князем Щепиным в казармах Московского полка.

Служивший в гл. штабе шт.-капитан квартирмейстерской части Гастфер, раненный Каховским кинжалом в голову за неисполнение требования кричать: „Ура, Константин!“. Флиг.-адъютант И. М. Бибиков, сильно избитый, когда был послан за гвард. экипажем. Избитый прикладом до потери сознания бывший на посту у памятника Петра конный жандарм СПБ-го дивизиона Коновалов. Лошадь его исколота штыками. По некоторым данным был избит также и Я. Ростовцев.

В строю полков пострадали:

В Московском полку командир полка ген.-майор Фредерикс, полковник Хвощинский, 5-й фуз. роты унт.-оф. Моисеев и гренадер Андрей Красовский, все четверо израненные саблей Щепиным; в свалке за знамена сильно избит гренадер Соломон Красовский.

Гренадерского полка командир полковник Стюрлер смертельно ранен 14 декабря Каховским на площади и умер 15 декабря. По некоторым данным избит и полковой адъютант Зольца.

В л.-гв. Павловском полку картечью, выпущенной по восставшим и задевшею головную часть павловцев на Галерной, смертельно ранен 1 и ранено 30 чел., из них более тяжело 7 (унт.-оф. Шонин, флейтщик П. Андреев, рядовые Тюрин, Волков, Симанов, Афанасьев и Попов), остальные 23 легко, повидимому, осколками, отбитыми от домов или при свалке.

Л.-гв. Конного полка смертельно ранен и умер 15 декабря 1 рядовой (3-го эск. Панюта, его кираса и каска хранились в Царскосельском арсенале, а в 70-м году переданы в полк и хранились в столовой 3-го эск., ныне в музее революции в Ленинграде).

Ранен в локоть левой руки командир 2-го эск. полковник барон Велио, и в правое плечо того же эскадрона 1 рядовой (Хватов). Обоим отняты руки (Колет и краги Хватова хранились в столовой 2-го эск.). Кроме того ранены: 7-го эск. штаб-ротмистр Н. Игнатьев тяжел. поленом в пах, 2-го эск. поручик Галахов — зарядом дроби и 7 нижних чинов (рядовые 1-го эск.

Лесовой и Бокуменко, 2-го Лобанов и Найденов, 3-го Супрун и вахмистр Данилов, 7-го эск. денщик Иванов). Лошадей убита 1, ранено 5.

Участники атак единодушно свидетельствовали о большом числе попаданий в кирасы и каски и считали, что если бы Конная гвардия выехала без кирас, как кавалергарды, то потери были бы во много раз больше.

В Конно-пионерном дивизионе убиты 1 унтер-офицер, 1 рядовой, ранено 2 унтер-офицера и 6 рядовых. Под командиром дивизиона Зассом убита лошадь.

В Кавалергардском полку ранен 1 рядовой, 1 лошадь.

В Семеновском — ранено 3 рядовых.

Числовые данные взяты из ведомости от 24 декабря (журн. „Былое“ 1907 г. № 3, стр. 199) и уточнены по данным полковых историй.

В общем убито 2 конно-пионера, смертельно ранены 1 генерал (Милорадович), 1 полковник (Стюрлер) и 2 рядовых (1 конногвардеец и 1 павловец), ранено 2 генерала (Шеншин, Фредерикс), 2 полковника (Велио, Хвощинский), 3 обер-офицера (Игнатьев, Галахов и Гастфер) и 30 нижних чинов (1 кавалергард, 8 конногвардейцев, 3 московца, 7 павловцев, 3 семеновца и 8 конно-пионер), а всего с правительственной стороны убито и смертельно ранено 6 человек и ранено 36 человек.

Потери восставших установить с полной точностью трудно. Очевидец В. Р. Каульбарс утверждает, что офицеры Конной гвардии сосчитали собранных за забором стройки Исаакиевского собора 56 тел убитых на площади, между ними двух маленьких флейтщиков гвард. экипажа и унт.-офицера Московското полка с головами, снесенными картечью, 5 тел принадлежало, повидимому, ремесленникам - зрителям на здании сената, убитым первым выстрелом вверх. Вообще же убитых считалось 70—80 человек.

Если вспомнить, что картечь ближнего действия имела приблизительно по 100 чугунных пуль, а выпущено было 4 картечных снаряда, то приведенное число смертельных поражений будет весьма правдоподобно. При преследовании захвачено было около 700 человек, в том числе московцев 370, гренадер 277 и гв. моряков 62. Остальные вернулись в казармы добровольно.

Некоторое уточнение по полкам дает список раненых, от 16 декабря, приложенный к анонимной статье „О числе жертв 14 декабря 1825 г.“ (журн. „Былое“ 1907 г. № 3/15, стр. 194—198). О гвардейском экипаже имеется список всех нижних чинов, исключенных из экипажа за восстание 14 декабря, приложенный к статье А. Дрезена „Матросы-декабристы“ (журн. „Каторга и ссылка“ 1925 г. № 4/17, стр. 118—123) и к книге И. В. Егорова „Моряки - декабристы“ (стр. 114—122).

По этим спискам можно установить:

В Московском полку: смертельно раненых 2 (6-й фуз. роты унт.-оф. Назаров и 5-й фуз. рядовой Лебедев). Ранены картечью 9 (рядовые: роты его выс. Храпцов, 2-й фуз. Ефимов и Кондратьев, 3-й фуз. Савельев, 2-й грен. Рыпкин и Т. Афанасьев, 5-й фуз. Сергеев, 6-й фуз. Никитин и унт.-оф. Шафеев). Кроме того, ранены роты его выс. рядовые: ушиблен лошадью 1 (Аверьянов), прострелен ружейной пулей 1 (Губин), трое рядовых (2-й фуз. Виноградов и Латунин и 6-й фуз. Вылетков) ранены саблями

или палашами. Всего в Московском полку из числа восставших смертельно ранено 2 и ранено 14. Этим опровергается версия полковой истории о 3-х раненых. Число убитых и без вести пропавших точно выяснить не удалось, но тех и других вместе не должно быть свыше 13, так как в подсчетах полкового историка не выяснена судьба именно этого числа людей.

В Гренадерском полку: смертельно ранен 1 (2-й фуз. роты рядовой Шелапутов). Ранено картечью 11 (рядовые: 1-й фуз. роты Николенко и Стрелков, 2-й фуз. Патронов, 2-й гренад. — Савинов, Л. Иванов и Данилов, 4-й фуз. — Кожин и Гурьянов, 6-й фуз. — Ян и Иконников и 7-й фуз.— Бакурин). Поступили с „вывихом шеи от ударов“ 2 (5-й фуз. Иван Тимофеев и 1-й фуз. — Леонтий Тимофеев). Всего смертельно ранен 1, ранено 11 и избито 2.

В гвардейском экипаже: убито 5 (матросы 2-й роты Архипов и Лаврентьев, 7-й — Федоров и Малафеев и 8-й роты флейтщик Ф. Андреев). О числе смертельно раненых расхождение: у А. Дрезена в тексте указано 8, в списке — 4, в „Былом“ — 6, в раннем списке у И. В. Егорова — 2. Руководствуясь только списками, смертельно раненых окажется 5 (матросы: 2-й роты Анатуин, Тулапин и Кириллов, 5-й — К. Соколов и арт. команды канонир Н. Иванов). Раненых картечью 14 (матросы 1-й роты И. Зайцев, Шишманов и Суровой, 2-й — Пегов, Кононов, Ерыгин, Королев, 4-й — Крюков, 5-й — Трунов, Р. Волков, Захаров; арт. команды канониры Крылов, С. Зайцев, Кулаков; последним двум отняты руки), сильно придавлен лошадью 1 (6-й роты матрос И. Хватов). Без вести пропало, т.-е. большей частью убито, 15 человек (матросы 2-й роты Стефансон, Шабанов, Григорьев, Яковлев, Антонов; 3-й роты Васильев, 5-й роты Глотов, Голубков, Морозов; 7-й роты Богданов; квартирм. 5-й роты Аксенов, арт. команды унт.-оф. С. Афанасьев, бомбардиры Овечкин, Каменский и Черняков). В крепость посажено не раненых 51 чел. Итого в экипаже убито 5, смертельно ранено — 5, ранено — 15, без вести пропало — 15 и арестовано — 51.

Кары, наложенные на гвардейских офицеров и солдат, причастных к восстанию 14 декабря.

Хотя в литературе много раз давались сведения о карах, обрушившихся на декабристов, а в настоящее время издан „Алфавит декабристов“, могущий явиться солидным справочником по этому вопросу, небезынтересно и в настоящей справке дать самые краткие, но систематизированные сведения о карах, постигших гвардейских офицеров и солдат, тем более, что о последних данных опубликовано еще очень мало. Что касается офицеров гвардии и других участников в восстании таковой, то нелишне разобраться в двух группах: а) руководители и участники восстания гвардии 14 декабря, или хотя бы препятствовавшие присяге гвардейских частей, т.-е. так или иначе активно выступившие против воцарения Николая Павловича, и б) гвардейские офицеры, члены тайных обществ, или связанные с ними и с подготовительными стадиями заговора, но не принимавшие активного участия в самом восстания гвардии.

Ниже дается краткий перечень по этим группам. Кары указаны согласно конфирмации приговора Николаем I в июле или согласно приказов того же месяца, т.-е. не учитывая всего ряда позднейших смягчений, начавшихся со дня коронации 22 августа 1826 г., когда значительной части сосланных на каторгу срок был сокращен в среднем на одну треть.

Кары, наложенные на руководителей и участников восстания 14 декабря.

Приговоренные к четвертованию вожди восстания, бывшие офицеры Рылеев и Каховский, повешены 13 июля 1826 г.

Приговоренные к отсечению головы сосланы на пожизненную каторгу: диктатор, полковник Преображенского полка кн. Трубецкой, принявший под конец командование старший адъютант гвард. пехоты кн. Е. Оболенский, б. гв. артиллерист И. Пущин и Нижегородский драгун Якубович, а также главные руководители восстания в своих частях: Московского п. кн. Щепин-Ростовский, Гренадерского — Сутгоф и Панов и гвард. экипажа—Арбузов и Дивов. Из той же категории сосланы на каторгу на 20 лет адъютант герцога А. Виртембергского лейб-драгун А. Бестужев и невоенный В. Кюхельбекер.

Сосланы на каторжные работы пожизненно: руководители восстания в Московском п. М. Бестужев и в гвардейском экипаже Н. Бестужев; на 12 лет Конного полка кн. Одоевский и гвард. экипажа А. Беляев и П. Беляев; в 1827 г. Московского полка унт.-оф. Луцкий и фузилер Поветкин. На 10 лет — Финляндского п. бар. Розен и невоенный Глебов; на 8 лет — Финляндского п. Репин и гвард. экипажа М. Кюхельбекер.

Заключены в крепость с лишением дворянства и воинского звания — на 5 лет гвард. экип. М. Бодиско и на 1 год — гв. ген. штаба П. Коновницын.

Разжалованы в рядовые без выслуги с лишением дворянства — гвард. экип. Б. Бодиско и Финляндского п. Н. Цебриков.

Разжалованы в рядовые с правом выслуги—Измайловского п. Фок, гвард. экип. Акулов, Вишневский и Э. Мусин-Пушкин и адъютант гл. командира Кронштадтского порта Ф. И. Моллера мичман 27-го эк. П. Бестужев.

Переведены в армию теми же чинами с заключением в крепости на 4 г. — Кавалергардского п. Горожанский, на 1 год—гв. ген. штаба Палицын, на 6 мес.: Измайловского п. кн. А. П. Вадбольский и Малютин, Гренадерского п. А. Кожевников и гвард. экип. Шпейер, — без заключения в крепости: Измайловского п. Гудим, Московского п. Броке и Волков, Гренадерского п. Шторх и гвард. экип. Тыртов. К этой группе могут быть отнесены откомандированные обратно в армию от гв. конной артиллерии гр. И. Коновницын и от Московского п. Лашкевич.

Высланы: в Березов статский советник Горский (в 1827 г.), за границу англичане Гайнам и Буль (в 1826 г.).

Оставлены без наказания, но часть под надзором — бывшие на площади, но вернувшиеся Гренадерского п. Штакельберг, А. П. Пущин, Лелякин, гвард. экип. Д. Лермонтов, Баранцев, А. Цебриков, Миллер, кн.

Колунчаков и А. Литке; сопротивлявшиеся присяге л.-гв. конн. арт. Вилламов, кн. А. Гагарин, Лукин и Малиновский; агитировавшие против присяги в чужих частях: в 1-м бат. преображенцев на Миллионной адъютант князя Хованского конно-егерь А. Чевкин и в 3-м бат. измайловцев на походе из Петергофа у „Красного Кабачка" лейб-улан Ант. Скалон. К этой же группе могут быть отнесены назначенные в Сводно-гвардейский п. на Кавказ наравне с ненаказанными офицерами Московского п., кн. Кудашев, Гренадерского п. П. Прянишников и Финляндского Богданов.

Покончил с собой до суда б. лейб-гренадер, командир 12-го Егерского п. Булатов.

Кары, наложенные на гвардейских офицеров — членов тайных обществ и причастных к заговору, но не принимавших в день 14 декабря активного участия в восстании.

Приговорен к отсечению головы и сослан на каторгу пожизненно адъютант главнокомандующего 2-й армии гр. Витгенштейна лейбгусар кн. Барятинский.

Сосланы на каторжные работы — на 20 л. — Кавалергардского п. Анненков и Свистунов и того же полка адъютанты главнокомандующих армиями — 1-й Сакена — Крюков и 2-й Витгенштейна — Ивашов, Егерского п. адъютант главнокомандующего 2-й армии Басаргин, Финляндского п. Митьков, адъютант цесаревича гродненский гусар Лунин и ближайший помощник вел. кн. Николая Павловича по 2-й гв. дивизии, дивизионный квартирмейстер, гв. ген. штаба Никита Муравьев; на 12 лет — Кавалергардского п. гр. З. Чернышев и А. М. Муравьев, гв. Конн. артил. Кривцов, гв. ген. штаба Корнилович и Измайловского п. адъютант ген. Раевского Муханов.

Заключен в крепость на 2 года с лишением дворянства и воинского звания лейб-кирасир ее вел. п. гр. Булгари.

Сосланы в Сибирь на поселение пожизненно: Измайловского п. А. Андреев и л.-гв. Конно-пионерного эск. Назимов.

Разжалованы в рядовые без выслуги с лишением дворянства Измайловского п. Н. Кожевников и л.-гв. Конно-пионерного эск. М. Пущин и с выслугой — Измайловского п. Лаппа.

Переведены в армию теми же чинами с заключением в крепость: на 6 мес. — Кавалергардского п. Кологривов, гв. ген. шт. Искрицкий, на 4 мес. — Измайловского п. Гангеблов, на 3 мес. — адъютант главнокомандующего 1-й армии гв. Кирасирского п. П. П. Титов, на 2 мес. — Конного п. Ренкевич и на 1 мес. — Кавалергардского п. Арцыбашев и кн. Васильчиков, адъютант главнокомандующего 1-й армии измайловец гр. В. Мусин-Пушкин и адъютант 2-го пех. корп. Л.-гв. гусарского п. Сабуров. Без заключения в крепости: Кавалергардского п. кн. А. Вяземский, Н. Н. Депрерадович и Свиньин, Конного п. Алексей Плещеев, Преображенского п. Н. Шереметев, Гренадерского п. Корсаков, Финляндского п. Добринский и Павловского адъютант ген. Потемкина кн. К. Оболенский.

Оставлены без наказания из числа лиц, о причастности которых к тайным обществам были показания: Конного полка — Барыков,

М. Голицын, Ал-др Плещеев, эстандарт-юнкер кн. Италийский, гр. Суворов-Рымникский и адъютант главнокомандующего 1-й армии Бреверн; л.-гусар Колокольцов; адъютант финляндского ген.-губ. Закревского конно-егерь Путята; состоявший при Чернышеве л.-казак Сухоруков и адъютант гв. пехоты л.-егерь Яков Ив. Ростовцев, сделавший сообщение о заговоре Николаю. Отчасти сюда можно отнести Финляндского полка Синявина, которому в наказание вменено 3-месячное предварительное заключение.

Покончил с собой до ареста Измайловского п. Богданович.

При подведении итогов получится, что за участие в восстании гвардии казнено 2 чел., сослано на каторгу 20, в крепость 2, разжаловано без выслуги 3, с выслугой 5, переведено в армию с заключением в крепость 6, без крепости 5, выслано 3. Покончил с собой до суда 1, а всего пострадало 52 человека. Оставлено без наказания 17 человек.

Из гвардейских офицеров, членов тайных обществ и причастных к заговору, но не участвовавших непосредственно в восстании, сослано на каторгу 14, на поселение 2, в крепость 1, разжаловано без выслуги 2, с выслугой 1, переведены в армию с заключением в крепости 9 и без заключения 8; покончил с собой 1, а всего пострадало 38. Оставлено без взыскания 11 чел.

В общем, причастными к восстанию оказалось 64, к тайным обществам и заговору 49, а всего 113 человек. Из них к 14 декабря не были гвардейскими офицерами лишь 12 человек: Рылеев, Каховский, В. Кюхельбекер, Н. Бестужев, П. Бестужев, Гайнам, Буль, Глебов, Булатов, Якубович, Горский и Ив. Пущин. Впрочем, последние 4 — бывшие гвардейские офицеры.

Из гвардейского начальства многие попали в опалу. В течение 1826 г. были заменены другими лицами: командир гв. корпуса Воинов (великим князем Михаилом) и командиры Измайловского полка Симанский и гв. экип. Качалов. Начальник штаба Нейдгардт удержался лишь благодаря очень сильной протекции. Командир кавалергардов флиг.-адъютант гр. С. Ф. Апраксин при производстве в генералы 15 декабря не был зачислен генерал-адъютантом, и вообще кавалергардов Николай I еще долго недолюбливал, называя их: „Mes amis du quatorze“.

Другой революционный взрыв — у Василькова — восстание Черниговского полка — ликвидированный 3 января 1826 г., возник также в значительной мере под воздействием бывших гвардейских офицеров — семеновцев старого состава, переведенных в армию в 1820 г. при раскассировании Семеновского полка после шварцевской истории.

Кары, наложенные на гвардейских солдат и матросов, участников восстания 14 декабря.

Насколько изучены материалы, касающиеся так называемых „декабристов“, т.-е. сознательных руководителей и участников революционного движения 1825 года, настолько же бедны материалы о солдатской и матросской массе, давшей физическую силу движению при его внешнем проявлении. Хотя и считалось, что Николай I счел причиной выступления войсковой массы „избыток верноподданничества“, но, избегнув

в большей части тогдашних ужасающих суровых наказаний (как, напр., солдаты Черниговского полка), гвардейские солдаты, участники восстания, перенесли немало испытаний: крепость и тяжелый поход на Кавказ, а двое (московцы Луцкий и Поветкин) — каторгу.

На основании имеющихся материалов (главным образом трудов Пестрикова и Скрутовского и немногих документов быв. архива штаба гв. корпуса) о наказаниях, которым были подвергнуты солдатские и матросские массы, можно сказать следующее.

Все арестованные при преследовании и в ближайшие дни нижние чины Московского и Гренадерского полков и гв. экипажа и некоторые персонально обвиненные, напр., 6 московцев, спрятавших знамя 2-го бат., были посажены в Петропавловскую крепость, а оттуда переведены московцы в Выборг, а гренадеры и гв. моряки в Кексгольм, где и содержались в казематах тамошних старинных крепостных сооружений. По окончании расследования они были переведены в армейские и гарнизонные части, преимущественно на Кавказ. В конце 1826 г. было возбуждено заново дело о двух нижних чинах Московского полка: унт.-оф. Луцком и фузилере Поветкине, сосланных 6 мая 1827 г. на пожизненную каторгу.

Добровольно явившиеся были снова поставлены в строй своих частей, при чем для командования ротами, составленными из бывших восставших, временно назначены были офицеры других частей. В Московском полку—временно командующим полком назначен командир л.-гв. саперного батальона Геруа, для командования ротами — поручики того же батальона Аверин, Аделунг, Львов и Завальевский 3-й. Гренадерский полк был временно поручен Преображенского полка полковнику И. П. Шипову 2-му.

Приказом по Гв. корпусу от 17 февраля 1826 г. гвардейские солдаты, участники восстания, добровольно явившиеся в казармы, были назначены на составление Сводно-гвардейского пехотного полка из 3-х рот Московского и 4-х рот Гренадерского полков с тем, чтобы боевой службой на Кавказе „искупить свою вину“. Командование Сводным полком было поручено тому же Шипову 2-му, батальоном Московского полка Хвощинскому и Гренадерского — Шебеко. Батальоны были названы 2-ми, а фузилерные роты — 4-й, 5-й и 6-й; гренадерская рота лейб-гренадер — 2-й гренадерской. В феврале 1827 г. батальоны эти названы 3-ми, а роты обоих полков соответственно переименованы в 3-ю гренадерскую и 7-ю, 8-ю и 9-ю фузилерные.

На составление полка поступило:

Московского п. 18 оф., 31 унт.-оф., 388 ряд., 11 муз., 29 нестроевых; всего нижних чинов 459.

Гренадерского п. 15 оф., 42 унт.-оф., 702 ряд., 21 муз., 42 нестроевых; всего нижних чинов 807.

Других частей (преимущественно гв. экипажа) — нижн. чинов 77.

Всего 33 офицера и 1.333 нижних чина.

Командующий полком Шипов оставался в списках Преображенского полка. Полк выступил 26 февраля 1826 г. и вернулся в Петербург 11 декабря 1827 г. Чины полка сохраняли все время свою гвардейскую форму, старшинство и жалованье, и вообще на Кавказе полк был в привилегированном положении.

За время пребывания на Кавказе была доформирована 3-я гренад. рота Московского полка. На составление ее поступили из кавказских армейских частей 27 унг.-оф. и 118 рядовых бывшего Семеновского полка, сосланные на Кавказ в 1820 г. после шварцевской истории. Кроме того, на укомплектование полка из числа переведенных в армию участников восстания 14 декабря поступило 581 бывших гвардейцев (37 б. гв. моряков, остальные б. московцы и гренадеры), а также 264 отборных солдата кавказских полков.

Убыль полка за поход выразилась следующими цифрами: убит в бою 1 ряд., умерло от ран и болезней в госпиталях — 319, переведено в виде наказания в армейские части 3 офицера и 15 солдат.

Из указанного выше видно, что Сводный полк вернулся в столицу, имея в своем составе из солдат, участников восстания 14 декабря, не только добровольно явившихся и попавших сразу в Сводный полк, но и почти всех бывших арестованных, отсидевших в крепости и переведенных сперва в армейские полки на Кавказ. Кроме того, вернулось около роты бывших семеновцев старого состава. По прибытии в Петербург, Сводный полк был упразднен, а его Московский и Гренадерский батальоны вернулись снова в состав своих коренных полков третьими батальонами.

Награды правительственным войскам.

Весьма показательны для эпохи и для правительства не только меры строгости по отношению к восставшим, но и меры поощрения верных правительству начальников и войск.

Всем нижним чинам, бывшим в строю правительственных войск у Сенатской площади, Зимнего дворца, Петропавловской крепости и в прочих караулах было дано по 2 рубля, по 2 чарки водки и по 2 фунта рыбы. Нижним чинам частей, вызванных из-за города, дано по 1 рублю, 1 чарке водки и 1 фунту рыбы.

Что касается начальствующих лиц и строевых офицеров гвардии, свиты и столичного генералитета, оказавших услуги правительству, возглавлявших важнейшие караулы, а также пострадавших, то ими были получены разнообразные награды. Не приводя подробно данных о каждом из отличившихся, раненых и прочих награжденных, ниже указываются общие данные об этих наградах.

Многим генералам и офицерам были объявлены в приказах общие и именные благодарности. Некоторым даны ордена. Самой крупной и существенной наградой явилось сравнительно массовое зачисление в свиту. Назначенье генерал-адъютантами и флигель-адъютантами было в то время не только весьма почетной наградой, но, приближая к императору в качестве его личного адъютанта, открывало честолюбивому и мало-мальски способному офицеру блестящую военную карьеру. Ни до, ни после 14 декабря назначение в свиту не имело массового характера. В связи с 14 декабря было назначено 20 ген.-адъютантов и 40 флиг.-адъютантов. Принято считать, что в свиту были назначены все гвардейские генералы и командиры бригад, полков, батальонов и дивизионов. На самом деле

это не совсем так. Вопрос этот в истории свиты не разработан, а дает характерную картину.

Ген.-адъютантами назначены по 25-е декабря оба коменданта: города (Башуцкий) и крепости (Сукин); 14 гвард. генералов, а именно: командиры: корпуса (Воинов), трех пех. бригад (1-й Шеншин, 3-й Мартынов и 4-й Головин) и пяти полков (Преображенского — Исленьев, Московского — П. А. Фредерикс, Финляндского — Воропанов, Семеновского — С. Шипов и Драгунского — Чичерин, — последние двое командовали и бригадами); начальники: штаба (Нейдгардт) и по родам оружия (пехоты — Бистром, артиллерии — Сухозанет и инженеров — Сазонов).

Кроме того, назначено 4 генерала персонально (Стрекалов, Ушаков, Потапов и Демидов). 22 августа 1826 г. ген.-адъютантом назначен произведенный 15 декабря 1825 г. в генералы ком-р гвардейских сапер (Геруа). Не за 14-е декабря назначен только 1 (отставной адмирал Синявин)

Флигель-адъютантами по 15-е января были назначены все 7 бывших адъютантов вел. князя Николая Павловича (Кавелин, Перовский, Н. Годеин, бар. Делингсгаузен, Лазарев, Адлерберг и гр. Ивелич); воспитатель наследника (Мердер), один из адъютантов Милорадовича (гр. Мантейфель), 7 ком-ров гв. частей (Гренадерского п. Стюрлер, Павловского — Арбузов, Измайловского — Симанский, Егерского — Гартонг, 1-й арт. бриг.— Нестеровский, Конной артиллерии — Гербель и Конно-пионерного эскадрона — Засс), 11 офицеров, выделившихся в рядах правительственных войск 14 декабря или раненых в этот день (Преображенского п. — Микулин, Титов, Игнатьев; Московского — Хвощинский и гр. Ливен; Гренадерского — кн. Мещерский и бар. Зальца; Павловского — Берхман; Финляндского — А. Ф. Моллер и Конного — Велио и Захаржевский). Из ком-ров батальонов и дивизионов, бывших на Сенатской площади просто по должности, назначено лишь 8 (Семеновского — Альбрехт и Штегельман, Измайловского — де-Витте и Веселовский, Егерского — Саргер, Преображенского — Прянишников, Кавалергардского — Ланской 2-й и Шереметев 1-й); один обер-офицер (семеновский кап. Дебань-Скоротецкий); из старших полковников назначено 3 (Саперного бат.—Бель, бывший в Зимнем дворце, Драгунского — Шембель и Гусарского — бар. Арпсгофен, приведшие свои полки из загородного расположения). Итого 39. Сороковым можно считать Кавалергардского полка полковника Владимира Пестеля, назначенного 14 июля 1826 г., на другой день после казни его брата.

Не в связи с 14 декабря по июль назначено лишь 2 человека, бывшие при Александре I в Таганроге, и 3 ком-ра гвард. частей, не вызванных за дальностью 14 декабря (Кирасирского п. Кошкуль, Конно-егерского Слатвинский и л.-гв. 2-й арт. бриг. Полозов).

Командиры частей, уже бывшие в свите, получили другие награды: Конного полка ген.-ад. А. Ф. Орлов титул графа, и в его герб внесено изменение в изображении льва: он изображен раздирающим гидру революции; Кавалергардского (флиг.-ад. гр. С. Ф. Апраксин) и Саперного бат. (флиг.-ад. Геруа) были произведены в генералы. Генералы, командовавшие полками—Уланским Андреевский и Казачьим Ефремов, не были назначены генерал-адъютантами, а получили алмазные знаки Анны 1-й степени.

При рассмотрении наград замечается некоторое несоответствие их с заслугами перед правительством. Понятно назначение в свиту раненых Шеншина, П. Фредерикса, Стюрлера, Велио и Хвощинского, удержавших свои роты и взводы в повиновении Мещерского и Ливена, водившего в атаку Захаржевского, и возглавлявших ответственные батальоны и роты Микулина, Н. А. Титова, П. Н. Игнатьева, А. Ф. Моллера и Берхмана, но оказавшие правительству гораздо более серьезные услуги Витовтов, спасший быстрым приводом сапер Зимний дворец, и Бакунин, решивший участь дня картечью своих орудий, в свиту не попали, а получили Владимира 4-й ст., тогда как в свиту попал ряд ничем не выделившихся офицеров. Из адъютантов Милорадовича в свиту попал гр. Мантейфель, удачно съездивший за Майбородой, а не А. Башуцкий, сопровождавший Милорадовича и доставивший его в безопасное место после смертельного ранения (получил Владимира 4-й ст.). Не попал в свиту и Финляндского п. Я. Насакен, продержавший свой маленький караул под ружьем у сената, вплотную к восставшим (получил чин и Владимира 4-й ст.). Офицеры караула Зимнего дворца (Прибытков, Греч и Боассель) получили даже не ордена, а благодарность в приказе. Ордена были даны с выбором, а именно, из ком-в рот только: двум Финляндского полка (Белевцеву и Вяткину), закрывшим выход на Исаакиевский мост, трем Павловского полка (Макшееву, Федяеву и Ярцу), закрывшим выход на Галерную, и всем четырем Саперного бат. (Витовтову, Квашнину-Самарину, Баранову и кн. А. Н. Вадбольскому), приведшим свои роты на защиту Зимнего дворца. В Кавалергардском и Конном полках ордена были даны всем командирам полков, дивизионов и эскадронов, старшим полковникам и полковым адъютантам, и по 6 эстандарт-юнкеров было произведено в офицеры. При этом не была сделана разница между конногвардейцами, действовавшими в боевой линии, и кавалергардами, простоявшими в резерве.

Кроме указанных, были еще награды денежные. Так, в Конном полку всем нижним чинам был дан значительно повышенный оклад, присвоенный до того только кавалергардам, а именно, жалованье в $^1/_3$ года положено в размере:

Старш. вахмистру вместо	31 р. 39 к.	39 р. 98 к.
Младш. вахм. и унт.-оф. вместо	19 „ 99 „	26 „ 65 „
220 ст. рядовым вместо	7 „ 39 „	12 „ 80 „
Ост. рядовым вместо	7 „ 39 „	8 „ 38 „

Наиболее отличившимся 14-го декабря конно-пионерам тогда же дано на 25 чел. в гвардейском и на 25 чел. в 1-м армейском эскадронах на фельдфебеля по 50 руб., на унтер-офицера по 40 и на рядового по 30 руб. В л.-гв. Саперном батальоне всем офицерам, бывшим в строю, выдан годовой оклад жалованья, от 600 руб.— прапорщику, до 1.200 руб.— полковнику. Денежные награды были даны раненым в размере от 50 до 500 руб., а конно-гвардейцу М. Хватову, потерявшему руку, и вдове убитого конно-пионерного унт.-оф. Антипина пожизненные пенсии в 500 руб. Такая же сумма была дана гренадеру Московского полка Х. Григорьеву, спасшему жизнь ген. Шеншина, отведя удар кн. Щепина. Гв. матросы С. Дорофеев, М. Федоров и А. Куроптев, считавшиеся спасителями жизни вел. князя

Михаила Павловича, получили пожизнееные пенсии по 200 р. и были направлены на службу к в. кн. Михаилу Павловичу. Сравнительно щедрые награды даны были и некоторым караулам. Начальнику караула Павловского п. в Московских казармах, унт.-офицеру Тюрикову дано 300 руб., а на остальных 24 чина караула—1.000 руб. В карауле на Сенатской площади дано 3-м унт.-офицерам по 100 руб. и прочим 37 чел. по 50 руб. В карауле Зимнего дворца и присутственных мест унт.-офицерам — по 10 руб., а прочим — по 5 руб.

Император Николай во все свое царствование продолжал оказывать особое расположение преображенцам, гв. саперам, конно-пионерам и конной гвард ии.

Кроме наград отдельным лицам, были даны почетные вновь установленные награды свите и целым частям. Всем бывшим чинам свиты Александра I оставлены его вензеля, всем состоявшим к 14 декабря в ротах его вел. Преображенского, Семеновского и Гренадерского полков даны такие же вензеля. Звание шефа Николай I принял после Александра I как в этих полках, так и в л.-гв. Кирасирском (вензеля этому полку не были даны, может быть, как не бывшему в строю 14-го декабря; сохранилось ходатайство Бенкендорфа об этих вензелях, но без резолюции Николая I). Шефство новым императором сохранено в Измайловском полку и в л.-гв. Саперном батальоне. Мундиры Александра I даны не только в шефские Преображенский и Семеновский полки, но и в остальные гвардейские пехотные, кроме Московского и Гренадерского. Дан также мундир в Гвардейскую артиллерию и из кавалерии только в Кавалергардский, Конный, Гусарский и Конно-егерский полки.

Заслуживают быть отмеченными еще следующие факты в области наград.

Подпоручик Ростовцев при своем свидании с Николаем Павловичем 12 дек. усиленно просил не награждать его за сообщение о заговоре в гвардии. На это он получил в ответ заявление, что наградой ему будет „дружба“ императора. Действительно, Ростовцев в свиту Николая попал лишь через 23 года и не за 14 декабря, но состоять при вел. кн. Михаиле назначен уже в январе 1826 г., а в поручики произведен 18 декабря.

Типично для эпохи также, что брат Павла Ив. Пестеля, Владимир Ив., полковник Кавалергардского полка, был 14 декабря в строю полка и во главе своего 2-го эскадрона и 1 января награжден орденом Анны 2-й ст. Как уже указано, на другой день казни брата он был назначен флигель-адъютантом. Тем же приказом 14 июля в Кавалергардский полк из Конно-егерского п. (молодой гвардии) переведен третий брат, поручик Александр Ив. При этом для службы в самом дорогом и аристократическом полку ему было дано ежегодное пособие в 3 тыс. рублей.

Последними штрихами, связывающими гвардию с революционными вспышками 1825—1826 г.г., явился ряд переводов в гвардию. Приказом 20 января 1826 г. в гвардию переведена в полном составе 1-я гренадерская рота Черниговского пех. полка, как единственная оставшаяся на стороне правительства при восстании полка. Командир роты, капитан Козлов был осыпан наградами: 9 января произведен в майоры, 28 января переведен тем же чином в молодую гвардию (л.-гв. Гренадерский п.) и 19 марта капитаном в старую гвардию (в л.-гв. Московский п.). По прибытии роты в СПБ 14 апреля 1826 г. Козлов получил 2.000 руб., а

солдаты роты по 2 руб. Рота включена в Московский полк целиком (кап. Козлов, 10 унт.-оф., 141 ряд., 1 муз. и 2 нестроевых).

Еще более типичным для эпохи явился перевод в гвардию лиц, сделавших доносы о заговоре — Шервуда и Майбороды. Унт.-офицер из вольноопределяющихся Шервуд из 3-го Украинского уланского полка был переведен 8 января в л.-гв. Драгунский полк и вскоре произведен в корнеты того же полка, а капитан Вятского полка Майборода был переведен в л.-гв. Гренадерский полк.

V.

Краткий военный разбор вооруженного столкновения сторон 14 декабря 1825 года.

При рассмотрении событий 14 декабря исключительно с военной точки зрения, как вооруженного столкновения войск двух враждебных сторон, военный разбор этих событий трудно укладывается в шаблонные рамки разборов как обычных для боевых столкновений с войсками иностранных враждебных армий, так и столкновений сторон в гражданских войнах.

Вооруженное столкновение 14 декабря имело свои специфические отличия от обычных боевых столкновений названных категорий. Об отличиях от боев с войсками иностранных армий говорить не приходится, так как это ясно само собой; от столкновений гражданской войны главное отличие было в том, что в солдатской массе не было ни взаимного озлобления, ни сознательной принадлежности к тому или другому лагерю. Обе стороны считали себя лойяльными исполнителями солдатской присяги и ждали, что и противная сторона к ним присоединится. У обеих сторон были периоды колебаний и сомнений в своей правоте. Только вожди и руководители действий обеих сторон были, и то не все, сознательными борцами. Озлобление явилось только от внешних причин — долгого стояния на морозе, а у конницы от обстрела, хотя и не очень действительного со стороны восставших. Отметив указанные особенности, можно перейти к попытке военного разбора событий 14 декабря.

Вожди обеих сторон.

Вождем восстания должен был явиться С. Трубецкой, руководимый Рылеевым и опираясь на военный опыт Булатова и Якубовича. Как известно, назначение Трубецкого состоялось перед самым выступлением, и ни он, ни остальные названные лица не взяли командования в свои руки, и импровизированными начальниками явились братья Николай, Михаил и Александр Бестужевы, Каховский, Е. Оболенский, Щепин, Сутгоф, Панов, А. П. Арбузов и другие молодые офицеры. Общим начальником был номинально под конец Оболенский, и каждый действовал по своему усмотрению.

У правительственной стороны, как указано на стр. 186, естественный вождь ген.-губ. граф Милорадович не принял никаких подготовительных мер и выбыл из строя в самом начале столкновения. Естественный его заместитель и помощник, престарелый командир гв. корпуса Воинов растерялся и оказался совершенно не на высоте. Управление войсками

и их военными действиями вынужден был взять в свои руки воцарившийся император. Как было указано выше, все его распоряжения по сбору войск на защиту Зимнего дворца, для окружения восставших на Сенатской площади и для вызова резервов из загородного расположения были, с военно-технической точки зрения, планомерны, разумны и своевременны. В отношении принятия решительных мер на самой площади Николай I проявил некоторое колебание. События могли бы принять другой оборот, если бы не настояния более опытных и решительных генералов — принца Е. Виртембергского, Толя и Васильчикова. Меры преследования разбитого противника были достаточно энергичны и настойчивы, меры охраны на случай новых покушений противника — даже чрезмерны. Правительство не сразу сумело определить, что противник разбит окончательно.

Штабы и связь.

Организованного штабного аппарата не оказалось у обеих сторон. У восставших этот важный орган не был совершенно сформирован, и функции по связи несли молодые офицеры гв. ген. штаба П. Коновницын и Палицын. Правительство не подготовило к использованию аппараты ни главного штаба, ни штаба гвардейского корпуса.

Связь была налажена импровизированно у обеих сторон. У восставших поднимать полки направилась часть главных руководителей, А. и Н. Бестужевы и Каховский, и в своих частях действовали М. Бестужев, Щепин, Сутгоф, Панов и Розен, но большею частью без связи друг с другом. Николаю I пришлось также использовать для проведения присяги всех строевых начальников от командиров полков и выше, которых он собрал 14-го с раннего утра. При этом была сделана колоссальная ошибка — дано приказание всем гвардейским офицерам собраться во дворец на молебствие, что оставляло вымуштрованную, покорную и лишенную инициативы солдатскую массу без обычных начальников тем более доступною для агитации противного лагеря. Так оказалось в Гренадерском полку, где офицеры после присяги отправились во дворец, проявилось в Московском, где командир полка собрал офицеров к себе. Наоборот — инициатива Геруа, оставившего ротных командиров саперного батальона в казармах, принесла правительству бо́льшую пользу.

По возникновении восстания сбор войск производился всеми подручными генералами и адъютантами, что, впрочем, в известной степени соответствовало приемам эпохи, когда не существовало иной связи, кроме посылки адъютанта или ординарца. У восставших наиболее удачным явилось выполнение принятого накануне плана сосредоточения на Сенатской площади, что провели А. и М. Бестужевы, Щепин, Сутгоф, Панов, Н. Бестужев и А. П. Арбузов подчас вопреки пользе дела.

Состав сторон.

Действия руководителей обеих сторон были крайне затруднены тем, что обе они черпали свою вооруженную силу из одного и того же источника — из рядов строевых гвардейских частей петербургского гарни-

зона. Поэтому, до последней минуты вожди обеих сторон не могли быть твердо уверены, какие именно войска окажутся на их стороне, какие — на стороне противника. Действительность показала, что расчеты и предположения обеих сторон далеко не оправдались. Надежды, возлагавшиеся на полки, наиболее насыщенные участниками тайных обществ и заговора, т.-е. на Кавалергардский и Измайловский, а также на шефские полки цесаревича, Конный и Егерский, не оправдались. Они оказались в строю правительственных войск. Поднять удалось лишь часть Московского и Гренадерского полков и весь гвардейский экипаж, где оказались энергичные руководители в лице А., М. и Н. Бестужевых, Щепина, Сутгофа, Панова, Арбузова, М. Кюхельбекера и Дивоза. Розену удалось нейтрализовать часть Финляндского полка.

Правительство также не могло иметь точного учета своих сил. Уже ранее подозрительный для Николая Кавалергардский полк оказался в его руках. Наоборот, среди любимых шефских частей оказались неприятные неожиданности: сопротивление присяге у Измайловцев и отсутствие старшего офицера М. Пущина у конно-пионер. Переход на ту или другую сторону решался в частях иногда импровизированно, благодаря энергии отдельных лиц: так в Кавалергардском полку это сделал командир полка С. Апраксин, в Измайловском адъютант Николая Павловича — Кавелин, в части Московского полка, оставшейся в казармах (свыше 900 человек), и в конной артиллерии присяга осуществилась лишь после личного появления их шефа Михаила Павловича, рассеявшего версию об аресте своем и Константина.

Если к решительной минуте в руках восставших оказалось до 3 тысяч штыков без конницы и артиллерии и без общего начальника, а у окружившего их со всех сторон противника около 9 тысяч штыков, 3 тысяч сабель и 36 орудий, то это еще не являлось окончательным показателем соотношения сил. Начальники не могли быть уверены, что в соответствующую минуту остальная артиллерия — 88 орудий и вызванные из-за города 8 батальонов и 22 эскадрона не окажутся в руках противника. Даже между войсками, собранными обеими сторонами на Сенатскую площадь, не было особой уверенности в настроении ни своем, ни противника. У московцев замечалось колебание, и их карре пришлось обставить со всех сторон свеже прибывшими гренадерами. 137 гренадер по одиночке перешло к правительственным войскам. С другой стороны, настроение финляндцев, отказавшихся стрелять по восставшим, могло передаться и другим полкам. Московцы и гренадеры считали, быть может — не без основания, что конная гвардия только демонстрирует и в удобную минуту перейдет на их сторону. Этим отчасти объясняются незначительные потери конной гвардии при выстаивании под огнем пехоты в 30 шагах, и атаке с этой дистанции: безуспешность атак, быть может, также основана не только на гололедице, гладких подковах и плохих палашах. Ведь 1-му и 2-му эскадронам конной гвардии и конно-пионерам удалось прорваться на быстром аллюре между сенатом и восставшими. Артиллеристы не очень склонны были действовать картечью. Командовавшему орудиями поручику Бакунину пришлось самым энергичным образом добиваться открытия огня первого орудия легкой № 1 роты. Что касается конной артил-

лерии, то Николай, после происшествия с присягой, не решился ее вызвать. Шефская батарейная рота Михаила Павловича, по преданию, не смогла вывезти орудий сразу, так как постромки оказались перерубленными. Вообще, состав сторон и принадлежность к ним той или иной войсковой части были не слишком большой прочности и устойчивости.

Организованность, вооружение и снабжение сторон.

Восставшие роты Московского и Гренадерского полков успели разобрать патроны, но бóльшая часть рот гвардейского экипажа вышла без них, а когда прислала за ними, почти все они были испорчены по приказанию командира экипажа. В курки были ввинчены не боевые, а учебные деревянные кремни. Артиллерийская команда экипажа не захватила своих 4-х пушек. Зато в строю экипажа была налицо большая часть офицерского состава. В Московском полку было налицо только 2 ротных командира (М. Бестужев и Щепин-Ростовский), у гренадер 1 (Сутгоф). Ни батальонных, ни полковых командиров, ни общего начальника не было. Наоборот, у правительственной стороны весь командный состав был в строю, но зато только пехота вышла с патронами. Артиллерия выехала без снарядов, их пришлось добывать с трудом, привезя из лаборатории на извозчиках. Кавалерия была тоже без патронов и даже без пистолетов, с одними тупыми палашами или саблями. Некоторое воздействие на ход событий оказало и то, как были одеты войска. По форме, в мундирах, шинелях и киверах, были одеты лишь караулы. Прочая же пехота и артиллерия, вызывавшиеся спешно, по тревоге, были в шинелях, частью в фуражках (преображенцы, саперы и часть гренадер), частью в киверах, но генералы и офицеры, как приглашенные на молебствие, были в парадной форме, в одних мундирах. Конная гвардия выехала в своих белых колетах, железных кирасах и касках, кавалергарды — в одних белых колетах, а 7-й эскадрон—в куртках и фуражках. Поэтому, при длительном стоянии на 8-градусном морозе и ветре, войска мерзли, озлоблялись и жаждали скорейшей развязки.

Планы действий сторон и их выполнение.

У восставших главное внимание было сосредоточено на привлечении войск и их сборе. Дальнейшие намерения об овладении дворцом, сенатом и крепостью были довольно неопределенны, да и не могли быть определенными при невозможности учета сил своих и противника и характера начальных действий. Тем не менее, взяв инициативу в свои руки, руководители восстания имели большое преимущество перед правительством, принужденным импровизировать парирование наносимых ударов. Однако вожди восстания не сумели использовать этот свой главный козырь, из нападающих обратились в обороняющихся, давших себя окружить превосходным силам противника, упустив все благоприятные моменты. Так, появление Николая с 1-м преображенским батальоном на Адмиралтейской площади не было встречено энергичным ударом московского батальона, и вообще все 3 собранные восставшие батальоны только

топтались и вяло отстреливались. Панов, ворвавшись во двор Зимнего дворца, вместо того, чтобы сналета опрокинуть только что выстроившийся батальон гвардейских сапер, растерялся и вывел гренадер, поведя их на соединение с остальными восставшими. Если у него была смелая мысль захватить дворец, он не сумел довести ее до конца. Если он шел ко дворцу, лишь рассчитывая застать там уже остальных восставших, то найдя там вместо них противника, он не проявил инициативы, а остался под гипнозом задания итти на соединение со своими,—ошибка его меньше, но он усилил ее, не сделав попытки захватить императора, его свиту и артиллерию, стоявших почти беззащитно на Адмиралтейской площади при его проходе.

Завалишин упрекает руководителей восставших войск еще в том, что гвард. экипаж не поднял измайловцев и егерей, как было намечено. Это едва ли справедливо, так как обстановка изменилась, и моряки прекрасно выполнили основное правило „спешить на выстрелы" и не отвлекаться исполнением сложных планов. Ошибка их не в этом, а в том, что они забыли о патронах, кремнях и пушках.

Правительственная сторона в начале восстания была в еще более трудном положении. Руководители знали только о самом факте заговора и возможности открытого восстания, но не знали ни плана действий противника, ни тех сил, которые он выхватил себе из рядов гвардии. Начальники, долженствовавшие организовать разведку, — военный генерал-губернатор Милорадович, комендант города Башуцкий и обер-полицмейстер Шульгин — не сделали этого. Старший начальник войск, командующий гвардией Воинов растерялся. Принимать все решения, и притом импровизированные, пришлось самому Николаю. Как он с этим справился, отчасти отмечено уже выше, проявив быстроту и планомерность распоряжений по сосредоточению сил и нерешительность при их применении. Окружение противника, с закрытием почти всех выходов, было и задумано и выполнено совершенно правильно, равно как и вызов резервов, но в дальнейшем проявились довольно длительные нерешимость и неуверенность. Опытные боевые генералы, бывшие при императоре, понимали всю опасность дальнейшего выжидания и настоятельно потребовали энергичных действий. Николай послушался и спас положение правительства. Интересна параллель: через 5 лет, 18 ноября 1830 года при такой же обстановке в Варшаве Константин не послушался требований своих генералов, результатом чего явилось отступление его войск и первые успехи польского восстания. Совет принца Е. Виртембергского об атаке конницы был выполнен, но не дал достаточных результатов, так как выполнение было вялое. Зато исполнение требований Толя и Васильчикова — действие картечью — решило участь столкновения. Оправдался девиз, помещенный прусскими королями на свои пушки: „Ultima ratio regis" („Последний довод короля"). Этот последний довод применили и решили участь последнего восстания стрельцов боярин Шеин и генерал Гордон у Воскресенского монастыря на Истре 18 июня 1698 г., Николай I при восстании гвардии 14 декабря 1825 года в Петербурге и генерал Гейсмар у деревни Устиновки при восстании Черниговского пехотного полка 3 января 1826 г.

При подведении итогов ясно, что обе стороны не имели ни разработанного плана действий, ни военной находчивости и почина, ни решимости на энергичный удар, хотя бы рискованный, проявили достаточную энергию лишь в деле сбора и сосредоточения сил. Оправданием для восставших является прежде всего отсутствие настоящего военного вождя и вынужденность преждевременного выступления из-за опасения упустить исключительно благоприятное положение — междуцарствия и присяги двум лицам в короткий срок.

Вообще же, события 14 декабря требуют еще большого изучения с военной стороны, как несомненно дающие очень поучительный материал и по военному делу вообще и особенно в области гражданской войны в начальных ее периодах.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ [1].

Аверин, Северьян Петр. 1800—1828, пор. л.-гв. Сап. бат. Стр. 196.

Аверьянов, Матвей, ряд. Моск. п.; 191.

Авсов — см. Овсов.

Аделунг, Федор Федор., р. 1800; отст. 1846. пор. л. гв. Сап. бат.; 196.

Адлерберг 1-й, Влад. Фед. (Эдуард) 1791—1884, с 1847 граф, полковн. Моск. п., адъют. вел. кн. Ник. Павл. Б. С; В. С; П; 116, 121, 187, 198.

Аксенов, Прокофий Аксенович, квартирм. Гв. эк.; 192.

Акулович, Карп, — горнист Моск. п.; 177.

Акулов, Ник. Павл. 1797—1838 лейт. Гв. эк. А. Д; М. Д; М. С., 178, 193.

Александрова, Ульяна Михайловна — см. Вейсс.

---

[1]) Чины, звания и служебное положение показаны к 14 декабря 1825 г. При названиях гв. полков слова „лейб-гвардии" опущены.

Сокращения обозначают следующие труды, в которых приведены биографич. данные.

А. Д. „Алфавит Декабристов" (Центрархив). „Восстание декабристов". Материалы т. VIII. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Л. 1925.

Б. К. „Сборник Биографий Кавалергардов" под ред. С. Панчулидзева, преимущественно Т. III. Изд. 1907 г.

Б. С. „Русский Биографический Словарь" изд. И. Русского Историч. О-ва 1896—1918.

В. Г. „Военная Галлерея 1812 г." под ред. в. кн. Николая Михайловича. СПБ. 1912.

В. М. „Указатель биограф. свед., архивных и литературных материалов, касающ. чинов общ. состава канцелярии Военного Министерства. Сост. Н. М. Затворницкий. Из изд. „Столетие Воен. Мин.", ч. III, отд. V. СПБ. 1909.

В. С. „Память о членах Военного Совета". Сост. Н. М. Затворницкий. Из изд. „Столетие Воен. Мин.", ч. III, отд. IV. СПБ. 1907 г.

К. Г. „Конная Гвардия 14 декабря 1825 года". Из дневника старого конногвардейца. (С прим. В. Каульбарса и К. Штакельберга). СПБ. 1880.

М. Д. „Моряки-Декабристы". Составил И. В. Егоров. Л. 1925.

М. С. „Общий Морской Список". СПБ. 1885—1900.

П. „Пажи за 185 лет". Сост. О. фон-Фрейман. Фридрихсгамм 1897.

Р. П. „Русские Портреты XVIII и XIX столетий". Изд. в. кн. Николая Михайловича. СПБ. 1905—1909.

С. А. (Сподвижники Александра I). А. В. Михайловский-Данилевский и А. В. Висковатов „Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 г.г." — Военная галлерея Зимнего дворца. СПБ. 1846—1850.

Александров, Павел Констант. 1808—1857, сын цесар. Констант. Павл. и Жозефины, Мортье—Фридрихс-Александровой-Вейсс, поруч. л. гв. Подольск. Кирас п. Р. П.; 56.

Александра Федоровна. 1798—1860, вел. кн., с 1825 г. императрица. жена великого князя, затем императора Николая Павловича, шеф Кавалерг. п. с 1826 г., до замужества (в 1817 г.) принцесса прусская Фредерика - Луиза - Шарлотта - Вильгельмина. Б. С; 73, 149, 163.

Александр I, император. 1777—1825 (царств. с 1801 г.) шеф полков л.-гв. Преобр., Семен., Гренад. и Кирас. и Польск. гв. полков.: Грен. и Кон. егер. Б. С:, 3, 6, 7, 8, 11, 12. 17, 18, 20, 21 22, 23, 26, 30, 32, 42, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 62, 63, 64, 65, 67, 68, 69, 70, 72, 73,74, 78, 80, 82, 83, 91, 92, 100, 101, 103, 105, 108, 117, 124, 139, 142, 143, 147, 157, 158, 159, 162, 187, 200.

Александр Николаевич вел. кн. 1818—1881, с 1825 наследник, с 1831 цесаревич, с 1855 император; к 1825 г. шеф. л.-гв. Гусар. п. с 19 декабря 1825 г. шеф л.-гв. Павл. п. Б. С.; 57. 108, 137, 163, 172.

Альбрехт, Петр Ив., отст. 1829 полковник Семен. п.; 198.

Анатуин, Юган Алексеев, матр. Гв. эк. † 1825 г. дек.; 26, 192.

Андреевский 1-й, Степан Степан. 1784—1843, ген.-м., к-р. л.-гв. Улан. п. В. Г.; 198.

Андреев 2-й, Андрей Ник. † 1831, поруч. Изм. п. А. Д.; 184, 194.

Андреев, Петр, флейтщик Павл. п.; 190.

Андреев, Федор, флейтщик Гв. эк. † 1825 г., дек.; 14, 131, 192.

Анна Иоанновна, императрица. 1693—1740, царствовала с 1730 г. Б. С.; 157.

Анна Федоровна, цесаревна и вел. княгиня, 1781—1860, первая жена в. кн. Константина Павловича, до замужества (в 1796 г.) принцесса Саксен-Заальфельд-Кобургская Юлиана-Генриетта-Ульрика, с 1801 в разлуке с мужем, с 1820 г. в разводе с ним. Р. П.; 56.

Анненков, Ив. Ал-др. 1802—1878 поруч. Кавалерг. п. Б. С.; А. Д.; 41, 184, 194.

Антипин Никита унт.-оф. Л.-Гв. конно-пион. эск. † 1825 г. дек. 14. Безымян. упом. о нем у Корфа. Изд. 4 стр. 157 и К. Г. (14); 199.

Антонов, Никита Мих., матр. Гв. эк.; 192.

Апраксин, граф Владим. Степ., 1796—1833, фл.-ад., полк. Кон. п. Р. П.; 189.

Апраксин 2-й, граф Степан Фед. 1792—1862, фл.-адъют., полковн., к-р Кавалерг. п. Б. К.; 103, 106, 115, 187, 189, 195, 198, 203.

Аракчеев, гр. Алексей Андр. 1769—1834, ген. арт., ген. инсп. всей пех. и арт., главный над воен. посел., начальник и шеф батар. р. № 3-го имени своего л.-гв. 2-й арт. бригады и Грен. имени своего полка (б. Ростовск.), сенатор, председат. департамента дел военных Госуд. Сов. Б. С.; В. Г.; В. М.; Р. П.; С. А.; 12, 13, 61, 63, 158, 161, 162, 165, 172.

Арбузов 2-й, Алексей Фед. 1792—1861, полковн., к-р Павл. п. Б. С.; 188, 198.

Арбузов, Ант. Петр. † 1843, лейтен. гв. эк. А. Д.; М. Д.; М. С.; 108, 113, 178, 179, 181, 183, 193, 201, 202, 203.

Арпсгофен, бар. Егор Карл. р. 1790 отст. 1833, † до 1858 г. полковн. л. гв. Гус. п. Б. К.; 198.

Архипов, Петр Арх. матр. Гв. эк. † 1825 г. дек. 14.; 192.

Арцыбашев, Дм. Александр. † 1831, Корн. Кавалерг. п. А. Д.; 184, 194.

Афанасьев, Никита ряд. Павл. п. 190, 191.

Афанасьев, Савелий Федоров. унт.-оф. арт. ком. Гв. эк.; 192.

Афанасьев, Тарас ряд. Моск. п.; 191.

Базин, Ив. Алексеев. 1802—1887, подпор. Финл. п. Б. С.; А. Д.; 181.

Бакунин, Илья Модест. 1800—1841, поруч. л.-гв. 1-й арт. бриг. Врем. командовал легкой № 1 ротой. 130, 189, 199, 203.

Бакурин, Павел, ряд. Грен. п. 192.

Баранов, Петр Егор. 1800—1871, шт.-кап. л.-гв. Сапер. бат. 188, 199.

Баранцев, Ал-др Анисимович, † 1826 г., лейт. Гв. эк. М. С.; 178, 193.

Барклай-де-Толли, кн. Мих. Богд. 1761—1818, ген.-фельдм. Б. С.; В. Г.; В. С.; Р. П.; С. А.; 8.

Бартоломей 4-й, Фед. Фед. 1800—1862, подполковн., к-р 1-го Кон.-пионерн. эск. (см. журн. Воен. ист. общ. 1910, № 3). 189.

Барыков, Фед. Вас. отст. † 1827, корн. Кон. п. А. Д.; 184, 194.

Барятинский, кн. Ал-др Петр. 1798—1844, шт.-ротм. л.-гв. Гус. пл. адъют. ген. гр. Витгенштейна. А. Д.; 37, 38, 41, 44, 185, 194.

Басаргин, Ник. Вас. 1799—1861, поруч. л.-гв. Ег. п., старш. адъют. 2-й армии. А. Д.; Б. С.; 185, 194.

Батенков, Гавр. Степ. 1793—1863, подполковн. корп. инжен. путей сообщ. А. Д.; Б. С.; 47, 82, 83, 84, 88, 89, 146.

Башуцкий, Ал-др. Павл. 1803—1876, подпор. Изм. п., адъют. ген. гр. Милорадовича. Б. С.; П.; 199.

Башуцкий, Пав. Як. 1771—1836, ген.-лейт. СПБ. комендант. Б. С.; 113, 181, 198, 205.

Безкорнилович см. Корнилович.

Белевцев, Дм. Ник. 1800—1883, кап. Финл. п. 180, 199.

Беляев 1-й, Ал-др Петр. 1803—1887, мичм. Гв. эк. А. Д.; М. Д.; М. С.; 114, 125, 151, 178, 193.

Беляев 2-й, Петр Петр. 1804—1878, мичм. Гв. эк. А. Д.; М. Д.; М. С.; 47, 178, 193.

Бель 4-й, Карл Франц. 1795—1831, полковн. л.-гв. Сапер. бат. 198.

Бенкендорф 1-й, Ал-др Христоф. 1783—1844, с 1832—граф, ген.-ад., ген.-м., нач. 1-й Кирас. див. Б. С.; В. Г.; Р. П.; 30, 80, 83, 102, 103, 118, 135, 136, 137, 151, 161, 187, 200.

Бентам, Иеремия. 1748—1832; английский учен. юрист, экономист и философ. 38.

Берхман 4-й, Карл Петр. 1787—1827, полковн. Павл. п. 188, 198, 199.

Бестужев, Ал-др Ал-др. 1797—1837 (литературн. псевд. „Марлинский“), шт.-кап. л.-гв. Драг. п., адъют. герцога Ал. Виртембергского. А. Д.; Б. С.; 46, 47, 49, 50, 51, 61, 83, 84, 105, 106, 107, 108, 109, 111, 117, 130, 146, 175, 176, 177, 179, 180, 181, 182, 183, 185, 193, 201, 202, 203.

Бестужев 3-й, Мих. Ал-др. 1800—1871, шт.-кап. Моск. п. А. Д.; Б. С.; 46, 51, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 121, 131, 132, 133, 136, 151, 175, 176, 179, 180, 181, 183, 187, 189, 193, 201, 202, 203, 204.

Бестужев, Ник. Ал-др. 1791—1855, кап.-лейт. 8-го фл. экип., историограф флота, зав. морск. музеумом. А. Д.; Б. С.; М. Д.; М. С.; 46, 83, 84, 86, 90, 92, 94, 97, 98, 110, 114, 130, 178, 181, 183, 193, 195, 201, 202, 203.

Бестужев, Петр Ал-др. 1806—1840, мичм. 27-го фл. эк., адъют. адм. Моллера 1-го. А. Д.; М. Д.; М. С.; 180, 183, 186, 193, 195, 201.

Бибиков, Иллар. Мих., фл.-адъют., полковн. л.-гв. Гус. п., директ. канц. нач. гл. шт. е. в.; 119, 187, 190.

Бибиков, Илья Гавр. 1794—1867, полковн. л.-гв. 1-й арт. бриг., адъют. вел. кн. Мих. Павл. А. Д.; Б. С.; 186.

Бистром, Карл Ив. 1770—1838, ген.-лейт. л.-гв. Егер. п., ком-щий всей пех. гв. корп. Б. С.; В. Г.; С. А.; 62, 82, 97, 122, 161, 175, 188, 198.

Боассель, Ал-др Филипп., подпор. Финл. п. 180, 199.

Богданович, Ив. Ив. † 1825 г. Дек. 14. Кап. Изм. п. А. Д.; П.; 184, 195.

Богданов, Арс. Ив., отст. 1829, подпор. Финл. п. А. Д.; 181, 194.

Богданов, Осип Вас., матр. Гв. эк. 192.

Бодиско 1-й, Бор. Андр. 1800—1828, лейт. Гв. эк. А. Д.; М. Д.; М. С.; 178, 193.

Бодиско 2-й, Мих. Андр. 1803—1868, мичм. Гв. эк. А. Д; М. Д.; М. С.; 178, 179, 181, 193.

Бокуменко, Степ. Лукьян., ряд. Кон. п. К. Г.; 190.

Болховитинов см. Евгений.

Боровков, Ал-др Дмитр. 1788—1856. Коллежск. советник, чиновник особых поручений при Военном министре, с 17 дек. правитель дел „комиссии для исследов. о злоумышленном об-ве" В. М.; 81, 146, 147.

Бреверн 3-й, Фед. Логин. 1799, † после 1863, шт.-ротм. Кон. п., адъют. ген. гр. Сакена. А. Д; 184, 185, 195.

Броке, Ал-сей Ал-др. 1802—1871, поруч. Моск. п. А. Д.; 106, 175, 176, 193.

Булатов, Ал-др Мих. 1794—1826, полковн., к-р 12 Егер. п. А. Д.; Б. С.; 98, 99, 109, 110, 111, 182, 183, 194, 195, 201.

Булгари, гр. Ник. Як. 1803—1841, поруч. лейб. Кирас. ее вел. п. А. Д.; П.; 185, 194.

Булыгин 2-й, Ал-др. Ал-сеев., поруч. л.-гв. 1-й арт. бриг. 129, 189.

Буль, Эдуард, великобр. подданн. А. Д.; 178, 193, 195.

Бурнашев 1-й, Ал-др Ал-сеев., отст. 1827, поруч. Финл. п. А. Д.; 181.

Бурцов, Ив. Григ. 1794—1829, полковник, к-р Уфимск. пех. п. А. Д.; Б. С.; 30, 31.

Буссе, Вас. Ив. † 1828, полковн. л.-гв. Егер. п. 188.

Бутурлин 4-й, Ал-ей Петр. 1802—1863. корн. Кавалерг. п. Б. К.; 189.

Бутурлин 2-й, Серг. Петр. 1803—1873, корн. Кавалерг. п. Б. К.; Б. С.; 189.

Вадбольский, кн. Ал-др Петр. 1806—1863, подпор. Изм. п. А. Д.; 184, 193.

Вадбольский, кн. Ал-сей Ник. 1790—1832, шт.-кап. л.-гв. Сапер. бат. 188, 199.

Вадковский, Фед. Фед. 1800—1844, прапорщ. Нежинск. конн. Егер. п. А. Д.; 41.

Вальховский, Влад. Дмитриев. 1798—1841, шт.-кап. Гв. ген. шт. А. Д.; 186.

Васильев, Иван Вас., матр. Гв. эк. 192.

Васильчиков, Иллар. Вас. 1776—1847, с 1831 гр., с 1839—кн., ген.-адъют., ген. кав., чл. гос. сов., шеф. л.-гв. Кон. Ег. п. В. Г.; Р. П.; С. А.; 62, 125, 127, 137, 146, 161, 187, 202, 205.

Васильчиков, Ник. Ал-др. 1799—1864. Корн. Кавалерг. п. А. Д.; Р. П.; 184, 194.

Вахтин, Ник. Вас., подпоруч. л.-гв. 1-й арт. бриг. 129, 189.

Вдовенко, Алексей, ряд. Моск. п. 177.

Вейсс, Ал-др Серг., в 1820 полковн. л.-гв. Уланск. цесарев. п. и адъют. цесар. Конст. Павл. 56.

Вейсс, Ульяна Мих. (Жозефина Францевна), р. ок. 1785, † 1824, б. париж. модистка Жозефина Мортье, с 14 л. воспитанница знатного англичанина, с 20 л. в 1-м браке за фельдъегер. Фридрихс, с 1807 в разводе с ним, с 1807—1820 гражд. жена цесар. Конст. Павл., с 1816 пожалов. дворянство и фамилия Александровой и стала называться Ульяна Мих., в 1820 вышла за полк. Вейсса, А. С.; Р. П.; 56.

Велио, бар. Ос. Ос. 1795—1857, полковн. Кон. п. К. Г.; 123, 189, 190, 191, 198, 199.

Веселовский, Конст. Сем., полковн. Изм. п. 198.

Вилламов, Артем. Григ. 1804—1869, подпор. л.-гв. Кон. арт. А. Д.; 184, 193.

Вилламов, Григ. Ив. 1775—1842, тайн. сов., состоящ. при имп. Мар. Фед. „у исправления дел“ (личн. секретарь). 64, 67, 104.

Виллье, баронет Як. Вас. 1765—1854, лейб-мед., тайн. сов., президент Имп. Воен. Мед. Ак., директ. медиц. департ. воен.-мин. В. С.; Р. П.; 63, 67.

Виноградов, Яков, ряд. Моск. п. 191.

Виртембергский, герцог, Ал-др Фридрих. 1771—1833, ген. кав., главноупр. путями сообщения. В. Г.; Р. П.; 106, 176, 185, 193.

Виртембергский, принц, Евгений-Фридрих-Павел-Карл. 1788 — 1857, ген. инф., сост. при ос. Ал-дра I, с 25 дек. 1825 г. шеф. Грен. имени своего п. (б. Таврич.) В. Г.; Р. П.; 66, 67, 68, 106, 120, 180, 187, 202, 205.

Витгенштейн, гр. Лев Петр. 1799—1866, с 1834 г.—светл. кн. Сайн-Витгенштейн-Берлебург., флиг.-адъют. ротм. Кавалерг. п. А. Д.; П.; 186.

Витгенштейн, гр. Петр Христианов. 1768 — 1843, с 1833 — светл. кн. Сайн-Витгенштейн-Берлебург., ген. кав. л.-гв. Гус. п., Глав. ком. 2-й армии. С 8 янв. 1826 г.—шеф. Гусар. им. своего п. (б. Мариупольск.). В. Г.; Р. П.; 163, 185, 194.

Витовтов, Пав. Ал-др. 1797—1876, кап. л.-гв. Сапер. бат. 188, 199.

Де-Витте, Пав. Як. 1796 — 1864, полковн. Изм. п. 198.

Витт, гр. Ив. Осипов. 1781—1840, ген.- лейт., к-р 3-го рез. кав. корп. В. Г.; Р. П.; 78.

Вишневский, Фед. Гавр. 1798—1863, лейт. Гв. эк. А. Д.; М. Д.; М. С.; 178, 199.

Воинов 1-й, Ал-др Львов. 1770—1832, ген. кав., к-щий гв. корп. В. Г.; 64, 65, 66, 79, 80, 116, 117, 161, 175, 177, 183, 189, 195, 196, 201, 205.

Волков, Влад. Фед., шт.-кап. Моск. п. А. Д.; 106, 175, 176, 193.

Волков, Илья, ряд. Павл. п. 190.

Волков, Родион Лавров., матр. Гв. эк. 190.

Волконский, кн. Петр Мих. 1776—1852; с 1834 г.—светл. кн., ген.-ад., ген.-инф. Гв. ген. шт., член гос. сов. В. Г.; В. М.; Р. П.; 72.

Волконский, кн. Серг. Григ. 1788 — 1865; ген.-м., к-р. 1-й бриг. 19-й пех. див. А. Д.; В. Г.; Р. П.; 31, 37, 44.

Воронцов, гр. Мих. Сем. 1782—1856, с 1845—князь, с 1852—светл. кн., в 1825—ген.-ад., ген.-инф., Новороссийск. и Бессараб. ген.-губ. В. Г.; Р. П.; 7, 8, 10, 11, 17, 89.

Воронцов, гр. Сем. Ром. 1744—1832, отст. ген.-инф., б. русск. посол в Англии (1784—1800 и 1802—1806). Р. П.

Воропанов 1-й, Ник. Фадеев. † 1829, ген.-м., к-р. л.-гв. Финл. п. 124, 180, 198.

Вылетков, Николай, ряд. Моск. п. 191.

Вышковская, гр-ня Жанета (Янина) Антон. 1777 — 1854, урожденн. кн. Четвертинская Р. П.; 56.

Вяземский, кн. Ал-др Ник., † после 1860 корн. Кавалерг. п. А. Д.; 184, 194.

Вяземский, кн. Петр Андр. 1792—1878, писатель, с 1817 г. при Новосильцеве в Варшаве, с 1821 в отст. Р. П.; 17.

Вяткин, Ал-др Серг. 1798 — 1891. Кап. Финл. п. 125, 180, 199.

Гагарин 5-й, кн. Ал-др Ив. 1801—1857, прап. л.-гв. конн. арт. А. Д.; Б. С.; П.; 184, 193.

Гагарин 3-й, кн. Ив. Ал-др. 1800—1840, шт.-кап. л.-гв. кон. Пионерн. эск. 189.

Гайнам, Вас. Роман. Великобрит. подданн. А. Д.; 180, 193, 195.

Галахов, Ал-др Павл. 1802—1863, поруч. Кон. п. Б. С.; 189, 190, 191.

Гангеблов, Ал-др Семен. 1801, † после 1886 поруч. Изм. п. А. Д.; Б. С.; П.; 184, 194.

Гартонг, Пав. Вас. † 1828, полковн., к-р л.-гв. Егер. п. 198.

Гастфер, Пав. Ант. Шт.-кап. свиты е. в. по квартирм. части, служ. в главн. шт. е. в. 183, 190, 191.

Гейсмар, бар. Фед. Клемент. 1785—1848. Ген.-м., к-р 2-й бриг. 3-й гусар. див. Б. С.; 205.

Гербель 2-й, Карл Густав. 1788—1852. Полковн., к-р л.-гв. Конн. арт. Б. С.; 104, 189. 198.

Геруа, Ал-др Клавдиев. 1784—1852. Фл.-адъют., полковн., к-р л.-гв. саперн. бат. Б. С.; В. С.; 188, 196, 198, 202.

Гладков (Гладкий), Ив. Вас. 1766—1832, Ген.-лейт., сенат., председ. попечительн. комитета о тюрьмах. Бывш. СПБ. обер-полицм. (с 1821 по 4-е авг. 1825). Б. С.; 38.

Глебов, Мих. Ник. 1801—1851. Коллежск. секр., чиновн. минист. финанс. (Повидимому, „молодой человек в синем сюртуке“, упоминаемый на стр. 109 настоящей книги, и есть Глебов). А. Д.; Б. С; 178, 183, 193, 195.

Глотов, Павел Онуфр. Матр. Гв. эк. 192.

Годеин 2-й, Ник. Петр. 1792—1856. Полковн. л.-гв. Изм. п., адъют. вел. кн. Ник. Павл. А. Д.; 186, 198.

Голенищев-Кутузов, кн. Смоленский, Мих. Иллар. Ген.-фельдмаршал. 1745—1813. Б. С.; В. Г.; Р. П.; С. А.; 21.

Голенищев-Кутузов 1-й, Павел Вас. 1772—1843. С 1832 — граф. Ген.-адъют., ген.-лейт., главн. директ. паж 1-го, 2-го и Моск. кад. корп., Дворян. п. и эск., имп. военно-сирот. дома, имп. царкосельск. лицея и пансиона. С 15 дек. 1825. СПБ. воен. ген.-губернат. Б. К.; В. Т.; П.; С. А.; 116, 187.

Голицын, кн. Ал-др Мих. 1798—1858. Поруч. л.-гв. 1-й арт. бриг. А. Д.; П.; 187.

Голицын, кн. Ал-др Ник. 1773—1842. Действ. тайн. сов., чл. Гос. Сов., главноупр. над почт. департ. (бывш. мин. просвещ. и исповеданий и обер-прок. Синода) Р. П.; 59, 68, 79.

Голицын 1-й, кн. Андр. Мих. 1792—1863. Фл.-ад., полковн. гв. ген. шт., обер-квартирмейст. гв. корп. 187.

Голицын, кн. Дмитр. Влад. 1771—1844, с 1841 светл. кн. Ген.-кав., моск. военн. ген.-губ. Б. С.; В. Г.; Р. П.; С. А.; 71, 139, 141.

Голицын, кн. Мих. Фед. 1800—1873. Поруч. Конн. п. А. Д.; В. М.; 184, 194.

Головин 1-й, Евг. Ал-др. 1782—1858. Ген.-м. л.-гв., Егерск. п., к-р 4-й гв. пех. бриг. 125, 180, 188, 198.

Голубков, Владимир Мих. Матр. Гв. эк. 192.

Гольтгоер, Ал-др Фед. 1805—1870. Подпор. Финл. п. А. Д.; 181.

Гордон (Аклерчин). Петр (Патрик) Ив. 1635—1699. Генерал 2-го Московск. выборн. солдатск. (Бутырск.) п. 205.

Горожанский, Ал-др Семен. † 1846. Поруч. Кавалерг. п. А. Д.; 180, 183, 184, 193.

Горский, Осип (Юлиан) Викентьев. 1766—1849. Отст. статск. сов., б. полковн. артиллерии (именовал себя „князь Друцкий-Горский, граф на Мыже и Преславле“). А. Д.; 180, 183, 193, 195.

Греч, Пав. Ив. 1797—1886. Поруч. Финл. п. 180, 199.

Григорьев, Василий Григ. Матр. Гв. эк. 192.

Григорьев, Харлам. Ряд. Моск. п. 177, 199.

Гринвальд, Родион Егор. 1797—1877. Ротм. Кавалерг. п. Б. К.; 103.

Грудзинская, гр-ня, см. княг. Лович.

Губин, Семен. Ряд. Моск. п. 191.

Гудим, Иван Павл. † 1898. Поруч. Изм. п. А. Д.; 184, 193.

Гурко, Влад. Иосиф. 1795—1852. Полк., нач. шт. 5-го пех. корп. А. Д. 139.

Гурьев, гр. Ник. Дм. 1792—1849. Действ. статск. сов., русск. поверенн. в делах в Гааге. Р. П.; 75.

Гурьянов, Никифор. Ряд. Грен. п. 192.

Давыдов, Вас. Льв. 1792—1855. Отст. полковн. Александрийск. Гус. п. А. Д.; 37.
Данилов, Николай. Ряд. Грен. п. 192.
Данилов, Онуфр. Данил. Вахмистр Конн. п. К. Г.; 190.
Дебань-Скоротецкий, Викент. Ив. Кап. Семен. п. 198.
Деллинстгаузен, бар. Ив. Фед. 1794—1854. Полковн. Изм. п., адъют. вел. кн. Ник. Павл. Б. С.; 198.
Демидов 1-й, Ник. Ив. 1773—1833. Ген.-лейт., сост. по армии. Б. С.; 187, 198.
Депрерадович, Ник. Ив. 1767—1843. Ген.-ад., ген.-лейт. Кавалерг. п., ком-р 1-го рез. кав. корп. Б. К.; Б. С.; В. Г.; 187.
Депрерадович, Ник. Ник. 1809—1884. Корн. Кавалерг. п. А. Д.; П.; 184, 194.
Дибич, бар. Ив. Ив. 1785—1831. С 1827—граф, с 1829—Забалканский, ген.-ад., ген.-лейт., св. е. в. по квартирм. части, нач. гл. шт. е. в. Б. С.; В. Г.; В. М.; Р. П.; 64, 67, 70, 72, 74, 78, 79. 81, 143.
Дивов, Вас. Абрам. 1801—1842. Мичм. Гв. эк. А. Д.; М. С.; 178, 179, 181, 193, 203.
„Дизвитов", см. Людовик XVIII.
Дмитриев-Мамонов, гр. Матвей Ал-др. 1790—1863. Ген.-м. в отставке. А. Д.; Р. П.; 20.
Добринский, Ал-др Ал-др. † 1863. Поруч. Финл. п. А. Д. 181, 194.
Долгоруков, кн. Вас. Андр. 1804—1868. Корн. Конн. п. Б. С.; В. С.; 189.
Долгоруков, кн. Вас. Вас. 1787—1858. Действ. камергер, шталмейстер. Б. С.; Р. П.; 121.
Долгоруков, кн. Илья Андр. 1797—1848. Полковн. л.-гв. 1-й арт. бриг., адъют. вел. кн. Мих. Павл. А. Д; Б. С.; 186.
Доливо-Добровольский, Ал-др Фролов. 1803—1835. Мичм. Гв. эк. М. С.; 178.
Донец-Захаржевский, Григор. Андр. 1792—1845. Полковн. Конн. п. 189, 198, 199.
Дорофеев Сафон. Матр. Гв. эк. 178, 199.
Дудинский, Зах. Ив. Отст. 1832, лейт. Гв. эк. М. С.; 178.
Дурново, Ник. Дм. 1792—1828. Фл.-ад., полковн., гв. ген. шт., капит. над вожатыми гл. шт. е. в., Зав. библ. этого штаба. Р. П. (См. „Вестн. Ревнит. Ист." 1914 г., вып. I), 110, 116, 187.

Евгений (Болховитинов, Ефимий Алексеев.) 1767—1837. Митрополит Киевск. и Галицк. и архимандрит Киево-Печерск. лавры. 126.
Екатерина II, Алексеевна — императрица 1729—1796; до принятия правосл. (1744) пр-сса Ангальт-Цербстская. София-Августа-Фредерика; с 1744 вел. княжна, с 1745 вел. кн-ня, с 1761 императр., царств. с 1762 г. Б. С.; 21, 106.
Елизавета Алексеевна. Императрица, жена имп. Александра I. 1779—1826. До замужества (в 1793 г.) принцесса Баденская, Луиза-Мария-Августа, Р. П.; 11, 12, 63, 67.
Ермолов, Ал-сей Петр. 1777—1861. Ген.-инф., к-р отд. Кавказск. корп. и главноуправл. Грузией. В. Г.; Р. П.; 7, 40, 89, 143.
Ерыгин, Петр Егор. Матр. Гв. эк. 192.
Ефимов, Семен. Ряд. Моск. п. 191.
Ефремов 1-й, Ив. Ефр. 1774—1843. Ген.-м., ком-щий л.-гв. Казач. п. 198.

Желтухин 2-й, Петр Федоров. 1777—1829. Отст. ген.-м., л.-гв. Гренад. п. Б. С.; В. Г.; С. А.; 161.
Живко. См. Стойкович.

Завалишин 2-й, Дм. Иринарх. 1804 — 1892. Лейт. 8-го фл. эк. А. Д.; Б. С.; М. Д.; М. С.; 20, 47, 89, 113.

Завальевский 3-й, Ал-др Степ. 1800—1830. Пор. л.-гв. Сап. бат. 196.

Зайцев, Иван Дм. Матр. Гв. эк. 192.

Зайцев 5-й, Иван Осип. Полковн. Грен. п. 178.

Зайцев, Сидор Гавр. Канонир арт. ком. Гв. эк. 192.

Закревский, Арс. Андр. 1786—1865. С 1830 — граф; ген.-ад., ген.-лейт., Финляндск. ген.-губ. и ком-р отд. Финляндск. корп. Б. С.; В. Г.; В. М.; Р. П.; С. А.; 14, 185, 195.

Зальца, бар. Влад. Ив. 1802—1873. Поруч. Грен. п. 190, 198.

Засс 4-й, Корнилий Корнилиев. 1783—1857. Полковн., к-р л.-гв. Конно-пионерн. эск. и Конно-пионерн. дивизиона. Б. С.; 122, 161, 189, 191, 198.

Захаржевский—см. Донец-Захаржевский.

Захаров, Тимофей Зах. Матр. Гв. эк. 192.

Зейфарт, Ал-др Ив. 1799—1860. Поруч. Финл. п. 180.

Иванов, Ив. Денщик Конн. п. шт.-ротм. Игнатьева. К. Г.; 189, 190.

Иванов, Ларион. Ряд. Грен. п. 192.

Иванов, Николай Ив. Канонир арт. ком. Гв. эк.; † 1826 г., янв. 17. 192.

Ивашов, Вас. Петр. 1794—1840. Ротм. Кавалерг. п., адъют. ген. гр. Витгенштейна. А. Д.; П.; 184, 185, 194.

Ивелич, гр. Конст. Марк. 1798—1837. Поруч. л.-гв. Саперн. бат., старш. адъют. 2-й гв. пех. див. (при вел. кн. Николае). 198.

Игнатьев, Ник. Ал-др. Шт.-ротм. Конн. п. К. Г.; 189, 190, 191.

Игнатьев, Пав. Ник. 1797—1879. С 1877 — граф., кап. Преобр. п. Б. С.; 188, 198, 199.

Иконников, Тимофей. Ряд. Грен. п. 192.

Искрицкий, Дем. Ал-др. 1803—1831. Пор. гв. ген. шт. А. Д.; 185, 194.

Исленьев 1-й, Ник. Ал-др. 1785—1851. Ген.-м., к-р Преобр. п. Б. С.; 101, 188, 198.

Кавелин, Ал-др Ал-др. 1793—1850. Полковн. Изм. п., адъют. вел. кн. Ник. Павл. А. Д.; Б. С.; П.; 108, 111, 123, 186, 187, 198, 203.

Казин, Ник. Глеб. † 1864. Кап.-лейт. Гв. эк. М. С.; 178.

Каменский, Степан Еф. Бомбардир арт., ком. Гв. эк. 192.

Канкрин, Егор Францев. 1774—1845. С 1829 — гр., ген.-лейт., министр финанс. и чл. гос. сов. Б. С.; В. С.; Р. П.; 106.

Каразин, Вас. Наз. 1773—1842. Отст. статск. сов., писатель, обществ. деятель. Б. С.; Р. П.; 15.

Карамзин, Ник. Мих. 1766—1826. Историограф. Б. С.; Р. П.; 23.

Каратыгин, Петр Андр. 1805—1879. Арт. Петерб. драм. театра и автор „Воспоминаний“ (Р. Ст., 1875, апрель); 133.

Каульбарс, бар. Вас. (Герман) Ром. 1793—1888. Шт.-ротм. Конн. п., (см. „Журн. Военн. Ист. Общ.“ 1911 г. № 1). К. Г.; 123, 132, 133, 151, 191.

Каховский, Петр Григ. 1797—1826. Отст. поруч. Астрах. Кирас. п. А. Д.; 4, 47, 49, 114, 117, 121, 180, 181, 183, 186, 190, 193, 195, 201, 202.

Качалов, Петр Фед. 1780—1855. Кап. 1-го ранга, к-р Гв. эк. М. С.; 114, 178, 195.

Квашнин-Самарин, Ал-др Петр. 1800—1859. Кап. л.-гв. Саперн. бат. 188, 199.

Кирилов, Василий Кир., Матр. Гв. эк., † 1825 г., дек. 30. 192.

Киселев, Павел Дмит. 1788—1872. С 1839 — граф, ген.-ад., ген.-м., нач. гл. шт. 2-й армии. Б. К.; Б. С.; Р. П.; 88, 89.

Клементьев, фельдфебель, Моск. п. 177.

Кожевников, Андрей Льв. 1802—1857. Подпор. Грен. п. А. Д. 110, 112, 178, 193.

Кожевников, Нил Павл. 1804—1837. Подпор. Изм. п. А. Д.; 184, 191.

Кожин, Матвей. Ряд. Грен. п. 192.

Козлов, Петр Фед. р. 1790, отст. 1829. Кап., к-р 1-й Грен. р., Черниг. пех. п., затем 2-й гр. р. л.-гв. Моск. п. 200, 201.

Кокошкин, Сергей. Баталер Гв. эк. 178.

Кологривов 2-й, Ал-др Лукич, 1793—1886. Полковн. Кавалерг. п. А. Д.; 184, 194.

Колокольцов, Григ. Дм., 1802—1870. Поруч. л.-гв. Гус. п. А. Д.; 185, 195.

Колошин, Петр. Ив. 1794—1849. Коллежск. сов., чиновн. мин. фин., б. подполковн. свиты е. в. по квартирм. части. А. Д.; 33.

Колунчаков, кн. Ник. Ал-сеев. Отст. 1834 г., лейт. Гв. эк. А. Д.; М. С.; 178, 193.

Комаровский, гр. Евгр. Федотов. 1769—1863. Ген.-ад., ген.-лейт., ком-р отд. корп. внутр. стражи. Б. С.; В. М.; Р. П.; 110, 124, 125, 130, 136, 140, 141, 151, 180, 187.

Кондратьев, Максим. Ряд. Моск. п. 191.

Коновалов, Артемий. Ряд. СПБ жандармск. дивизиона, 190.

Коновницын 2-й, гр. Ив. Петр. 1806—1867. Прап. Конн. арт. р. № 1, прикоманд. к л.-гв. Конн. арт. А. Д.; П.; 103, 104, 112, 183, 189, 193.

Коновницын 1-й, гр. Петр. Петр. 1802—1830. Подпор. гв. ген. шт. А. Д.; 180, 183, 184, 185, 193, 202.

Кононов, Осип Конон. Матр. Гв. эк. 192.

Константин Павлович, цесаревич и вел. кн. 1779—1831. Ген.-ад., ген.-инсп. всей кавалерии, главком. польск. армией и Литовск. корп., ком-р Гвард. корпуса, шеф полков; л.-гв. Егерск., Финл., Волынск., Литовск., Конного, Драгунск., Уланск., Уланск. своего имени и Подольск. кирас. а с 16 февр. 1826 г. и л.-гв. Гродн. гусарск. п. Б. С.; В. Г.; Р. П.; 6, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 86, 87, 91, 93, 95, 97, 100, 101, 102, 103, 105, 108, 110, 111, 112, 113, 114, 116, 117, 120, 124, 126, 136, 138, 142, 143, 160, 161, 162, 163, 164, 172, 185, 203, 205.

Корнилович (Безкорнилович), Ал-др Осип. 1795—1834. Шт.-кап. гв. ген. шт. А. Д.; Б. С.; 51, 89, 185, 194.

Корнилов, Ал-др Алексеевич. 1801—1856. Кап. Моск. п. А. Д.; 105, 106, 175, 176.

Королев, Фед. Ив. Матр. Гв. эк. 192.

Корсаков, Мих. Матв. † 1872. Поруч. Грен. п. А. Д.; 178, 194.

Корф, бар. Модест Андр. 1800—1876. С 1872 — граф, чиновн. особых поруч. мин. финансов. Редакт. комиссии по сост. законов при мин. юстиц. Б. С.; 58, 68, 69, 70, 101, 109, 116, 117, 118, 119, 123, 127, 130, 133, 149, 150.

Косяков, Дмитр. † до 1857. Фельдфебель Преобр. п., впоследств. полковник и полицмейстер в Павловске, 188.

Кочубей, гр. Виктор Павл. 1768—1834. С 1831 — князь. Действ. тайный сов., камергер, сенатор, член госуд. сов. Б. С.; Р. П.; 15, 146, 147.

Фон-Кошкуль, Петр Ив. 1786—1852. Полковн., к-р л.-гв. Кирас. п. А. Д.; Б. С.; 186, 198.

Красовский, Андрей. Ряд. Моск. п. 176, 177, 190.

Красовский, Соломон. Ряд. Моск. п. 177, 190.

Кривцов, Серг. Иван. 1802—1864. Подпор. л.-гв. Конн. арт. А. Д.; 41, 184, 194.

Крылов, Макар Ерм. Канонир арт. ком. Гв. эк. 192.

Крюков 1-й, Ал-др Ал-др. 1794—1867. Ротм. Кавалерг. п., адъют. ген. гр. Сакена. А. Д.; 184, 185, 194.

Крюков, Марк Иван. Матр. Гв. эк. 192.

Кудашев, кн. Мих. Фед. 1805—1847. Подпор. Моск. п. А. Д.; 105, 176, 194.

Кулаков, Василий Ал-сеев. Канонир арт. ком. Гв. эк. 192.

Куликовский, Никанор Евст. Полковн. Конн. п. 189.

Куприянов, Павел Аникиев. Поруч. Моск. п. 176.

Куроптев, Ал-сей Матр. Гв. эк. 178, 199.

Куткин, Дм. Мих. Отст. 1827. Подпор. Финл. п. 180.

Кутузов, М. И. См. Голенищев-Кутузов.

Кутузов, П. В. См. Голенищев-Кутузов.

Кушелев, Андр. Сергеев. † 1861. Поруч. Моск. п. А. Д.; 105, 176.

Кушелев, гр. Григ. Григ. 1802—1855. Шт.-кап. л.-гв. Конн. арт. Б. С.; В. С.; 104, 189.

Кюхельбекер, Вильгельм Карлов. 1796—1846. Отст. кол. ассесор, писатель. А. Д.; Б. С.; 47, 126, 128, 180, 193, 195.

Кюхельбекер, Мих. Карлов. 1798—1859. Лейт. Гв. эк. А. Д.; М. Д.; М. С.; 114, 178, 179, 181, 193, 203.

Лаврентьев, Иван Фил. Матр. Гв. эк. † 1825 г., дек. 14. 192.

Лагарп, Фридрих Цезарь. 1754—1838. Ген.-лейт. русской службы, адвокат — швейцарец, б. воспитатель в. к. Алекс. Павл. и член директории Гельветической республики (в 1799 г.) Б. С.; 75, 158.

Лазарев, Ал-сей Петр. 1795—отст. 1851. Шт.-кап. Изм. п., адъют. вел. кн. Ник. Павл., б. офиц. Гв. эк. М. С.; 74, 198.

Ланской 2-й, Пав. Петр. 1792—1873. Полковн. Кавалерг. п. Б. С.; В. С.; 198.

Лаппа, Матв. Дем. † 1841. Подпор. Изм. п. А. Д.; 184, 194.

Латунин, Ермолай. Ряд. Моск. п. 191.

Лаферронэ, граф Пьер-Луи-Огюст. † 1842. Французский посол при русск. дворе. 3, 4.

Лашкевич. Шт.-кап. Карабин. п, прикоманд. к Моск. п. А. Д.; 176, 193.

Лебедев, Леонтий. Фуз. Моск. п. † 1825 г., дек. 30. 191.

Левашев 1-й, Вас. Вас. 1783—1848. Ген.-ад., ген.-м., к-р л.-гв. Гус. п. и 2-й бриг. легк. гв. кав. див. Б. К.; Б. С.; В. Г.; Р. П.; 111, 120, 187.

Лелякин, Григ. Григ. 1803—1876. Прап. Грен. п. А. Д.; Б. С.; 178, 179, 193.

Лермонтов 2-й, Дм. Ник. 1802—1854. Лейт. Гв. эк. А. Д.; М. С.; 178, 193.

Лермонтов 1-й, Мих. Ник. 1792—1866. Кап.-лейт. Гв. эк. Б. С.; М. С.; 174, 178.

Лесовой, Ал-сей Савельев. Ряд. Конн. п. К. Г.; 190.

Ливен, гр. Ал-др Карл. 1801—1880. С 1826 — светл. князь. Поруч. Моск. п. А. Д.; Б. С.; 175, 176, 198, 199.

Литке, Ал-др Петр. р. 1798, отст. 1836. Лейт. Гв. эк. М. С.; 178, 193.

Литта, гр. Юлий Помпеев. 1763—1839. Об.-гофмейст., главноупр. над гоф.-интенд. конторой, чл. гос. сов. Б. С.; Р. П.; 70.

Лобанов, Ал-сей Никит. Ряд. Конн. п. К. Г.; 190.

Лобанов-Ростовский, кн. Дм. Ив. 1758—1838. Ген.-инф., ген.-прокурор, министр юстиц., чл. гос. сов., владелец соседнего с Исаакиевск. соб. дома. Р. П.; 68, 69, 73, 74, 118, 119, 180.

Ловицкая, кн. Иоанна. См. княг. Лович.

Лович (Ловицкая) княг. Жаннетта (Иоанна) Антон. 1795—1831. Урожд. гр-ня Грудзинская. С 1820 г. жена цесар. Константина. Б. С.; Р. П.; 56, 57.

Лонгинов, Ник. Мих. 1775—1853. Действ. статск. сов., сост. при императрице Елизавете Алексеевне, „у исправления письменных дел“ (личный секретарь). Б. С.; Р. П.; 12.

Лопухин, кн. Пав. Петр. 1783—1873. Ген.-м., ком. бриг. 1-го Уланск. див. А. Д.; Б. С.; Р. П.; 186.

Лопухин, светл. кн. Петр Бас. 1758—1827. Действ. тайн. сов., председат. гос. сов. и комитета министров. Б. С.; Р. П.; 64, 68, 74, 80, 81.

Лукин, Конст. Дм. † 1831. Подпор. л.-гв. Конн. арт., адъют. ген. Сухозанета. А. Д.; П.; 184, 193.

Лунин 3-й, Мих. Серг. 1783—1845. Подполковн. л.-гв. Гродн. гус. п., ад. цесар. Конст. Павл. А. Д.; Б. С.; 185, 194.

Луцкий, Ал-др Ник. р. 1805. † после 1860. Унт.-оф. из вольноопред. Моск. п. А. Д.; 176, 177, 193, 196.

Людовик XVIII, король Франции. 1755—1824. До 1795 г. герц. Прованск. Людовик-Станислав-Ксаверий; с 1795 г. претендент под именем Людовика XVIII; с 1814 король. Русск. солдаты называли его „Дизвитов" (Louis dix-huit).

Львов, Вас. Ив. 1801—1828. Поруч. л.-гв. Сап. бат. 196.

Майборода, Аркад. Ив. † 1844. Капит. Вятск. пех., затем л.-гв. Гренад. п. А. Д.; 78, 199, 201.

Макшеев, Конст. Вас. Кап. Павл. п. 188, 199.

Малафеев, Николай Малафеевич. Матр. Гв. эк. † 1825 г., дек. 14. 192.

Малиновский, Андрей Вас. † 1851. Прап. л.-гвард. Конн. арт. А. Д.; 184, 193.

Малютин, Мих. Петр. Отст. 1842, † после 1849 г. Подпор. Изм. п. А. Д.; 184, 193.

Мантейфель, гр. Григ. Андреев. 1795—1836. Ротм. Кавалерг. п., адъют. гр. Милорадовича. А. Д.; Б. К.; 198, 199.

Мария Федоровна — вдовств. императрица. 1759—1828. Вторая жена вел. кн. и императ. Павла. Шеф лейб-кирасирск. ее вел. п., до замужества (в 1776 г.) принцесса Виртембергская, София-Доротея-Августа-Луиза. Б. С.; 62, 63, 66, 67, 68, 78, 80, 102, 106, 149, 163, 172.

Мартынов 1-й, Пав. Петр. 1782—1838. Ген.-м. Изм. п., к-р 3-й гв. пех. бриг. 129, 187, 198.

Мартюшин, Петр. Унт.-оф. Гв. эк. 179.

Меньшиков, светл. кн., Ал-др. Серг. 1787—1869. Бывш. ген.-адъют. Александра I, с 1824 по 1826, ген.-м. в отставке. Р. П.; 17.

Мердер, Карл Карлов. 1788—1834. Полковн. Изм. п., воспитат. вел. кн. Ал-дра Ник. 198.

Мещерский, кн. Серг. Ив. 1799—1870. Кап. Грен. п. Р. П.; 120, 121, 177, 198, 199.

Микулин, Вас. Яковл. 1792—1841. Полковн. Преобр. п. 188, 198, 199.

Миленко. См. Стойкович.

Миллер, Петр Фед. 1801—1831. Лейт. Гв. эк. А. Д.; 178, 193.

Милорадович, гр. Мих. Андр. 1771 — 1825 († 1825 г., дек. 14). Ген.-инф., сост. при особе Александра I; СПБ военн. ген.-губернатор. В. Г.; Р. П.; 17, 60, 61, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 73, 75, 77, 78, 80, 82, 117, 141, 161, 183, 186, 190, 191, 199, 201, 205.

Митьков, Мих. Фотиев. 1791—1849. Полковн. Финл. п. А. Д.; 139, 141, 180, 194.

Михаил Павлович, вел. кн. 1798—1849. В 1825 г., ген.-фельдцейхмейстер, нач. 1-й гв. пех. див., шеф гв. арт. батар. р. № 1-го своего имени л.-гв. 1-й арт. бриг. и л.-гв. Моск. п.; с 14 дек. 1825 г., ген.-инспект. по инж. части и ком-щий 1-й гв. пех. дивиз.; с 1826 г., шеф 2-й сап. имени своего роты, л.-гв., сап. бат. и ком-щий Гв. корпусом с 1831, командир Гв. корпуса. Б. С.; 8, 13, 58, 60, 73, 77, 78, 79, 80, 81, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 110, 119, 121, 126, 127, 128, 131, 137, 150, 161, 162, 163, 164, 165, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 183, 187, 189, 195, 199, 200, 203, 204.

Моисеев. Унт.-оф. Моск. п. 176, 177, 190.

Фон-Моллер, Ал-др Фед. 1796—1862. Полковн. Финл. п. А. Д.; 94, 95, 101, 180, 181, 186, 198, 199.

Фон-Моллер 2-й, Ант. Ив. (Отто Берент). 1764—1848. Адм., начальн. морск. шт. е. вел., управл. морск. министерством. М. С.; 94.

Фон-Моллер 1-й, Фед. Ив. Адм., главн. ком-р Кроншт. порта и Кроншт. военн. губернатор. М. С.; 186, 193.

Фон-Моллер, Фед. Фед. Кап. Моск. п. 175, 176.

Мордвинов, Ник. Семен. 1754—1845. С 1834 — граф, адмирал, председ. департам. гражд. и духовн. дел, гос. сов. Р. П.; 12, 40, 88, 89, 137.

Мореншильд 2-й, Андр. Иван. Отст. 1827. Подпор. Финл. п. А. Д.; 181.

Мореншильд 1-й, Федор Борис. Отст. 1831. Подпор. Финл. п. А. Д.; 181.

Морозов, Анцифер Як. Матр. Гв. эк. 192.

Муравьев, Ал-др Мих. 1802—1853. Корнет Кавалерг. п. А. Д.; 39, 184, 194.

Муравьев, Ал-др Ник. 1792—1863. Отст. полковн. свиты е. в. по квартирм. части. А. Д.; Р. П.; 25.

Муравьев-Апостол, Ипполит Иванов. 1806—1826. Прап. свиты е. в. по квартирм. части. А. Д.; 140.

Муравьев, Мих. Ник. 1796—1866. С 1865 — граф Муравьев-Виленский, отст. подполковн. свиты е. в. по квартирм. части. А. Д.; 33.

Муравьев 5-й, Никита Михайл. 1796—1843. Кап. Гв. ген. шт., дивиз. квартирмейст. 2-й Гв. пех. див. А. Д.; 25, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 44, 47, 48, 49, 50, 141, 184, 194.

Муравьев-Апостол, Матв. Ив. 1793—1886. Отст. подполковн. Полтавск. пех. п. А. Д.; Р. П.; 25, 37, 40, 41, 44.

Муравьев-Апостол, Серг. Ив. 1796—1826. Подполковн. Черниг. пех. п. А. Д.; Р. П.; 15, 16, 25, 44, 45, 51.

Мусин-Пушкин, граф Владим. Ал-сеев. 1798—1854. Кап. Изм. п., адъют. ген. гр. Сакена. А. Д.; 184, 185, 194.

Мусин-Пушкин, Эпафродит Степ. 1781—1831. Лейт. Гв. эк. А. Д.; М. Д.; М. С.; 178, 193.

Муханов, Петр Ал-др. 1798—1854. Шт.-кап. Изм. п., адъют. ген. Раевского. А. Д.; 141, 142, 184, 185, 194.

Назаров, Корней. Унт.-оф. Моск. п. † 1825 г., дек. 22. 191.

Назимов, Мих. Ал-др. 1801—1883. Шт.-кап. л.-гв. Конно-пионерн. эск. А. Д.; Б. С.; 185, 194.

Найденов, Федот Ефим. Ряд. Конн. п. К. Г.; 190.

Наполеон Бонапарт. Император французов, король Италии. 1769—1821. С 1794 — генерал, с 1800 — первый консул, с 1804—1814 — император Наполеон I. 9, 20, 159, 160.

Нарышкина, Мария Ант. Урожд. кн. Четвертинская. 1779—1854. Б. С.; Р. П.; 56.

Нарышкин, Мих. Мих. 1795—1863. Полковн. Тарутинск. пех. п. А. Д.; Б. С.; 33, 47, 139, 141.

Насакен 2-й, Густ. Густ. Отст. 1838. Подпор. Финл. п. А. Д.; 181.

Насакен 1-й, Як. Густ. Отст. 1835. Подпор. Финл. п. А. Д.; 180, 181, 199.

Наумов, Вас. Петр. Шт.-кап. Грен. п. 120, 177.

Неелов 3-й, Ал-др Дм. 1790—1868. Полковн. Моск. п. 175, 176.

Нейдгарт 2-й, Ал-др Ив. 1784—1845. Ген.-м. Гв. ген. шт., нач. главн. шт. Гв. корп. Б. С.; В. С.; 102, 108, 161, 195, 198.

Нелединский-Мелецкий, Серг. Юрьев. 1796 г. † ок. 1871. Отст. кап. л.-гв. Волынск. п. А. Д.; 141.

Нессельроде, графиня Мария Дм., урожд. Гурьева. 1786—1849. Жена статс-секретаря по иностр. дел.

гр. Карла Вас. Нессельроде, Кавалер. дама. Р. П.; 67, 75, 86.

Нестеровский, Авим Вас. 1780—1830. Полковн., к-р л.-гв. 1-й арт. бриг. 119, 189, 198.

Николай Павлович. 1796—1855. Вел. кн., с 1825 — император, ген.-инспект. по инж. части, нач. 2-й гв. пех. див., шеф л.-гв. Измайл. п. и л.-гв. сап. бат., Северск. Конно-егерского п. и Егерск. № 1 п. своего имени, Польской армии, с воцарения еще шеф полков; л.-гв. Преобр., Семен., Гренад., Кирас. и польск. армии гв. Гренад. и Конн. егерск. Б. С.; 3, 4, 8, 26, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 86, 87, 88, 89, 90, 94, 95, 96, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 104, 106, 108, 109, 110, 111, 112, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 131, 132, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 146, 147, 148, 150, 161, 162, 172, 177, 178, 179, 180, 184, 186, 187, 188, 189, 192, 194, 195, 198, 200, 202, 203, 204, 205.

Никитин, Афанасий. Ряд. Моск. п. 191.

Николенко, Василий. Ряд. Грен. п. 192.

Де-Ноайль, граф—французский посол при русском дворе в 1816 — 1819. 12.

Новосильцев, Ник. Ник. 1762—1838. Тайн. советн., императорский уполномоченный при гос. сов. царства Польского Р. П.; 17.

Нуммерс, Авг. Фед. † 1831. Прап. Финл. п. А. Д.; 181.

Оболенский, кн. Евген. Петр. 1796—1863. Поруч. Финл. п., старш. адъют. Гв. пех. А. Д.; Б. С.; 33, 38, 41, 44, 46, 50, 62, 78, 82, 84, 88, 90, 95, 97, 104, 110, 117, 118, 121, 122, 123, 126, 129, 130, 180, 181, 183, 185, 186, 190, 193, 201.

Оболенский, кн. Конст. Петр. 1798—1861. Поруч. Павл. п., адъют. ген. Потемкина. А. Д.; 185, 194.

Овечкин, Никифор Фед. Бомбардир арт. ком. Гв. эк. 192.

Овсов, Ив. Ст. † 1827. Мичм. Гв. эк. А. Д.; Б. С.; 178.

Одоевский, кн. Ал-др Ив. 1802—1829. Корн. Конн. п. А. Д.; Б. С.; Р. П.; 47, 101, 112, 123, 180, 183, 184, 189, 193.

Окулов, Ник. Павл. См. Акулов.

Оленин 1-й, Ал-сей Ал-сеев. 1798—1854. Шт.-кап. Гв. ген. шт., дивизионн. квартирмейст. 1-й гв. пех. див. А. Д.; Б. С.; 186.

Оленин, Ал-сей Ник. 1763—1843. Тайн. сов., статс-секрет. департ. закон. гос. сов., исп. об. госуд. секретаря. Б. С.; Р. П.; 64, 68, 90, 146.

Опочинин, Фед. Петр. 1779—1852. Действ. статск. сов., б. полковн. Конн. п. Б. С.; 70, 73, 75.

Орлов 2-й, Ал-сей Фед. 1786—1861. С 1825 — граф, с 1856 — князь, ген.-ад., ген.-м., к-р л.-гв. Конн. п. и 1-й бригады 1-й Кирас. дивизии. Б. С.; К. Г.; 102, 114, 118, 124, 131, 132, 133, 139, 161, 188, 189, 198.

Орлов 1-й, Мих. Фед. 1788—1842. Ген.-м., сост. по армии. А. Д.; Б. С.; Р. П.; 20, 93, 139, 140, 141, 182.

Фон-дер-Остен-Сакен, гр. Фабиан Вильг. 1752—1837, с 1831—князь. Ген.-инф., гл. ком. 1-й арм., с 23 янв. 1826 г.— шеф пех. п., своего имени (б. Углицкого). Б. С.; В. Г.; Р. П.; 161, 185, 194.

Остерман-Толстой, гр. Ал-др Ив. 1770—1857. Ген.-инф., сост. при особе Ал-дра I, шеф л.-гв. Павл. п. Б. С.; В. Г.; Р. П.; 163.

Павел Петрович. 1754—1801. Вел. кн., с 1761 — цесаревич, с 1796 — император. Б. С.; Р. П.; 52, 53, 86, 157, 158.

Палицын, Степ. Мих. 1806—1880. Прап. св. е. в. по кварт. части, приком. к Гв. ген. шт. А. Д.; 180, 183, 185, 193, 202.

Панов, Ник. Ал-сеев. 1803—1850. Поруч. Грен. п. А. Д.; 47, 110, 112, 113, 120, 121, 177, 179, 181, 183, 188, 193, 201, 202, 203, 205.

Панюта, Пав. Моисеев. † 1825 г., дек. 15. Ряд. Конн. п. К. Г.; 190.

Паскевич, Ив. Фед. 1782—1856. С 1828 — граф, с 1832 — князь. Ген.-ад., ген.-лейт., ком-р 1-го пех. корп. Б. С.; В. Г.; П.; 161.

Патронов, Дементий. Ряд. Грен. п. 192.

Пегов, Федор Конст. Матр. Гв. эк. 192.

Перовский 2-й, Вас. Ал-сеев. 1794—1857. С 1855 — граф, полковн. л.-гв. Изм. п., адъют. вел. кн. Ник. Павл. А. Д.; Б. С.; Р. П.; 105, 116, 186, 187, 198.

Перетц, Григ. Абр. † после 1850 г., титулярн. сов. А. Д.; 146.

Пестель, Ал-др Ив. Род. 1800, отст. 1838. Поруч. л.-гв. Конно-егерск. п., с 1826 г. Кавалерг. п. Б. К.; 200.

Пестель 2-й, Влад. Ив. 1798—1865. Полковн. Кавалерг. п. А. Д.; Б. К.; Б. С.; П.; 186, 198, 200.

Пестель 1-й, Пав. Ив. 1792—1826. Полковн., к-р Вятского пех. п. А. Д.; Б. С.; П.; 29, 30, 31, 34, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 88, 95, 200.

Пистолькорс, Вас. Вас. 1796—1839. Кап. л.-гв. Конн. арт. 104, 189.

Плещеев 2-й, Ал-др Ал-др. 1803—1848. Корн. Конн. п. А. Д.; 184, 194.

Плещеев 1-й, Ал-сей Ал-др. Отст. 1836. Поруч. Конн. п. А. Д.; 184, 194.

Поветкин, Николай. 1795—1855. Ряд. Моск. п. А. Д.; 176, 177, 193, 196.

Поджио, Ал-др Викт. 1797—1873. Отст. шт.-кап. Преобр. п. А. Д.; Б. С.; 36, 37, 38.

Поливанов, Ив. Юрьев. 1797—1826. Отст. полковн. Кавалерг. п. А. Д.; 41.

Полозов 1-й, Дан. Петр. 1794—1850. Полковн., к-р л.-гв. 2-й арт. бриг. Б. С.; 198.

Поляков, Петр Ив. Священн. Конн. п. 188.

Попов, Ефим. Ряд. Павл. п. 190.

Потапов, Ал-сей Ник. 1780—1846. Ген.-м. л.-гв. Конно-егерск. п., дежурн. ген. гл. шт. е. в. Б. С.; В. С.; 75, 187, 198.

Потемкин, Як. Ал-сеев. 1781—1831. Ген.-ад., ген.-лейт., нач. 4-й пех. див. Б. С.; В. Г.; П.; Р. П.; С. А.; 185, 194.

Потоцкий, гр. Северин Осип. 1762—1829. Тайн. сов., сенатор, член гос. сов. Б. С.; Р. П.; 17.

Прибытков, Мих. Ал-др. Отст. 1827. Шт.-кап. Финл. п. 180, 199.

Прянишников, Олимп. Ив. 1789—1842. Полковн. Преобр. п. Б. С.; 198.

Прянишников 1-й, Петр Дмитр. Род. 1803. Подпор. Грен. п. А. Д.; 178, 179, 194.

Путята, Ник. Вас. 1802—1877. Поруч. л.-гв. Конно-егерск. п., адъют. ген. Закревского. А. Д.; Б. С.; 185, 195.

Пущин, Андрей Павл. Шт.-кап. Грен. п. 178, 193, 203.

Пущин, Ив. Ив. 1798—1859. Колежск. ассесор, судья Моск. надв. суда, бывш. подпор. Гв. конн. арт. А. Д.; Б. С.; 114, 124, 126, 130, 138, 140, 180, 181, 183, 193, 195.

Пущин, Мих. Ив. 1800—1864. Кап. л.-гв. Конно-пионерн. эск. А. Д.; Б. С.; 185, 194.

Раевский, Ник. Ник. 1771—1829. Ген. кав. Б. С.; В. Г.; Р. П.; 184, 185, 194.

Ренкевич (Рынкевич, Ринкевич), Ал-др. Ефим. 1802—1829. Корн. Конн. п. А. Д.; 184, 194.

Репин, Ник. Петр. 1796—1831. Шт.-кап. Финл. п. А. Д.; 94, 95, 124, 180, 181, 183, 187, 193.

Розен, бар. Андрей Евг. 1799—1884. Поруч. Финл. п. А. Д.; Б. С.; 94, 95, 124, 125, 151, 180, 181, 188, 193, 202, 203.

Ростовцев 4-й, Як. Ив. 1803—1860. Подпор. л.-гв. Егерск. п., и. д. старш. адъют. гв. пех. А. Д.; Б. С.; П.; 78, 94, 97, 185, 195, 200.
Румянцев, Пав. Петр. Кап. Финл. п. 180.
Рылеев, Кондр. Фед. 1795—1826. Правитель дел канц. Росс.-Амер. комп., отст. поруч. Конн. арт. роты № 12-го. А. Д.; Б. С.; 41, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 82, 83, 84, 85, 88, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 105, 106, 108, 110, 111, 113, 114, 115, 124, 193, 195.
Рыпкин, Григорий. Ряд. Моск. п. 191.

Саблуков, Ник. Ал-др. 1776—1848. Отст. ген.-м. Конн. полка. Б. С.; Р. П.; 55.
Сабуров, Ал-др Ив. 1799—1838. Ротм. л.-гв. Гусарск. п., ст. адъют. 2-го пех. корп. А. Д.; 185, 194.
Савельев, Иван. Ряд. Моск. п. 191.
Савинов, Михаил. Ряд. Грен. п. 192.
Сазонов 2-й, Ник. Гаврил. Род. 1782, отст. 1834. Ген.-м. л.-гв. сап. бат., нач. инж. Гв. корп. 198.
Сакен, граф. См. фон-дер-Остен-Сакен.
Саргер, бар. Ив. Ив. † 1828. Полковн. л.-гв. Егерск. п. 198.
Свиньин, Петр Павл. 1801—1882. Поруч. Кавалерг. п. А. Д.; 184, 194.
Свистунов, Петр Ник. 1803—1889. Корн. Кавалерг. п. А. Д.; 41, 184, 194.
Семенов, Самс. Як. Кап.-лейт. арт. ком. Гв. эк. 178.
Семенов, Сем. Мих. 1789—1852. Титул. сов., экспедитор гражд. отд. канц. Моск. ген.-губ. А. Д.; 138, 140, 141.
Серафим (Глаголевский, Стеф. Вас.). 1757—1843. Митрополит новгородск., с.-петерб., эстляндск. и финл. и архимандрит Алекс.-Невск. лавры. Б. С.; 126.
Сергеев, Афанасий. Ряд. Моск. п. 191.
Сергузев. Фельдфебель Моск. п. 177.
Симанов, Вас. Ряд. Павл. п. 190.
Симанский, Лука Ал-др. 1791—1828. Полковн., ком-щий Изм. п. (см. „Журн. Военн. Ист. Общ." 1911 г., № 3, стр. 111). 187, 195, 198.
Синявин, Дмитр. Ник. 1763—1831. Адмир. в отст. Б. С.; М. С.; 198.
Синявин, Ник. Дм. † 1833. Кап. Финл. п. А. Д.; 181, 195.
Сипягин, Ник. Мартемьян. 1785—1828. Ген.-ад., ген.-м., нач. 6 пех. див. Б. С.; В. Г.; 161.
Скалон, Ал-др Ант. 1796—1852. Шт.-кап. Гв. ген. шт. А. Д.; 186.
Скалон, Ант. Ал-др. 1804—1865. Поруч. л.-гв. Уланск. п. А. Д.; Б. С.; 183, 193.
Слатвинский, Петр Ив. 1783—1846. Полковн., к-р л.-гв. Конно-егерск. п. Б. С.; 198.
Смит, Адам. 1723—1790. Английский философ и экономист. 5.
Соколов, Кирьян Вас. Матр. Гв. эк. † 1825 г., дек. 28. 192.
Сперанский, Мих. Мих. 1772—1839. С 1839 — граф. Тайн. сов., член гос. сов. Б. С.; Р. П.; 5, 6, 40, 80, 82, 88, 89.
Стефансон, Пауль Степ. Матр. Гв. эк. 192.
Стойкович (Живко-Миленко), Як. Мих. отст. 1832. Поруч. л.-гв. Егерск. полка, П.; 122, 188.
Стрекалов, Степ. Степ. 1782—1856. Ген.-м. Изм. п., сост. при вел. кн. Ник. Павл. 115, 116, 187, 198.
Стрелков, Петр. Ряд. Грен. п. 192.
Стюрлер, Ник. Карл. † 1825 г., дек. 15. Полковн., к-р л.-гв. Грен. п. 112, 120, 121, 177, 183, 190, 191, 198, 199.
Суворов, кн. Италийский, гр. Рымникский, Ал-др Аркадьев. 1804—1882. Эстанд.-юнк. Конн. п. А. Д.; Б. С.; 184, 194, 195.
Суворов, кн. Италийский, гр. Рымникский, Ал-др Вас. 1729—1800. Генералиссимус. Б. С.; 56.

Сугоняев, Архип. Ряд. Моск. п. 177.
Сукин, Ал-др. Як. 1765—1837. Ген.-инф., комендант СПБ крепости, член гос. сов., сенатор. В. С.; 135, 181, 196.
Сумароков, Серг. Павл. 1793—1875. С 1856 — граф, отст. ген.-м. л.-гв. 2-й арт. бриг. Б. С.; 187.
Супрун, Лавр. Ник. Ряд. Конн. п. К. Г.; 190.
Суровой, Федул Сем. Матр. Гв. эк. 192.
Сутгоф, Ал-др Ник. 1801—1872. Поруч. Грен. п. А. Д.; Б. С.; 109, 110, 112, 113, 118, 119, 122, 130, 134, 177, 179, 181, 183, 193, 201, 202, 203, 204.
Сухозанет 1-й, Ив. Онуфр. 1788—1861. Ген.-м. гв. Конн. арт., нач. арт. Гв. корп. Б. С.; В. Г.; В. С.; Р. П.; 102, 103, 104, 114, 127, 129, 151, 187, 189, 198.
Сухоруков, Вас. Дм. 1795—1845. Поруч. л.-гв. Каз. п., сост. при ген.-адъют. Чернышеве, для составления истор. и статист. описания войска Донского. А. Д.; Б. С.; 185, 195.

Татищев, Ал-др Ив. 1762—1833. С 1826 — граф, ген.-инф., военн. министр. Б. С.; В. С.; 81, 129, 133.
Тимирязев, Ник. Фед. Отст. 1834. Лейт. Гв. эк. М. С.; 178.
Тимофеев, Иван. Ряд. Грен. п. 192.
Тимофеев, Леонтий. Ряд. Грен. п. 192.
Титов, Ник. Ал-др. Полковн. Преобр. п. 188, 198, 199.
Титов, Пав. Ал-др. Кап. Финл. п. 180.
Титов, Петр Павл. 1799—1870. Поруч. л.-гв. Кирас. п., адъют. ген. гр. Сакена. А. Д.; 185, 194.
Толстой, гр. Петр Ан-др. 1769—1847. Ген.-инф., член гос. сов. В. Г.; Р. П.; 139.
Толь, Карл Фед. 1777—1849. С 1829 — граф, ген.-адъют., ген.-лейт. свиты е. в. по кварт. части, нач. гл. штаба 1-й армии. В. Г.; Р. П.; С. А.; 119, 127, 128, 129, 132, 135, 150, 187, 202, 205.
Торсон, Конст. Петр. † 1851 г. Кап.-лейт. 22-го флот. эк., адъют. нач. морск. штаба. А. Д.; М. Д.; М. С.; 47, 83, 84, 94.
Траскин, Ал-др Семен. 1803—1855. Поруч. Гв. ген. штаба. В. М.; Р. П.; 190.
Трубецкой, кн. Вас. Серг. 1776—1841. Ген.-ад., ген.-лейт. Б. К.; В. Г.; Р. П.; С. А.; 187.
Трубецкой, кн. Серг. Петр. 1785—1851. Полковн. Преобр. п., дежурн. шт.-офиц. 4-го пех. корп. А. Д.; Р. П.; 11, 12, 20, 25, 33, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 50, 51, 82, 84, 85, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 93, 95, 96, 98, 109, 110, 135, 140, 151, 182, 185, 193, 201.
Трунов, Никифор Ерем. Матр. Гв. эк. 192.
Тулапин, Петр Степ. Матр. Гв. эк. † 1825 г., дек. 22. 192.
Тулубьев, Ал-др Никит. Полковн. Финл. п. А. Д.; П.; (Дата отставки в них — 1828 г. — неверна. В ист. Финл. полка, сост. Ростковским., ч. II, указан январь 1826 г.) 180, 186.
Тулубьев 2-й, Ник. Дм. 1793—1836. Поруч. Финл. п. А. Д.; 180.
Тутолмин, Фед. Дм. 1803—1870. Подпор. Грен. п. 177.
Тургенев, Ал-др Ив. 1784—1845. Действ. статск. сов., камергер, статс-секрет. департ. законов гос. сов. Р. П.; 17
Тургенев, Ник. Ив. 1789—1871. Действ. статск. сов., пом. статс-секрет. гос. сов. и управл. 3-го отд. канцел. мин. финансов. А. Д.; Р. П.; 17, 30, 31, 41, 43.
Тыртов, Валер. Мих. Отст. 1832. Мичм. Гв. эк. (Безымянное упоминание у Корфа, изд, IV, стр. 168, касается его). А. Д.; М. Д.; М. С.; 178, 179, 183, 193.
Тюриков, Ив. Унт.-оф. Павл. п. 188, 199.
Тюрин, Андрей. Ряд. Павл. п. 190.

Уваров, гр. Серг. Сем. 1786—1855. Тайн. сов., сенатор, председ. Академии Наук. Р. П.; 145.

Уваров, Фед. Петр. 1769—1824. † 24 ноября 1824 г., в звании командующ. Гв. корп., ген.-лейт., ген. кав., шефа Кавалерг. п. и члена гос. сов. В. Г.; Р. П.; С. А.; 161, 163.

Ушаков, Пав. Петр. 1779—1853. Ген.-м. 187, 198.

Федоров, Иван Федор. Матр. Гв. эк. † 1825 г., дек. 14. 192.

Федоров Матв. Матр. Гв. эк. 178, 199.

Федоров, Терентий. Боцман, фельдфебель 4-й р. Гв. эк. 178.

Федяев, Лонгин Ив. Шт.-кап. Павл. п. 188, 199.

Фелькнер, Владим. Ив. 1805—1871. Прап. л.-гв. Саперн. бат. Б. С.; 129.

Филарет (Дроздов, Вас. Мих). 1782—1867. Архиепископ московск. и архимандрит Троице-Сергиевск. лавры, с 1826 — митрополит. Б. С.; 59, 71, 140, 141, 142.

Философов 1-й, Ал-сей Иллар. 1799—1875. Поруч. л.-гв. 1-й арт. бриг. Б. С.; П.; 189.

Фок, Ал-др Ал-др. 1802—1854. Подпор. Изм. п. А. Д.; 184, 193.

Фонвизин, Ив. Ал-др. 1790—1853. Судья Бронницк. уездн. суда, отст. полковн. свиты е. в. по квартирм. части. А. Д.; Р. П.; 30, 31, 34, 47.

Фонвизин, Мих. Ал-др. 1788—1854. Ген.-м. в отст. А. Д.; Б. С.; Р. П.; 30, 34, 139—141.

Фредерикс, бар. Ал-др Андр. 1788—1849. Полковн. Изм. п., вр. и. д. коменданта гл. квартиры Александра I в Таганроге. Б. С.; 78.

Фредерикс, бар. Борис Андр. 1797—1874. Полковн. Моск. п. Б. С.; 175.

Фредерикс 1-й, бар. Петр Андр. 1786—1855. Ген.-м., к-р Моск. п. Б. С.; 105, 106, 107, 176, 187, 190, 191, 198, 199.

Фридрихс, фельдъегерь, затем капитан, перв. муж Жозефины Мортье-Фридрихс-Александровой-Вейсс. 156.

Фридрихс, Жозефина Францевна. См. Вейсс, Ульяна Мих.

Хватов, Иван Фед. Матр. Гв. эк. 192.

Хватов, Марк Ив. Ряд. Конн. п. К. Г.; 189, 190, 199.

Хвощинский, Павел Кесарев. 1792—1852. Полковн. Моск. п. Б. С.; 107, 176, 186, 190, 191, 196, 198, 199.

Хованский, кн. Ник. Ник. 1775—1837. Ген.-лейт., ген.-губерн. смоленск., витебск., могилевск. и калужск. Б. С.; В. Г.; С. А.; 183, 185, 193.

Хорошилов. Унг.-оф. Гв. эк. 179.

Храпцов, Алексей. Ряд. Моск. п. 191.

Цебриков, Ал-др Ром. 1802—1876. Лейт. Гв. эк. А. Д.; Б. С.; М. С.; 178, 193.

Цебриков, Ник. Ром. † 1866. Поруч. Финл. п. А. Д.; Б. С.; 180, 181, 183, 193.

Чаадаев, Петр Яковл. 1794—1856. Отст. поруч. л.-гв. Гусарск. п., бывш. адъют. ком-щего Гв. корпусом И. В. Васильчикова (1817—1821). А. Д.; Б. С.; 18.

Чарторыйский, кн. Адам (Юрий) Адамов. 1770—1866. Тайн. советн., сенатор, член гос. сов. (Бывш. управл. министерством иностр. дел и попечитель Виленск. уч. окр.). Р. П.; 21.

Чевкин 1-й, Ал-др Влад. 1803—1887. Поруч. л.-гв. Конн. п., ад. ген. кн. Хованского. А. Д.; П. Безымянное упоминание у Корфа, изд. IV, стр. — 134 касается его. У Розена „Записки декабриста", изд. 1870, стр. 104, спутан с братом Константином. В поправках („Русск. Стар." 1877 г., кн. 6, стр. 330), конно-пионером назван ошибочно. А. Д.; П.; 101, 183, 185, 188, 193.

Чевкин 2-й, Конст. Влад. 1802—1875. Подпор. Гв. ген. шт. Б. С.; В. С.; П.; 101, 190.

Чернышев, Ал-др Ив. 1785—1857. С 1826 — граф, с 1841 — князь, с 1849 — светл. князь, ген.-ад., ген.-лейт., нач. легк. Гв. кав. див. Б. С.; В. Г.; В. С.; П.; Р. П.; 161, 185.

Чернышев, гр. Зах. Григ. 1796—1862. Ротм. Кавалерг. п. А. Д.; Р. П.; 184, 194.

Черняков, Иван Герас. Бомбардир арт. ком. Гв. эк. 192.

Четвертинская, княжна Жан. Ант. См. Вышковская.

Четвертинская, княжна Мария Ант. См. Нарышкина.

Чичерин 1-й, Петр Ал-др. 1778—1848. Ген.-м., к-р л.-гв. Драг. п. и 1-й бриг. легк. Гв. кав. див. Б. С.; Д. Г.; 198.

Чоглоков, Андр. Павл. 1801—1873. Корн. Кавалерг. п. Б. К.; 189.

Шабанов, Иван Григ. Матр. Гв. эк. 192.

Шафеев, Тимофей. Унт.-оф. Моск. п. 191.

Шварц, Григ. Ефим. † после 1867. Полковн., ком-вший в 1820 г. Семеновск. п. Б. С.; 13, 62, 158.

Шебеко, Франц. Ив. р. 1785 — отст. 1843. Полковн. Грен. п. Б. С.; 178, 196.

Шеин, Алексей Семен. 1662—1700. Ближний боярин и генералиссимус. Б. С.; 205.

Шелапутов, Герасим. Ряд. Грен. п. † 1825 г., дек. 15. 192.

Шеншин 1-й, Вас. Никанор. 1784—1831. Ген.-м. Финл. п., к-р 1-й Гв. пех. бриг. Б. С.; В. Г.; 101, 107, 176, 187, 190, 191, 196, 199.

Шембель, Ал-др Ив. Отст. 1829. Полковн. л.-гв. Драг. п. 198.

Шервуд, Василий Ив. 1793—1867. С 5 июля 1826 г. Шервуд Верный. Унт.-оф. из вольноопр. 3-го укр. Ул. п., затем унт.-оф. и прап. л.-гв. Драг. п. А. Д.; Б. С.; 78, 201.

Шереметев 2-й, Ник. Вас. 1804—1849. Подпор. Преобр. п. Безымянное упоминание у Корфа, изд. IV, стр. 146 — касается его. А. Д.; П.; 185, 194.

Шереметев 1-й, Алексей Вас. 1800—1857. Поруч. л.-гв. Драгунск. п. адъют. ген. гр. Толстого. А. Д.; 139.

Шереметев, Серг. Вас. 1792—1866. Полковн. Кавалерг. п. Б. К.; 198.

Шипов 2-й, Ив. Павл. 1793—1843. Полковн. Преобр. п., с 1826 — к-р Сводно-Гвард. пех. п. А. Д.; Б. С.; 186 196.

Шипов 1-й, Серг. Павл. 1785—1851. Ген.-м., к-р Семен. п. и вр. ком-щий 2-й гвард. пех. бриг. А. Д.; Б. С.; 95, 114, 186, 187, 198.

Шишков, Ал-др Сем. 1754—1841. Вице-адмирал, президент Российской Академии Наук, мин-р народного просвещения. Б. С.; 23.

Шишманов, Николай Корнеев. Матр. Гв. эк. 192.

Шонин, Григ. Унт.-оф. Павл. п. 190.

Шпейер, Вас. Абрам. 1802—1862. Лейт. Гв. эк. А. Д.; М. Д.; М. С.; 178, 193.

Штакельберг, бар. Петр Егор. 1794—1848. Шт.-кап. Грен. п. А. Д.; 178, 193.

Штегельман, Павел Андр. 1790—1858. Полковн. Семен. п. Б. С.; 198.

Штейнгель, бар. Влад. Ив. 1783—1862. Отст. подполковник, писатель. А. Д.; Б. С.; 3, 146.

Шторх, Ал-др Андр. 1804—1870. Подпор. Грен. п. А. Д.; 178, 179, 193.

Шульгин, Ал-др Серг. † 1841. Ген.-м., СПБ обер-полицмейстер, увол. 30 янв. 1826 г. Б. С.; В. Г.; Р. П.; 205.

Щепакин, Никита. Полков. бараб. Моск. п. 177.

Щербатский 1-й, Фед. Григ. 1790—1835. Полковн. Грен. п. Б. С.; 121, 175, 178.

Щепин-Ростовский, кн. Дмитр. Ал-др. 1798—1859. Шт.-кап. Моск. п. А. Д.; Б. С.; 105, 107, 109, 110, 134, 175, 176, 177, 179, 181, 183, 190, 193, 199, 201, 202, 203, 204.

Фон-Эссен, Ант. Ант. 1799. † после 1831. Ротм. Конн. п. Б. С.; 189.

Юшневский, Ал-сей Петр. 1786—1844. Действ. статск. сов., ген. интендант 2-й армии. А. Д.; Б. С.; 36.

Яковлев, Иван Як. Матр. Гв. эк. 192.

Якубович, Ал-др Ив. 1792—1845. Кап. Нижегор. Драг. п. А. Д.; Б. С.; 47, 49, 82, 85, 99, 105, 109, 110, 114, 122, 180, 182, 183, 193, 195, 201.

Якушкин, Ив. Дмитр. 1793—1857. Отст. кап. 37-го Егерск. п. А. Д.; 25, 30, 31, 33, 34, 139, 140, 141.

Ян, Веньямин. Ряд. Грен. п. 192.

Ярц, Ал-др Тобиев. † 1857. Шт.-кап. Павл. п. 188, 199.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

I. Общественная почва декабрьского восстания 3
II. Северное Общество 25
III. Династический кризис 52
IV. Канун восстания 82
V. День 14 декабря 100
VI. Ликвидация восстания 134

Библиографическое послесловие 149

Приложение:

Г. С. Габаев. Гвардия в декабрьские дни 1825 г.

От составителя 155

I. Общий обзор состояния русской гвардии к концу 1825 г. 157
II. Организация, состав, расквартирование и вооружение войск гвардейского корпуса к концу 1825 г. 164
III. Разделение Петербургской гвардии 14 декабря 1825 года на два враждебных стана. Состав и сила сторон. Руководители и деятели обеих сторон 173
IV. Потери ранеными и убитыми с обеих сторон. Кары, наложенные на восставших. Награды правительственным войскам и их начальникам . . . 190
V. Краткий военный разбор вооруженного столкновения сторон 14 декабря 1825 года 201

Именной указатель 207

План С.-Петербурга с указанием казарм гв. частей и пути их следования на площадь.

План Петровской площади с указанием расположения войск.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

Районы казарменного расположения 1825 г.

1-ые и 2-ые батальоны полков Л.-гв.

1. Преображенского
   А — 1 бат.
   Б — 2 бат.
2. Семеновского
3. Измайловского
4. Егерского
5. Московского
6. Гренадерского
7. Павловского
8. Финляндского
9. Гвард. Экипажа
10. Л.-гв. Саперн. бат.
11. Кавалергардского п. и Л.-гв. Черноморского каз. эск.
12. Л.-гв. Конного п.
   А — 3, 4, 5, 6 и 7 эск.
   Б — 1 и 2 эск.
13. Л.-гв. 1-го Конно-пионер. эск.
14. Л.-гв. Жандарм. ½ эск.
15. Л.-гв. 1 арт. бриг.
16. Л.-гв. Конно-батарейн. батарея
17. Учебн. карабин. полка 1 и 2 бат.
18. Учебн. Саперн. бат.

Главные здания, связанные с событиями 14 декабря

С — Сенат
А — Главное Адмиралтейство
З. Д. — Зимний дворец
К — Кронверк
П. К. — Петропавловская крепость
А. Д. — Аничковский дворец
+ Стройка Исаакиевского собора

СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ ВОЙСК 14 декабря 1825 г.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА. Войска, обозначенные на схеме

Восставшие
(около 3.000 чел. пехоты).

Каре А. Бестужева

Л.-гв. Московск. п.— 671 ч.

1. Фас М. Бестужева... $2^1/_2$ роты
2. „ кн. Щепина..... 2 „
3. Цепь кн. Е. Оболенского ок. 40 ч.

Л.-гв. Гренад. п.— ок. 1.250 ч.

4. Фас Сутгофа... 1 рота
5. Фасы Панова... 1 бат.—4 роты

Колонна Н. Бестужева

Гвард. Экипаж—около 1.100 ч.

6. 1 бат.— 8 рот и арт. ком-да.

Нейтральные
(около 500 чел. пехоты)

7. Л.-гв. Финлянд. п. бар. Розена $2^1/_2$ роты

Правительственные войска
(пех.—ок. 9.000 ч., кавал.—ок. 3.000 ч. и артилл.—36 ор.)

8. Л.-гв. Преображ. п.... 1 рота
9. „ Финлянд. п..... $1^1/_2$ роты
10. „ Конного п...... 2 эск.
11. „ и 1-го Конно-пион.. $1^3/_4$ эск.
12. „ Финлянд. п. караул ок. 25 ч.
13. Л.-гв. Павловск. п. сводн. бат. 3 роты
14. 1-го Конно-пион.... $^1/_4$ эск.
15. Кавалерг. п........ $^1/_4$ „
16. Л.-гв. Семеновск. п. 2 бат.—8 рот
17. „ Гренад. п. св. рота 137 ч.
18. „ Конного п...... 5 эск.
19. „ Преображ. п. $1^3/_4$ бат.—7 рот
20. „ Московск. п. св. бат. 641 ч.
21. „ Измайловск. п. 2 бат. 8 рот
22. „ Егерск. п...... 2 бат. 8 рот
23. Кавалерг. п......... $6^3/_4$ эск.
24. Л.-гв. 1 арт. бриг $2^2/_3$ роты—32 ор.

